
Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

Международный совет издательских программ и научных проектов АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	Журнал «Политический класс», МГУ им. М. В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Центр развития информационного общества (РИО-Центр)
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	РИА «Новости»
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусёку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины, Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Российский государственный социальный университет
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

Е.В. Суровцева

БАДЕН ПОД ВЕНОЙ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

Историко-культурологический
путеводитель с приложением
воспоминаний барона
Ф.Ф. Торнау

Москва
2013

Дизайн и вёрстка: *Сергей Щербина*

Суровцева Е.В.

Баден под Веной и его окрестности. Историко-культурологический путеводитель с приложением воспоминаний барона Ф.Ф. Торнау. – М.: АИРО-XXI, 2014. – 248 с. – ISBN 978-5-91022-254-4.

Автор рассматривает некоторые аспекты, сближающие микроисторию с художественной литературой в отражении повседневной, бытовой
??
??

ISBN 978-5-91022-254-4

© Суровцева Е.В., 2014
© АИРО-XXI, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ	9
-----------------------	---

Часть 1.

БАДЕН ПОД ВЕНОЙ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

Баден под Веной (Baden bei Wien), Венский лес (Wienerwald), Нижняя Австрия (Niederösterreich)	11
§ 1 Термальный курорт Баден под Веной (Baden bei Wien) в Венском лесу (Wienerwald).....	11
§ 2 Баден под Веной – край хойригеров (Heuriger).....	13
§ 3 Долина Святой Елены (Хелененталь – Helenental), аббатство Святого Креста (Хайлигенкройц – Heiligenkreuz), Священная дорога (Виа Закра – Via Sacra)	17
§ 4 Hütte.....	23
§ 5 Маленькое дополнение	23
Баден под Веной (Baden bei Wien)	25
Алланд (Alland).....	56
Майерлинг (Mayerling).....	57
Хайлигенкройц (Heiligenkreuz)	59
§ 1 Краткая история	59
§ 2 Экскурсии	62
§ 3 Основные достопримечательности аббатства	62
§ 4 План монастыря	70
Зигенфельд (Siegenfeld).....	71
Хинтербрюль (Hinterbrühl)	73
Мёдлинг (Mödling).....	75
Гааден (Gaaden).....	81
Бад Фёслау (Bad Vöslau)	82
Зоосс (Sooss).....	87
Гумпольдскирхен (Gumpoldskirchen).....	90
§ 1 Краткая история	90
§ 2 Достопримечательности Гумпольдскирхена.....	90
Краткое перечисление мест, не описанных в путеводителе, с указанием основных достопримечательностей.....	95

Практическая информация.....	102
§ 1 Как добраться до Бадена из аэропорта	102
§ 2 Где взять машину напрокат	102
§ 3 Туристическая информация.....	103
§ 4 Где поесть.....	103
§ 5 Проживание	104
§ 6 Сувениры.....	105
§ 7 Самые известные блюда австрийской кухни	105
§ 8 Русское телевидение	108
§ 9 Прогноз погоды	108
§ 10 Общественный транспорт.....	108
§ 11. Экскурсии.....	110
Путеводители по Австрии на русском языке	110
§ 1 Вся Австрия	110
§ 2 Вена.....	111
§ 3 Баден под Веной	113
§ 4 Штирия	113
§ 5 Зальцбург.....	113
§ 6 Тироль	113
Книги о Бадене под Веной на немецком и английском языках.....	113
§ 1 На немецком языке.....	113
§ 2 На английском языке.....	116
Книги об окрестностях Бадена под Веной на немецком и английском языках	116
§ 1 На немецком языке.....	116
§ 2 На английском языке.....	117
Книги о виноделии в Австрии (на немецком языке)	117
Книги об австрийской кухне (на русском языке).....	117

Часть 2.

Барон Федор Федорович Торнау.

ВОСПОМИНАНИЯ

От Вены до Карлсбада (Путевые впечатления).....	118
Воспоминания	175

Моей милой мамочке
Ирине Леонидовне
Суровцевой

Ich hätte mein Leben nicht gedach,
dass ich einmal so faul sein könnte,
wie ich es hier bin!

*Людвиг ван Бетховен
о Бадене под Веной*

Предупреждение

Данная книга состоит из двух частей.

Первая часть написана в жанре путеводителя по **Бадену под Веной (Baden bei Wien)**. Существует множество путеводителей по Австрии, однако путеводитель по Бадену в *Венском лесу (Wienerwald) Нижней Австрии (Niederösterreich)* только один – это путеводитель Кристиана Ханля (Christian Handl) и Габриэлы Хандль (Gabriele Handl), на страницах которого размешены красивейшие фотографии, под названием «Баден под Веной. Прогулка по городу» (Wien, 2003). Но, к сожалению, это издание охватывает лишь небольшую часть достопримечательностей города.

В своей работе мы пытаемся дать более основательное описание интересных мест Бадена и его имперской истории, безусловно, опираясь на книгу К. и Г. Хандлей. Нам хотелось бы более основательно и подробно познакомить читателя – в первую очередь русского – с этим уникальным городом с великой историей, имеющей прямое отношение к истории русской, и систематизировать обширные сведения о нём.

Кроме того, мы попытались коротко описать достопримечательности близлежащих к Бадену мест – таких, как *Алланд (Alland)*, *Майерлинг (Mayerling)*, *Хайлигенкройц (Heiligenkreuz)*, *Зигенфельд (Siegenfeld)*, *Хинтербрюль (Hinterbrühl)*, *Мёдлинг (Mödling)*, *Гааден (Gaaden)*, *Бад Фёслау (Bad Vöslau)*, *Зоосс (Sooss)*, *Гумпольдскирхен (Gumpoldskirchen)*. Мы хотели заинтересовать и ими потенциального туриста. Ведь до них легко дойти даже пешком, отдыхая в Бадене. А сделать это, безусловно, стоит – каждое из этих мест имеет богатую историю.

Коротко мы рассказали также о *долине Святой Елены – Хелененталь (Helenental)*, в устье которой располагается Баден.

Не смогли мы обойтись без практической информации (как добраться до Бадена из аэропорта, где взять машину напрокат,

как обратиться в туристическую информацию города, где и что поесть, где найти себе жильё и где купить сувениры) и без плана местности.

Мы составили также краткое перечисление мест, не описанных в путеводителе, с указанием основных достопримечательностей. До этих мест можно добраться на общественном транспорте или на машине.

В конце книги мы привели все известные нам путеводители по Австрии на русском языке, как созданные русскими авторами, так и переводные, разбив их по темам. Отдельным списком даются книги о Бадене на немецком и английском языках и об окрестностях Бадена (тоже на немецком и на английском).

Мы стремились познакомить читателя не только с историей, но и с обычаями края. Так, нами описан такой феномен, как *хойригер* (*Heuriger*).

Хочется надеяться, что данная окажется полезной и туристам, и всем интересующимся зарубежной историей и культурологией.

Вторая часть книги включает в себя воспоминания барона Фёдора Фёдоровича Торнау (1810–1890), русского офицера, дипломата, писателя, разведчика, участника Кавказской войны, автора целого ряда документальных литературных произведений. Произведения эти были опубликованы в разнообразных русских журналах XIX века, недавно большинство из них переиздано¹. В эти переиздания не вошли воспоминания Торнау о своём пребывании в Вене – «От Вены до Карлсбада» (заметки, опубликованные в 1872 году) и «Воспоминания барона Ф. Ф. Торнау», описывающие период 1856–1861 годов и оставшиеся незаконченными (были опубликованы посмертно в 1897 году). Отметим, что примечания в «Воспоминаниях ...» принадлежат Торнау.

Торнау неоднократно упоминает места, расположенные под Веной, о которых идёт речь в первой части книги.

¹ См.: Торнау Ф.Ф. Записки русского офицера. – М.: АИРО-XX, 2000; Торнау Ф.Ф. Записки кавказского офицера. – М.: АИРО-XXI, 2008.

1

БАДЕН ПОД ВЕНОЙ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ

БАДЕН ПОД ВЕНОЙ (BADEN BEI WIEN),
ВЕНСКИЙ ЛЕС (WIENERWALD), НИЖНЯЯ АВСТРИЯ
(NIEDERÖSTERREICH)

§ 1 Термальный курорт Баден под Веной (Baden bei Wien)
в Венском лесу (Wienerwald)

Баден под Веной (по-немецки *Baden bei Wien*, по-словенски *Koranje pri Dunaju*) – город-курорт в Австрии, в регионе Нижняя Австрия, столица Баденского района. Расположен приблизительно 26 километрах к югу от Вены, поэтому называется *Baden bei Wien* (*Баден под Веной*). Это название используется, чтобы отличить это от его других городов с тем же самым названием, таких как Баден-Баден в Германии, Баден в Швейцарии, Баден в Австралии (штат Тасмания), Баден в США (штат Пенсильвания), Баден во Франции (Бретань), Баден в Эритрее. Город состоит из семи *кадастровых общин* (*Katastralgemeinden*): *Баден* (*Baden*), *Брайтен* (*Breiten*), *Гамингерхоф* (*Gamingenhof*), *Леерсдорф* (*Leesdorf*), *Миттерберг* (*Mitterberg*), *Рауэнштайн* (*Rauhenstein*) и *Вайкерсдорф* (*Weikersdorf*).

Баден расположен в устье долины **Хелененталь**, иначе – долины Святой Елены (**Helental**), части долины реки **Швехат** (**Schwechat**) (давшей, к слову отметим, название венскому аэро-

порту) в пределах горной цепи под названием **Венский лес (Wienerwald)**.

Герб Венского леса

Сайты Венского леса в интернете:

<http://www.tiscover.com/wienerwald>,

<http://www.wienerwald.info>

Недалеко от Бадена долина пересечена грандиозным по размерам **акведуком Венской водопроводной станции**.

Самый высокий пункт в окрестности Бадена – пик **Hoher Lindkogel** (примерно 834 метра), обычно называемый *Eisernes Tor* (*Железные ворота*), время восхождения на которые около трёх часов.

Славится Баден прежде всего как оздоровительный курорт с **термальными источниками**. Они возникли около 16 миллионов лет назад, когда Венская низменность отделилась от восточного края Альп и воды, нагревающиеся глубоко в недрах земли, вышли на поверхность по линии разлома.

Город известен со времён Римской империи под названием *Термы Панноники* (лат. *Thermae Pannonicae*). Горячие серные источники использовались римлянами (лат. *Itinerarium Antonini*).

В настоящее время купальни «Римские термы» работают круглогодично; есть и летние открытые купальни. Всего в Бадене пятнадцать купален (Bad), которые и дали название городу, тринадцать из них тёплые. Первый открытый источник находится под обломком скалы, под оркестровой ямой Летнего театра в Курортном парке. Температура тёплых купален от 22°C (72°F) до 36°C (97°F), их главный компонент – сульфат извести. Их источники, которые используются преимущественно для купания, в основном расположены у подножья **горы Кальвариенберг (Kalvarienberg)**, высота около 326 метров), состоящей из доломитизированного известняка.

§ 2 Баден под Веной – край хойригеров (Heuriger)

Баден окружён примерно 120 виноградниками и имеет приблизительно 70 винных ресторанчиков (хойригеров). **Хойригер (Heuriger)** ['hœʏvɪgɐ] – «нынешнего года»; существуют и другие австро-баварские варианты этого слова: *Heiriga, Heiricha*) – австрийское молодое вино, а также название традиционных в восточной части Австрии (Вене, Нижней Австрии и Бургенланде) заведений, предлагающих молодое вино на розлив. В этих краях виноград возделывали ещё с кельтских времён, однако началом расцвета виноделия в Бадене считается 1113 год, когда династия Бабенбергов подарила *монастырю Клостернойбург (Klosterneuburg)* пять виноградников. Право продажи вина собственного производства на розлив без специальной лицензии регулируется в Австрии циркуляром, подписанным 17 августа 1784 года Иосифом II, императором Священной Римской империи. Этим декретом всем гражданам разрешалось продавать не только вино, но и вообще любые продукты собственного производства. Важной датой именно баденского виноделия считается 1459 год, когда кайзер Фридрих III наделил всех налогоплательщиков привилегией свободно продавать своё вино. Таким образом, история хойригеров в Бадене более продолжительная, нежели в других частях Австрии. Отметим также, что в баденские хойригеры вплоть до 1939 года посетители должны были сами приносить с собой закуску.

У хойригеров есть юридические ограничения, отличающиеся от ограничений, предъявляемым ресторанам. Здесь может быть подано только собственное молодое вино владельца хойригера. В хойригере можно также очень вкусно и недорого поесть – кушанья, как горячие, так и холодные, выбираются из буфета (в хойригерах практикуется что-то в роде самообслуживания, владельцы приносят к столу только те блюда, которые по каким-либо причинам надо дополнительно разогреть или готовить). Расплачиваться за еду следует тут же, у буфета. Широкое распространение в хойригерах получило, например, местное блюдо под названием *Liptauer* (острый паштет из сыра) и, конечно, типично австрийское блюдо – известный венский шницель (*Wiener Schnitzel*). Напитки заказываются за столом и приносятся работниками хойригера, которые записывают заказ на бумажках; бумажки эти

остаются на столе клиента, и именно по этим записям после еды проводится отдельная оплата напитков. Хойригер может быть открыт только определённое количество времени. Надо учесть, что в каждой местности хойригеры работают попеременно. Так что практически гарантировано, что в течение отпуска в любое время года можно найти открытый хойригер. Определить, какие же хойригеры открыты, нетрудно: если над входной дверью висят несколько ветвей ели (*Buschen*) и/или горит лампа, значит, хойригер работает. Сами ветки символизируют молодое вино, красные или белые ленты на них (которые вывешиваются далеко не во всех хойригерах) – цвет вина (впрочем, во многих хойригерах можно отведать и красное, и белое вино). Кроме того, почти в каждом хойригере можно найти бесплатно распространяемую брошюру с расписанием работы всех хойригеров данной местности. Часто при входе в хойригере вывешивают табличку с указанием ближайшего срока, когда этот хойригер *ausg'steckt* (открыт).

В Вене есть много ресторанов, которые присваивают себе наименование хойригера, но являются фактически ресторанами с лицензией ресторана, где подаются вина из внешних источников и даже пива. Отметим, что в нынешних хойригерах (по крайней мере – в баденских) подают и чай, и кофе, и пиво, что ранее было просто немыслимым.

В Бадене, как и во многих городах термального региона, предпочтение отдают красным винам, таким, как «*Цвайгельт*» (*Zwiegelt*), «*Сант-Лорент*» (*St-Laurent*), «*Блауэр Португезер*» (*Blauer Portugeser*), в основе виноделия лежит всё же белое вино. Типичными сортами являются также «*Ротгипфлер*» (*Rotgipfler*) и «*Цьерфандлер*» (*Zierfandler*). Около 80 разных сортов вина можно попробовать в винотеке на Брузаттиплац (*Brusattiplatz*), которая была основана в 1995 году коллегией виноделов.

Чтобы сделать учреждение более выгодным, во многих местах, владельцы хойригеров сдают часть площадей внаём виноделам (*Winzer* на немецком языке). Поэтому эти учреждения носят название *Winzerstube*.

Включение записей с музыкой считается недопустимым в хойригерах. Если в хойригере и существует музыкальное сопровождение, то это обязательно живая музыка, исполняемая обычно

двумя певцами (*Heurigersänger*) на гитаре и аккордеоне. Они исполняют по заявкам слушателей любые песни из своего репертуара; прохаживаясь от стола к столу, они и «собирают» пожелания присутствующих. Их репертуар – это венские народные песни *Wienerlieder* и *Schrammelmusik*. Темы этих песен неизменно вращаются вокруг вина, красоты Вены, ностальгической тоски по прошлому, быстротечности жизни, неизбежности страдания и смерти по попущению Бога и романтической любви (правда, последняя из перечисленных тем встречается гораздо реже остальных). Массовый туризм нанёс определённый ущерб музыкальной культуре хойригеров. Посетители из Германии будут рады услышать одну или две песни от, скажем, немецких песен *Rhineland*, и исполнители песен постараются исполнить ту музыку, которую клиенты хотят услышать. *Heurigersänger* также попытаются угодить вкусам представителей видов национальностей всякий раз, когда полный автобус привозит большую туристическую группу. Таким образом, музыка в хойригерах пошла длинный путь с того времени, когда люди, подобно *Антону Карасу* (*Anton Karas*) пением в хойригерах зарабатывали себе на жизнь игрой на цитре, до времени нынешнего, когда *Ганс Мозер* (*Hans Moser*) интерпретировал *Wienerlied* в своих кинофильмах.

Наиболее известные места с хойригерами – ***Grinzing*** (пригород Вены), ***Sievering***, ***Neustift am Walde***, ***Perchtoldsdorf***, ***Mauer***, ***Stammersdorf***, ***Guntramsdorf***, ***Gumpoldskirchen***, ***Gainfarn***, ***Dürnstein***, ***Langenlois***, область ***Wachau***, ***Rust*** (на озере *Нойзидлерзее* (*Neusiedlersee*) в *Бургенланде* (*Burgenland*)), ***Königstetten***, ***Gamlitz*** и ***Kitzeck***.

Ещё одну разновидность хойригеров называют *мостхойригер* (*Mostheuriger*), где подаётся сидр из яблок или груш. Подобные учреждения также существуют и в других немецкоговорящих областях винного производства, иногда называемого *Buschenschank* (в Штирии), *Straussenwirtschaft*, *Besenwirtschaft*, *Heckenwirtschaft*.

В историческом романе *Алекса Тамayo Вольфа* (*Alex Tamayo Wolf*) «*Революция*» скрупулёзно описаны жизнь Гринцинга (*Grinzing*) и австрийская культура ряда лет перед Первой мировой войной на примере истории винодела Рислинга (*Riesling*) и его семьи.

Сорт вина Рислинг (Riesling) не связан с фамилией этого винодела из романа Вольфа – первые упоминания об этом сорте относятся к XV веку. Однако не исключено, что своё название вино получило от фамилии его далёкого предка.

См. в интернете: <http://www.heurigenschenke.at/>, расписание работы хойригеров: <http://www.heurigenkalender.at/>

Интересной достопримечательностью Бадена, имеющей прямое отношение к виноделию, является так называемая **Винная улица термального региона (Weinstrasse Thermenregion)**. Её основание относится к 2001 году. При этом организация «Weinstrasse» включает в себя общины, виноградарские и туристические объединения и, конечно, частные предприятия, такие, как хойригеры, винодельни, винотеки, гастрономические предприятия и фирмы занимающиеся размещением туристов в гостиницах. 22 виноградарские общины, входящие в «Weinstrasse», – это *Perchtoldsdorf, Giesshöbl, Hinterbrühl, Mödling, Gumpoldskirchen, Pfaffstätten, Baden bei Wien, Sooss, Bad Vöslau, Kottlingbrunn, Leobersdorf, Sollenau, Schönaun, Günselsdorf, Teesdorf, Tattendorf, Oberwaltersdorf, Trumau, Traiskirchen, Guntramsdorf, Maria Enzersdorf* и *Brunn* (горы).

«Weinstrasse Thermenregion» с его разнообразными предложениями, безусловно, споспосбствуют притоку туристов, ценителей вина. Приобретать особенное вино по закупочным ценам, открывать для себя вино в глубоких подвалах, от которых даже эксперты не ожидали ничего – эта мечта каждого гурмана облегчается благодаря организации «Weinstrasse Thermenregion». Наслаждаться вином на месте, стоять в личном контакте с виноделами, связывать историю с вином и знакомиться, возможно, с новыми винодельнями. Все предложения организации охватывают отражённый в так называемом *вином календаре (Weinkalender)* разнообразнейший ассортимент вин, доступный для ознакомления круглый год.

Weinstrasse Thermenregion: <http://www.weinstrassen.at/>

См. также: <http://www.weinherbst.at/>

Об австрийских винах см.: <http://www.wein-aus-oesterreich.at/>

Путеводитель по хойригерам в Weinland Thermenregion:

<http://www.heurigenfuehrer-weinlandthermenregion.at/index.php/>

В наше время в Вене существует некоторое количество хойригеров, слишком далеко отошедших от традиции и практически не посещаемых самими венцами. Дело в том, что в таких хойригерах относительно низкокачественное вино и сравнительно высокие цены. Видимо, владельцы рассчитывают на то, что многие туристы вряд ли смогут отличить «настоящий» хойригер от «ненастоящего». Такие хойригеры располагаются, например, в районе *Гринцинг (Grinzing)*, известный как один из центров виноделия. Отметим, что хойригеры Гринцинга были очень популярны среди венцев вплоть до конца 1970-х – начала 1980-х годов. Разумеется, в Гринцинге сохранились и хойригеры, строго придерживающиеся старых традиций.

§ 3 Долина Святой Елены (Хелененталь – Helenental),
аббатство Святого Креста (Хайлигенкройц – Heiligenkreuz),
Священная дорога (Виа Закра – Via Sacra)

По живописной дороге, выходящей через долину **Святой Елены – Хелененталь (Helenental)**, из Бадена можно добраться до **аббатства Святого Креста – Хайлигенкройца (Heiligenkreuz)**, основанного монахами ордена цистерцианцев. В Средние века пользоваться этой дорогой можно было лишь на собственный страх и риск – в ту эпоху **замки Рауэнштайн (Rauhenstein) и Рауэнек (Rauheneck)** (оба датируются XI–XII веками; расположены неподалёку от него расположен замок **Weilburg**; долгое время Рауэнштайн находился во владении семьи Турзенов – фамилия эта означает «великан», затем он неоднократно менял своих владельцев) были логовом рыцарей-разбойников. Самой императрице Элеоноре Португальской довелось попасть в их руки, когда она совершала со свитой паломничество в Хайлигенкройц. В числе напавших на императрицу разбойников был очередной владелец

Рауэнштайна Вильгельм фон Пуххайм. После этого происшествия император Фридрих III, её супруг, приказал взять Рауэнштайн штурмом и, после того как он перешли во владения императора, разрушил его. Огромная крепость Турнзенов была разрушена Маттиасом Корвинусом и с тех пор не восстанавливалась. С треугольной крепости открывается замечательный вид. С XIX века развалины крепости были открыты для посетителей. Рауэнек также был разрушен по приказу императора.

Прогулку к Рауэнек можно совершить по улице *Вайльбургштрассе* (*Weilburgstrasse*). Руины крепости находятся на возвышении, которое было заселено ещё в каменном веке.

Найденная здесь в Кенигсхелле керамика, отличающаяся элегантными, но абсолютно нефункциональными ручками, дала название «Баденской культуре».

В начале XIX века в моду вошли романтические вечера, и вход в Хелененталь, украшенный развалинами замков Рауэнштайн и Рауэнек, оказался идеальным местом для их проведения. Что касается третьей крепости, **Шарфенека** (**Scharfeneck**), то от её когда-то могучего здания мало что сохранилось, однако на поляне, получившей от крепости своё название, проходили курортные концерты и собачьи бега.

Крепость эта была довольно скромных размеров. Когда здесь собирались гости, они должны были жить в палатках на принадлежащем крепости «Домашнем лугу» («*Hauswiese*»). Так что название луга возникло ещё во времена расцвета крепости. Сохранилось сказание, рассказывающее, почему капелла стоит отдельно от крепости. Согласно этому сказанию бедный рыцарь продал душу нечистому в обмен на целый замок, однако капелла чудесным образом отвоевала душу рыцаря – замок оставался неполным, но душа рыцаря оставалась нетронутой. В качестве благодарности раскаявшийся рыцарь ухаживал за капеллой.

Сейчас на «Домашнем лугу» находится замечательный ресторанчик «**Cafe Restaurant SERVUS HAUSWIESE**» (<http://www.hauswiese.at/>).

На противоположной стороне Швехата, на улице *Хелененштрассе* (*Helenenstrasse*), в долине Хелененталь находится **церковь**

Святой Елены – Kirche St. Helena (основана в 1518 году). Сегоднешний вид церковь приобрела в XVIII веке. Помимо многочисленных надгробных камней здесь имеется одна редкость – *Алтарь гончаров (Tonferralтарь, Topferaltar)*. Этот скульптурный рельеф из песчаника в 1550 году был подарен собору святого Стефана гильдией гончаров. Он изображает Святую Троицу в образе трёх королей. Хотя изображение Святого Духа в образе человека было запрещено, церковь одобрила это изображение.

Напротив церкви располагается баденский **отель «Захер» («Hotel Sacher Baden»)** (Helenenstrasse 55). Франц Захер, кондитер, создавший знаменитый торт *Sachertorte*, получил в наследство находившуюся здесь старую пивоварню и в 1884 году переоборудовал её в гостиницу под названием *«Sacher's Etablissement Helenenthal»*. Здесь предоставлялись услуги санатория: массаж, водолечение, лечебная гимнастика. К началу XX века этот отель стал одним из самых знаменитых и современных мест отдыха. Ещё в 1820-е годы его кафе был излюбленным местом послеобеденных пятичасовых чаепитий. Летом 2011 года отель был открыт после значительной реконструкции.

В долине Святой Елены находится туристическая **тропа «Вегерль им Хелененталь» («Wegerl in Helenental»)**. Своим именем она обязана музыкальному событию: в 1940 году здесь исполнялась оперетта Александра Штайнбехера «Венские бриллианты». История ювелира Йозефа Штрассера, который дал имя знаменитым «штрассеровским украшениям», происходит в Вене, только один дуэт с известной арией исполняется в Бадене.

После того, как поток туристов возрос, *Филипп Отто (Philipp Otto)* в 1801 году основал здесь кофейный дом *«Otto's Casino»*. В 1827 году была основана пивная *«Рауэнштайн» («Bräuhaus Rauhenstein»)* – разумеется, с уютным садом.

По Хелененталь можно также дойти пешком до **Майерлинга (Mayerling)**; чуть дальше расположен **Алланд (Alland)**, откуда дорога приводит к уже упомянутому аббатству Хайлигенкройц.

Путешествовать по Хелененталь можно и пешком, и на велосипеде (даже на горном) – здесь есть велосипедная дорожка. Отметим также, что в окрестностях Бадена есть хорошие площадки для гольфа.

Сайты для велосипедистов: <http://www.mtbwienerwald.at>, <http://www.mountainbike.at>. Есть даже один велосипедный маршрут, ведущий из Бадена в Люксембург. *Сайт для любителей гольфа:* <http://www.golf.at/>. Большие возможности для пеших и велосипедных прогулок и для осмотра достопримечательностей представляют прилегающие к Бадену туристические регионы *Шнебергерланд* (*Schneebergland*, <http://www.schneebergland.at/>) и *Тристингаль* (*Triestingtal*, <http://www.triestingtal.at/>).

Раньше «Хелененталь» называли только часть этой долины, находящуюся между церковью Святой Елены и «**Скалой приговоров**» (**Urteistein**). Эта скала представляет собой естественную границу и препятствие для продвижения. Здесь заключённых передавали городскому судье, отсюда и название – «Скала приговоров». В связи с увеличившимся потоком туристов в 1826–1827 годах здесь была проложена дорога, а в скале с помощью взрывов был сделан туннель. Сто лет назад эта дорога имела большое торговое значение – по ней перевозили лес. В то время потребность Вены в лесе резко возросла, поэтому кайзер Леопольд велел организовать на Швехате места для лесосплава (использовались сужения реки, где скапливался сплавляемый лес), одно из которых можно посетить в Клаузен-Леопольдсдорф. Другое находилось на Уртайльштайне, но в 1805 году при постройке *Венско-Нойштадтского канала* (*Wiener-Neustadt-Kanal*) оно было снесено, и потом было построено новое, ниже по течению.

Под Веной через Хайлигенкройц (Heiligenkreuz), Алланд (Alland), Гааден (Gaaden), Альтенмаркт (Altenmarkt) и Каумберг (Kaumberg) проходит **дорога Виа Закра**, или **Священная дорога (Via Sacra)**. Это древнейший австрийский паломнический путь, соединяющий Вену и **Мариацелль (Mariazell)** в *Штирии* (*Steiermark*), в округе *Брук-на-Муре* (*Bruck an der Mur*). Главной достопримечательностью города является **Базилика Рождества Девы Марии**, крупнейший паломнический центр Австрии, национальная святыня.

См. информацию о Виа Закра: Via Sacra. Beratung & Buchung. 3250 Wieselburg, Österreich. Adalbert-Stifter-Strasse 4. Телефон: +43 (0)7416/521 91. Факс: +43(0)7416/530 87. Адрес в интернете: URL: <http://www.viasacra.at/>, <http://www.via-sacra.at/index.php>; E-mail: info@viasacra.at

Туристическая информация Мариазелля находится по адресу: Stadtamt Mariazell, Pater-Hermann-Geist-Platz 1, 8630 Mariazell. Телефон: 03882/2244–0. Факс: 03882/2244–4. Адрес в интернете: URL: <http://www.stadt-mariazell.at/>, <http://www.mariazell.at/>; E-mail: stadtamt@mariazell.at. Адрес Базилики Рождества Девы Марии в интернете: <http://www.basilika-mariazell.at>

В 1830 и 1831 годах в окрестностях Вены и Бадена свирепствовала чума. Одна венская семья в качестве благодарности за спасение воздвигла «**Чумную капеллу**» (**Cholerakapelle**) в долине Хелененталь. Эта капелла вскоре стала излюбленным местом паломничества.

С постройкой дороги через Хелененталь поток туристов в долину увеличился, и тут стали появляться ресторанчики. Место, где долина сужается – Бургшталь – уже тогда считалось загородной идиллией. Здесь наслаждался природой Бетховен. Здесь же неподалёку от «Чумной капеллы» располагается ныне гостиница с рестораном «**Landgasthof zur Cholerakapelle**». Далее в долине находятся **Augustinerhütte** (URL: <http://www.augustinerhuetten.at/>), располагающийся в начале **дороги кронпринца Рудольфа (Kronprinz-Rudolf-Weg)**, ведущей до Майерлинга, и **Krainerhütte** (URL: <http://www.krainerhuetten.at/>).

Krainerhütte является историческим местом. В XVIII веке императрица Мария Терезия стала заселять эти окрестности дровосеками из *Краины (Krain)* для освоения долины Хелененталь. Дровосеки приютили французского дезертира и сделали его своим поваром в основанном ими же трактире Krainerhütte, который позже

стал излюбленным местом их встреч и целью прогулок и приоб­рёл статус ресторана. Кронпринц Рудольф останавливался здесь по пути в свой охотничий домик в Майерлинге. Особой популярностью ресторан пользовался в начале прошлого века, когда его владельцем был Дитман. Впоследствии на этом месте была келья монахов-августинцев. В настоящий момент старое здание Krainerhütte перестроено в типично современное здание; кроме того, здесь располагается не только ресторан, но и гостиница (четыре звезды).

Особого разговора заслуживает вопрос, что такое **Крайна (Krain)**. Согласно малому энциклопедическому словарю Брокгауза и Эфрона, так в старину назывались 3 разные области: 1). Крайна (слов. Krajina, нем. Krain) – герцогство, земля австр. короны 9956 кв. км., 508 тыс. жителей (99,7 % католиков, 94,1 % словинцев) гористая страна, прорезанная на Севере Юлийскими Альпами (с горой Триглав) и Караванками, на юге Красом, орошается Савой с притоками: Кульпа, Быстрица, Керка; периодически исчезающие озера: Циркницкое, Бохинское, Бледское. Главные занятия: земледелие, виноделие, скотоводство, горное дело (бурый уголь, железо, ртуть), лесной промысел, железнотопильная промышленность. Ландтаг из 37 депутатов. В Крайне 12 округов, один из них составляет главный город Лайбахом. Крайна с 972 отдельное маркграфство, с 1335 часть, а с 1374 вся Крайна принадлежит Австрии, за исключением 1806–1813 годов, когда она принадлежала Франции. 2). Крайна (Krajina) или Турецкая Кроация, – гористая местность в Боснии, орошаемая Унной и Саном. Главный город Бигач. 3). Крайна (Krajina) – область в северо-восточной Сербии, между Дунаем и Тимоком, 3259 кв. км., 92 тыс. жителей. Главный город Неготин. Krainerhütte получила своё название по имени переселенцев из австрийского герцогства.

В долине Хелененталь долгое время существовало **производство по обжигу извести (Kalkbrennerei im Helenental)**. Обжигом извести в этих местах занимались ещё в начале XV столетия. Известь была важным стройматериалом и активно использовалась при возведении быстро растущих городов. В 1979 году была закрыта последняя печь для обжига известняка после смерти владельца *Леопольда Мюллера (Leopold Müller)*. Недалеко от места

её расположения, к северу от реки *Швехам* (*Schwechat*), в направлении *Алланда* (*Alland*) находятся остатки уже давно недействующей печи.

Важнейшая часть печей для обжига – цилиндрические шахты примерно 4 метров в диаметре и 6 метров в высоту. Сырой известняк складывался куполообразно с пустотами для отвода дыма. Затем шахта наполнялась ещё двумя метрами известковой породы. Внутри известняка устанавливались еловые стволы, так называемые «дудки». Они сгорали первыми и образовывали со временем воздушные шахты для вентилирования печи. Как писал в 1802 году *Йозеф Шултес* (*Joseph Schultes*), известь горела три дня и четыре ночи, прежде чем она была ещё горячей вынута из печи и была доставлена для дальнейшей обработки в Вену.

Обжиг извести был очень нездоровой работой, так как горячая пыль раздражала слизистые оболочки. Известь из долины Хелененталь поставлялась извозчиками на восток до Брука и Братиславы. Однако, основным покупателем была, разумеется, Вена. Императорский двор нуждался в большом количестве извести для строительства крепостей и общественных зданий и поэтому владел правом преимущественной продажи.

§ 4 Hütte

В Нижней Австрии, как и в других провинциях этой замечательной страны, в некотором отдалении от крупных населённых пунктов и в стороне от главных автодорог существуют так называемые «хижины» (*Hütte*) – это очень уютные ресторанчики, оформленные как правило в национальном стиле, в которых подают вкусную местную еду. Тут можно и перекусить, и плотно поесть. О двух из них – **Augustinerhütte** и **Krainerhütte** – мы уже упомянули выше; название других *Hütte* будут названы в разделах, посвящённых и самому Бадену, и городкам в его окрестностях – в зависимости от того, от какого пункта до них лучше дойти.

§ 5 Маленькое дополнение

Данный путеводитель, безусловно, не смог охватить все достопримечательности Бадена и его окрестностей. В нём речь пойдёт прежде всего о тех местах, которые традиционно упоминаются

в туристических проспекта Бадена, которые являются наиболее известными и интересными и куда можно добраться пешком. (Хотелось бы обратить внимание на то, что такие места, как, например, Алланд, Майерлинк и Хайлигенкройц, находятся сравнительно далеко от Бадена, поэтому было бы более разумно совершать пешие прогулки только в один конец – возвращаться можно на автобусе). Но мы постараемся хотя бы просто упомянуть как можно больше разных достопримечательностей в Венском лесу.

Отдыхая в Бадене, нельзя хотя бы раз не съездить в **Вену (Wien)**. Добраться до столицы можно:

1. на такси – стоянка находится на вокзале (Bahnhof) (если такси стоят гуськом, один за другим, садится принято в первое в ряду);

2. на электричке – станция находится на вокзале (Bahnhof). Время поездки – от 20 до 40 минут. В Вене лучше всего выходить на станции «Wien Mitte – Landstrasse», откуда можно буквально за десять минут дойти самого центра города;

3. на трамвае «*Баднер Бан*» (*Badner Bahn*), конечная станция в Бадене которой находится на площади *Йозефплац* (*Josefplatz*). Время поездки – около часа. Конечная станция трамвая в Вене – Опера.

Мы специально не будем описывать красоты Вены – это тема для отдельного обстоятельного разговора. В числе путеводителей по Австрии мы приводим также целый ряд изданий, посвящённых её столице, изучив которые можно составить довольно полное представление об этом прекрасном городе.

Сайт Вены в интернете: <http://www.wien.info/ru>

Сайт Нижней Австрии в интернете: <http://www.niederoesterreich.at>

БАДЕН ПОД ВЕНОЙ (BADEN BEI WIEN)

Герб Бадена

Прогуливаясь по Бадену, на каждом шагу встречаешь следы прежней имперской славы. Долгое время этот городок был любимым местом отдыха коронованных особ.

Как уже упоминалось выше, слава Бадена возникла ещё во времена Римской империи, следы которой сохранились и до сих пор. На римских картах город носил название *Акве* (в переводе с латыни значит «вода»). Поселение упоминается в документе 869 года как *Падун* (на древненемецком языке). Привилегии города оно получило в 1480 году. Хотя город в разные периоды был разграбляем венграми и турками, он вскоре опять оправлялся и расцветал. Несколько членов австрийской императорской семьи делали Баден своей летней резиденцией и строили здесь роскошные виллы, особенно **первый император Австрии Франц I** (1768–1835), который бывал здесь практически каждое лето. Вслед за ним приезжали *эрцгерцоги Карл и Антон*.

В 1312 году была основана **кафедральная церковь Святого Стефана (St. Stephan – Stadtpfarrkirche Baden)**. Нынешнее здание было в основном построено в XV веке на прежнем фундаменте. В те времена вход был украшен башней, а затем почти разрушен турками в 1683 году. Позже он был восстановлен и покрыт крышей. В эпоху барокко к церкви пристроили башню-луковку и украсили росписью главный алтарь. Это ранняя работа *Пауля Трогера (Paul Troger)* «Мученичество Святого Стефана» («*Martyrium des Hl. Stephan*»), располагающаяся ныне на клиросе. Церковь построена в стиле поздней готики, с 64-метровой колокольней, имеет три нефа, окна украшены витражами. На южной стороне среднего нефа сохранились романские консоли. Внутри и снаружи находятся надгробные камни.

В церкви святого Стефана находится копия **Сталинградской иконы Божьей Матери (Madonna von Stalingrad)**, история которой непосредственным образом связана с Россией.

Уроженец Бадена *Kurt Roйбер* (*Kurt Reuber*) попал в окружение под Сталинградом. В рождественскую ночь с 24 на 25 декабря 1942 года на куске советской географической карты он нарисовал Мадонну. Вокруг фигур Мадонны и младенца Иисуса содержатся надписи на немецком языке: «*Licht. Leben. Liebe. Weihnachten im Kessel. Festung Stalingrad*» («Свет. Жизнь. Любовь. Рождество в котле. Крепость Сталинград»). К этому моменту фашистские войска под командованием Паулюса были уже окончательно окружены в Сталинградском «котле» частями Красной Армии и несли большие потери. 3 января 1943 года «**Сталинградская Мадонна**» (**Madonna von Stalingrad**) была вывезена из окружения на последнем самолёте в руках тяжелораненого полковника. Землянка, в которой была написана и некоторое время находилась картина, была уничтожена через неделю прямым попаданием бомбы (Ройбер в это время находился в госпитале). В дальнейшем икона была передана в Церковь памяти кайзера Вильгельма в Берлине (Kaiser-Wilhelm-Gedächtniskirche Berlin). С оригиналом сейчас соседствует резной список Богоматери («Умиление»?) – подаренный в 1989 году Архиепископом Волгоградским и Саратовским Пименом. В 1990 году икона «Сталинградская Мадонна» была освящена церковными иерархами трёх европейских городов, сильно пострадавших во время Второй мировой войны: настоятелем англиканского собора в Ковентри, епископом из Берлина и архиепископом Вольским и Саратовским Пименом (Хмелевским). Копия иконы Сталинградской Божьей матери находится в волгоградском католическом храме Святого Николая и широко почитается среди волгоградских католиков как икона «Дева Мария Примирения». Ещё одна копия, вырезанная на деревянной доске, помещена в один из углов собора Сятого Стефана. Перед неё можно поставить свечку. Кстати, свечи для этой иконы (обычно в австрийских храмах нет специальных прилавков, за которыми продают свечи и другую утварь, свечи располагаются на специальных полочках, возле которых находится ящичек для денег, – так что надо самому брать свечи и опускать деньги в ящичек) именно такие, какие приняты в наших храмах – тонкие и длинные. В католических церквях распространены чайные свечи.

«Сталинградская Мадонна» стала эмблемой отдельного санитарного батальона германского Бундесвера.

Курт Ройбер умер в лагере НКВД № 97 в Елабуге в 1944 году в возрасте 38 лет.

Об иконе и её создателе написаны статьи Елены Серенко («Независимая газета», 20 февраля 2000 года), **Гульназ Ибрагимовой («Правда», Казань, 9 мая 2003 года)** и Рудольфа Колчанова (газета «Труд», № 015 за 28 января 2003 года), а также текст, опубликованный в журнале *«Вестник военного и морского духовенства. Спецвыпуск»* (Синодальный отдел Московского Патриархата по взаимодействию с вооруженными силами и правоохранительными учреждениями. М., 2006 г.).

«Сталинградскую Мадонну» не следует путать с Образом Пресвятой Богородицы Сталинградской, за основу которого был взят Образ Казанской Божьей Матери и который был написан в Волгограде в 2005 году в честь знаменательных событий в Сталинградской битве. Известно, что Сталинградская битва началась с молебна перед этой иконой, а 11 ноября 1943 года в ночном небе появилось Знамение, указующие на скорое спасение города – к сожалению, отчёт уполномоченного по делам Русской Православной Церкви не содержит никаких конкретных сведений относительно того, что же увидели воины в небе, однако мы можем предполагать, что Сталинградское знамение и явление Казанской Божьей Матери в Сталинграде взаимосвязаны. Сталинградскому знамени посвящена статья историка Вадима Якунина, опубликованная в газете «Русь Державная» (1995, № 4–6).

Император Фридрих III (император Священной Римской империи с 1452 года, король Германии с 1440 года под именем Фридрих IV), получивший прозвище «ночной колпак Священной Римской империи», часто навещался в Баден, а его супруга, императрица **Элеонора Португальская** также предпочитала отдых на этом курорте пребыванию в стенах *венского дворца Хофбург (Hofburg)* или резиденции в *Винер-Нойштадт (Wiener-Neustadt)*.

В XV столетии приезжал на отдых в Баден и **Матьяш Хуньяди (Матвей Корвин)**, серьёзный политический и военный противник императора, что не помешало встретиться соперникам здесь же на поле битвы. Именно тогда баденцы доказали свою преданность императору, сражаясь с противником в буквальном смысле слова до последней капли крови. За это, вероятно, Баден и получил чуть позже статус города.

Пожалованный Бадену императором Фридрихом III городской герб (датируется 1480 годом) с изображёнными на нём мужчиной и женщиной, купающимися нагими в кадке, постоянно служил поводом для дискуссий. Но в конце концов с гербом смирились – ведь он был утверждён самой Имперской канцелярией.

Император **Максимилиан I**, «последний из рыцарей», находясь в Бадене, утвердил в 1517 году привилегии медицинского факультета Венского университета, а чуть позже Вольфганг Винтпергер, городской врач из Кремза, написал «Трактат о поездках на баденские воды», являющийся своего рода справочником по водолечению.

Особенно любил отдых и лечение в Бадене император **Фердинанд I**. В 1583 году он подарил городу два источника, на которых были построены купальни **«Фрауэнбад» (Frauenbad)** и **«Каролиненбад» (Karolinenbad)**, и разрешил баденцам взимать с желающих искупаться в источниках входную плату в размере двух пфеннигов. Эти меры были призваны поправить экономику города, сильно пострадавшего во время австро-турецких войн. С тех времён сохранился построенный в стиле эпохи Возрождения и позднее тщательно реставрированный замок **Вайкерсдорф (Schloss Weikersdorf)**, в былые времена защищённого рвом с водой. Пруд в окружающем замок парке и поныне свидетельствует об обширной сети рвов и каналов, когда-то защищавших замок от неприятеля.

Сначала, в период своего становления в XV веке, Баден был небольшим поселением размером не больше нынешней пешеходной зоны. В городе были только одни **городские ворота – Фрауэнтор (Frauentor)**, что в конце **улицы Фрауэнгассе (Frauengasse)**. Из старой части города из-за пожара 1812 года сохранилось немного. Живописный пейзаж открывается со стороны **Зелёного рынка (Grüner Markt)**, со стороны **улицы Хайлигенкройц (Heiligenkreuz)**. Рыцарь *Гервек Ауэр фон Херрнكيرхен* подарил в 1542 году свою усадьбу под городскую больницу. К этому комплексу относится также бывшая мельница (сейчас в этом здании расположена пекарня) и **капелла Святой Анны**, находящаяся в проходном дворе. В средние века в Бадене было 13 мельниц, каждая из которых работала на собственном отводном ручье. Около больницы с середины XVI века располагался ресторан **«У чёрного козла»**

(«*Zum schwarzen Bock*»), который стоял здесь ещё несколько лет назад.

В баденских купальнях царила довольно непринуждённая атмосфера. Так как время купания было неограниченно, купальщики не вылезали из воды целыми днями, и слугам приходилось подавать им кушанья прямо в воду на специальных плавающих столах. Не запрещались и азартные игры. До наших дней дошли тексты «купальных песен», весьма откровенных по содержанию. В 1626 году император из моральных соображений постановил раздельное купание полов, были введены и другие правила – например, длинные купальные костюмы. За соблюдением правил купания должны были следить специальные «бассейные надзиратели», название это сохранилось в современном шутовском слове «бадемайстер». Но соответствующие протесты баденцев увенчались успехом, и всё осталось по-прежнему.

Во время Тридцатилетней войны в Баден приехал отдохнуть **Валленштейн, герцог Фридландский**.

Император Леопольд I часто гостил в Бадене. В аббатстве ордена августинцев, где он всегда останавливался (от него сохранились охваченный аркадами в готическом стиле двор и клирос стоявшей некогда в аббатстве церкви), император принимал многих выдающихся мужей того времени. Здесь побывали и **царь Пётр I**, и **герцог Фридрих Август Сильный**. В Бадене произошло событие, ставшее поворотом в жизни последнего и открывшее ему после смерти короля Яна Собеского путь к польской короне – в парке, разбитом за городской больницей, курфюрст саксонский перешёл в 1697 году в католическую веру.

Начиная с 1701 года в баденскую купальню **«Фрауэнбад» (Frauenbad)** стал регулярно навещаться **император Иосиф I**.

После бедствий войны и страшной эпидемии чумы (с конца XVI века в течение 150 лет эпидемия здесь бушевала трижды) Баден настигла новая беда – пожар 1714 года уничтожил полгорода. В память об этом тяжёлом времени на **Главной площади (Хауптплац, Hauptplatz)** в 1718 году по проекту Мартино Альтомонте была воздвигнута **колонна Святой Троицы (Dreifaltigkeitsäule)** около двадцати метров высотой. Работа была выполнена Джованни Станетти. Скульптурные барельефы, помимо всего прочего, изображают почитаемых в регионе святых, избавителей

от чумы – Святую Розалию (лежащую в гроте), Святых Себастиана и Роха (стоячие скульптуры). Венчает Колонну изображение Святой Троицы.

Напротив колонны находится старое здание, в котором ныне располагается **кафе «Централь» (Café Central)** (URL: <http://www.cafe-central.at/>; E-mail: noha@netway.at).

Вскоре серные источники Бадена заинтересовали **императрицу Марию Терезию**, благодаря чему поездки на лечебные воды вошли в моду в среде высшей аристократии. Именем императрицы была названа купальня **«Терезиенбад» (Teresienbad)**, на месте которой ныне стоит **Дом конгрессов (Congress)**. А в 1792 году в честь императрицы отцами города был заложен **Сад Терезии – Терезиенгартен (Teresiengarten)**, названный так в честь располагающейся неподалёку Купальни Марии Терезии (Teresienbad) – ныне **Курортный парк (Kurpark)** – с богатой коллекцией экзотических растений. Уже в эпоху Бидермайер парк, освещённый керосиновыми лампами, стал местом аттракционов. Полное озеленение известкового холма было закончено только к концу XIX века. В период с 1890 по 1930 год в парке было построено большинство памятников и достопримечательностей – таких, как **музыкальный павильон (Musikpavillon)**, **парковое кафе (Park-Café Florian)**, Kurpark 3, florian.trahbuechler@gmx.at), **чугунные конструкции, цветочные часы (Blümenuhren)**, **фонтан с русалками (Undine-Brunne)**. Фонтан с русалками служит напоминанием о прокладке водопровода и подведении воды в дома. В парке находятся также многочисленные памятники деятелям искусства, в разное время посещавшим Баден: **Храм Моцарта (Mozarttempel)**, **Храм Бетховена (Beethoventempel)**, **Памятник Грильпацеру, Памятник Ланнеру и Штраусу (Lanner & Strauss)** – на одном цоколе, скульптура Йозефа Клибера **Flora & Zephyr (Флора и Зефир)**.

В Курортном парке находится **музей ремесла и народного искусства им. императора Франца Иосифа (Kaiser Franz Josef Museum Für Handwerk und Volkskunst)** (Hochstrasse 51).

Музей ремесла и народного искусства им. императора Франца Иосифа (Kaiser Franz Josef Museum Für Handwerk und Volkskunst).

Телефон: 411 00. Часы работы: вторник – воскресенье и по праздникам с 14.00 до 18.00. См. адрес в интернете: <http://www.kaiser-franz-josef-museum-baden.at/>. При музее есть ресторан, который работает даже больше, чем сам музей (круглый год со вторника по субботу 10.00–21.00, по воскресеньям и праздничным дням 10.00–18.00).

В Курортном парке (Kurpark) на горе *Грамингер* (*Graminger*) располагается также старое красивое здание **Rudolfshof** (URL: <http://www.rudolfshof.at/>) – ресторан, с террасы которого открывается красивый вид на Баден. Само здание было построено в 1882 году *Маунтнером Риттером фон Маркхофом* (*Maunter Ritter von Markhof*); а вскоре после бракосочетания кронпринца Рудольфа с эрцгерцогиней Стефанией (*Erzherzogin Stephanie*) здесь была открыта гостиница (*Gasthaus*) под тем названием, которое существует и сейчас – **Rudolfshof**. Когда-то на этом месте располагался виноградник, принадлежавший монастырю картезианцев. Перед Рудольфсхофом находится «*Поляна Рудольфа*» – *Рудольфсвизе* («*Rudolfswiese*»).

Мария Йозефа, жена Иосифа II, сына Марии Терезии, тоже приезжала в Баден отдыхать. Останавливалась она в аббатстве августинцев, превратившемся в то время в своего рода санаторий для представителей аристократии. Аббатство располагало неслыханным по тем временам новшеством – по ведущей оттуда деревянной галерее можно было попасть прямо в купальню «**Фрауэнбад**» (**Frauenbad**) – «**Дамские купальни**» (адрес: Josefsplatz 5). Первое упоминание о купальне относится к XIV веку. После пожара 1812 года здание купальни было перестроено. Оно сохранило типичный для Бадена классический стиль, фасад с массивными колоннами 1821 года постройки. Следующие перестройки купальни относятся к 1876–1878 годам. Именно они создавали неповторимый внешний вид здания вплоть до 1970 года. Название купальни, однако, немного вводит в заблуждение, так как оно происходит от фундамента церкви, посвящённой Марии, сам же плавательный комплекс посещают и мужчины, и женщины. С 1977 года Фрауэнбад служит ныне выставочным залом совре-

менного искусства. В 2009 году купальня вновь перестраивалась и была переоборудована под музей художника *Арнульфа Райнера* (*Arnulf Rainer*), уроженца Бадена.

В здании Фрауэнбад располагается **Arnulf Rainer Museum** (адрес в интернете: <http://www.arnulf-rainer-museum.at/>; E-mail: office@arnulf-rainer-museum.at; телефон +43 2252 209196/ 11; открыт ежедневно кроме вторника с 10-00 до 18-00; в среду с 10-00 до 20-00, 24 и 31 декабря и 1 января закрыт).

Здесь же, на *Йозефплац* (*Josefsplatz*), находится построенная в стиле барокко **купальня Йозефбад (Josefbad)**. Это старейшее сохранившееся в городе здание бассейна. На прямоугольном здании 1683 года постройки был надстроен эркер в стиле римского храма Весты. Для поддержания стабильности курортного бизнеса здесь были пробурены две глубокие скважины. Сейчас в купальне располагается ресторан.

Где были Габсбурги, там всегда был и театр. Баденцам поначалу приходилось довольствоваться бродячим театром. Позже городская община предоставила зал для постоянного театра. Это произошло ещё до того, как постоянный театр появился в Вене. В 1789 году в Бадене поставили оперу Моцарта «Свадьба Фигаро». В том же году **Вольфганг Амадей Моцарт (Wolfgang Amadeus Mozart)** прибыл в Баден и собственной персоной, сопровождая на курорт жену Констанцу. Констанце в Бадене нравилось, и она часто навещалась сюда, а вместе с ней и Моцарт. В 1791 году здесь с ним произошёл забавный случай: он хотел удивить свою жену и влезть в её комнату через окно, однако был замечен кавалером лейтенантом фон Малфатти, который этому помешал. Последний был очень удивлён, узнав, с какой дамой он флиртовал. В Бадене, останавливаясь в гостинице «*Цум Блюменшток*» (*Zum Blumenstock*), принадлежавшей его другу, хормейстеру Антону Шоллю, великий композитор сочинил *мотет «Аве верум корпус»* («*Ave verum corpus*»), исполненный впервые же здесь же, в **кафедральной церкви Святого Стефана (St. Ste-**

phan – Stadtpfarrkirche Baden). Один из современных домов Бадена (адрес: Renngasse 2–4), находящийся на месте этой гостиницы, подвергшийся значительной перестройке в 1885 году, называется ныне «Дом Моцарта» (*Mozart-Haus*), на нём висит мемориальная доска с указанием, что именно в этом доме великий композитор в 1791 году писал «Ave verum».

Многое в Бадене связано с миром музыки и великими именами – в Бадене бывали не только Моцарт, но и **Йозеф Гайдн**, и **придворный композитор Антонио Сальери**, и **Людвиг ван Бетховен** (Сохранилась переписка Бетховена с его покровителем Рудольфом, эрцгерцогом и кардиналом, жившим в Бадене во дворце Вайльбург), и **Шуберт**, и **Мендельсон-Бартхольди**, выступавший здесь с органным оркестром, и **Венцель Мюллер**, известный своей песней «Пролетит ли птичка». Посещали Баден и многие авторы оперетт и вальсов. **Ланнер** и **Штраус** давали в парке и на *Хаусвизе (Hauswiese)* (на прогулочном лугу в долине Хелененталь) концерты для отдыхающих. **Иоганн Штраусс-младший** тоже часто бывал здесь. Он выбрал местом действия оперетты «Летучая мышь» курорт, расположенный к югу от Вены, намекая, несомненно, на Баден. В Бадене **Милёккер** написал своего «Бедного студента», купил себе небольшой домик и завещал городской коллегии свои партитуры. **Карл Михаэль Целлер**, автор «Продавца птиц», провёл в Бадене последние годы своей жизни. Здесь же работал композитор и капельмейстер **Карл Комцак**.

Баден посещали не только великие музыканты, но и великие поэты и писатели. Когда **Франц Грильпарцер** приехал сюда в первый раз, он случайно наткнулся в одном из словарей по мифологии на статью «Медая». В 1848 году он приехал в Баден снова, скрываясь от революции в этом монархическом городе, и потом сюда часто возвращался. **Франц Набль** провёл здесь часть детства. **Стефан Цвейг** и **Артур Шнитцлер** часто и с удовольствием гостили в Бадене. Здесь же, в неповторимой баденской атмосфере, происходит действие драмы «Глубокие дали души», одного из самых значимых произведений **Артура Шницлера**. Именем этого писателя названа одна из аллей около баденского вокзала.

В 1803–1834 годах в Баден на летний отдых выезжал **император Франц I**, а за ним следовала аристократия и буржуазия, деятели искусства. После пожара, начавшегося 26 июля 1812 года в *Хирш-Хофер-Хаузе (Hirsch-Hofer-Haus)* на Главной площади (адрес: Hauptplatz 6; сейчас здесь располагается аптека *Heiligen Geist Apotheke*), опустошившего Баден, город был заново застроен в стиле *бидермейер (Biedermeier)* буквально в течение года, поэтому он иногда упоминается как *Biedermeierstadt*. Начало XIX века в Бадене вообще озаменовано бурным строительством. Приезжающая на отдых и лечение аристократия приносила хорошие доходы, что позволило баденцам поручить создание нового облика города известным в ту эпоху архитекторам. По проектам архитекторов *Моро, Монтойе, Нобиле* и, прежде всего, *Йозефа Корнхойзеля (Josef Kornhäusel)* были построены **ратуша (Rathaus)** на Главной площади (**Хауптплатц, Hauptplatz**), дворец эрцгерцога Антона, летняя вилла князя Эстерхази (**Villa Esterházy**) на Театральной площади (**Театерплатц, Theaterplatz**) (её дважды – до пожара 1812 года и после него – отстраивал Йозеф Корнхойзель), вилла **Меттерниха**, **гранд-отель «Зауэрхоф» (Grandhotel Sauerhof)** (Weilburgstrasse 11). Сам император купил скромный, отвечавший его вкусу дом № 17 на Главной площади, который получил название **«Дом императора» (Кайзерхауз, Kaiserhaus)**. Раньше это здание носило название *Бюргерхаус (Bürgerhaus)*. Именно этот дом стал летней резиденцией Габсбургов в 1813–1834 годах и местом проживания последнего австрийского императора в 1916–1918 годах.

Имя князей Эстерхази увековечено не только в названии красивойшей баденскойвиллы и других памятниках австрийской архитектуры, но и в названии десерта – *«Эстерхазиторте» (Esterházytorte)*.

Фигуры на фасаде *ратуши* олицетворяют «Мудрость» и «Справедливость» (проект Йозефа Клибера), в центре расположена статуя богини Бадензии, покровительницы города. До 1980-х город в ратуше располагались также окружной суд и тюрьма. Не

случайно один из её охранников послужил прототипом Фроша («Лягушки») в оперетте «Летучая мышь» Иоганна Штрауса младшего, действие которой происходило, видимо, в Бадене.

На особое расположение к Бадену королевского дома указывают и названия улиц, например, *Кайзер-Франц-Ринг* (*Kaiser-Franz-Ring*), или великолепно украшенное для туристов *кафе «Дамальс»* («*Damals*», Rathausgasse 3). Дом № 11 с его деловым современным фасадом построен на средневековом фундаменте. На полуразвалившемся древнем основании ещё римских времён в XIII веке был построен ресторанчик *Гамингер Бергхоф* (*Gaminger Bergshof*), в котором подавали монастырское вино. После того, как в конце XVIII века монастырь прекратил существование, на его месте возник ресторан «*У чёрного орла*» (*Zum schwarzen Adler*), одно из известнейших заведений Бадена следующего столетия. Его посетителем был, например, Франц Шуберт, который писал здесь фугу для органа. Там, где улица Ратхаусгассе (*Rathausgasse*) переходит в маленькую площадь, располагается здание в стиле бидермайер *Купфершмидехаус* (*Kupferschmiedhaus* – «*Дом мельников*») (Rathausgasse 10). Теперь здесь расположен музей Бетховена.

В летней резиденции императора Франца I навещал и его тесть, **французский император Наполеон I**. Говорят, что в долине Хелененталь Наполеон сказал однажды своим адъютантам, что был бы не против провести в этом очаровательном уголке последние годы жизни.

Супруга Наполеона, Мария Луиза, и малолетний сын императорской четы, герцог Рейхштадтский, жили во дворце **Флораштёкль** (**Flofastökl**), небольшом, но изящном здании в стиле ампира, созданном архитектором **Йозефом Корнхойнзелем** (**Josef Kornhäusel**) рядом с **Йозефплатц** (**Josefplatz**) как раз перед прибытием императрицы в Баден, фронтон которого украшен рельефом работы *Йозефа Клибера* – статуей Флоры, которой здание и обязано своим названием. Рядом с дворцом располагался монастырь августинцев. В расположенной рядом церкви **Хофкирхе** (ныне **Фрауэнкирхе** – **Frauenkirche**), бывшая когда-то частью монастыря августинцев, проходила церемония конфирмации сына Бонапарта. Здание дворца неоднократно перестраивалось и впоследствии превратилось в одну из больших баденских гим-

назий, которые прославили город как один из образовательных центров. В начале XX века в это историческое здание был перенесён женский лицей. От монастыря, существовавшего в 1285–1812 годах, до сегодняшних дней сохранилась только церковь **Фрауэнкирхе (Frauenkirche)**. Здесь сохранился надгробный камень основателей монастыря, семьи Оффемии и Лейтольда фон Кройссбахов (Кребсбахов), который относится к старейшим австрийским памятникам. Интересна также история жизни их сына Фридриха, надгробие которого также сохранилось. Рыцарь Фридрих много раз пересекал Европу от Норвегии до Ирландии до Ближнего и Среднего Востока, принимая участие во всевозможных военных действиях. В преклонном возрасте он поселился в Австрии и стал управляющим охотничьих угодий. Здание, в котором располагался монастырь августинцев, очень старое. В XVII веке здесь находились покои нашего царя Петра I. Рядом располагается *Магдалененхоф (Magdalenenhof)*, с XVII века тоже благополучно переживший все катастрофы и считающийся одним из старейших зданий города.

Эрцгерцог Карл, брат императора Франца I, одержавший победу в битве под Асперном, способствовавший расцвету города, приказал выстроить на *Антонгассе (Antongasse)* великолепный дворец, в 1820–1825 годах построил на подступах к долине Хелененталь **дворец Вайльбург (Weilburg)**, названный так в честь супруги эрцгерцога, **Генриетты фон Нассау-Вайльбург**. Принцесса Генриетта, обладавшая утончённым вкусом, ввела в этих краях обычай наряжать на Рождество ёлку. Первую рождественскую ёлку украшали 12 свечей, по числу месяцев в году.

На *Антонгассе (Antongasse)* Эрцгерцог Антон (1779–1835), щедрый покровитель города, повелел построить просторный дворец (Antongasse 10–12) – сегодня здесь жилой дом. На углу *Шпигельгассе (Spiegelgasse)* и *Антонгассе (Antongasse)* находится один из старейших ресторанов «У державы» – «Цум Райхсапфель» («Zum Reichsapfel») (адрес: Spiegelgasse 2 / Antongasse 5), упоминающийся в письменных источниках с 1415 года как «Цех-грюбель» («Zechgrübel»). А комплекс построек относится к 1400 году. На улице *Кайзер-Франц-Ринг (Kaiser-Franz-Ring)* находится *вилла актрисы Менотти* (дом 13); в доме напротив (дом 11)

проживал *архитектор Август Сиккард фон Сиккабург* и *поэт Мориц Готтлиб Сафир*.

В тот же период в Бадене были построены многочисленные виллы и дворцы для аристократии и буржуазии. Тогда же появился ряд новых купален: **Йоханнесбад (Johannesbad)**, **Франценсбад (Franzenbad)**, **Леопольдсбад (Leopoldsbad)**, **Йозефсбад (Josefsbad)**.

Йоханесбад первоначально возник на месте источника, выходящего из-под земли среди реки. Бывший *Арменбад (Armenbad)*, сохранивший с 1906 года свой первоначальный вид, служил до открытия *Баденского оздоровительного центра (Badener Kurzentrum)* основным местом лечения городских жителей. Затем он был перестроен в творческий центр, **«Театр ам Штег» (Theater am Steg – Театр у моста)**, где даются представления, проводятся доклады со слайдами и выставки. «Театр ам Штег» стал важным современным культурным центром города.

Здание купальни Франценбад было построено в 1827 году. В XX веке купальня служила центром субаквадной терапии, сейчас она пустует.

Приезд португальской **королевы Марии Пии** в 1869 году так взволновал местных жителей, что в её честь непрерывно давали концерты и фейерверки. Так что в течение её пятинедельного пребывания она едва могла найти время для лечения и отдыха.

Только одно событие ненадолго нарушило связь города с императорской семьёй: в 1832 году отставной капитан, разочарованный в монархии, совершил покушение на кронпринца Фердинанда. Однако уже в 1848 году баденцы доказали свою преданность кайзеру: здесь не было и намёка на революционные события, поэтому многие венцы находят здесь убежище. Несмотря на это Баден был довольно либеральным городом, где почитали эрцгерцога Райнера, который в 1873–1913 годах проживал на улице *Karlsgasse (Karlsgasse)* в вилле, построенной Отто Вагнером. Меньше в городе любили кайзера Франца-Иосифа. Императрица Елизавета достаточно часто посещала город в 1894–1896 годах.

Людвиг фон Кехель, выдающийся исследователь творчества Моцарта, будучи домашним учителем и наставником Габсбургов, 14 лет подряд проводил летние месяцы во дворце **Вайльбург (Weilburg)**. В 1964 году дворец, сильно разрушенный в послед-

ние дни Второй мировой войны, был снесён. Сегодня о былом великолепии напоминает лишь огромный высеченный из камня герб рода Нассау-Вайльбург с изображением льва и орла.

Для **польского графа Оссолинского**, славившегося своим экстравагантным вкусом, был построен дворец **Брайтен (Breiten)**, где жил **Рихард Жене**, написавший либретто к оперетте «Летучая мышь». На краю Курортного парка по проекту архитектора Петера Нобиле была построена вилла в стиле классицизма, в которой сегодня находится **Дом искусств (Kunsthaus)**, где многие известные мастера искусств проживают после выхода на пенсию (адрес: *Weilburgstrasse, 15*). Это здание было построено для одного русского государственного чиновника, и во время Первой мировой войны служил кайзеру помещением для аудиенций. Тогда же там располагался игорный клуб. Сейчас здесь проводятся выставки, сюда перенесён *Корифеум*, где представлены ценные картины и скульптуры выдающихся деятелей австрийской истории.

Князь Меттерних, австрийский канцлер, обосновался во дворце на **Терезиенгассе (Teresiengasse, 10)**. Этот угловой дом (одна из его сторон выходит на Курортный парк), построенный в 1807 году Йозефом Корнхойзелем, доныне именуется «**Metternichhof**». В том же здании, но за углом, располагается **Clementinen-Hof** (Kaiser Franz Ring 12), в котором в 1904 году умер известный музыкальный критик **Эдуард Ганслик**.

В том же здании, что и «*Metternichhof*» и «*Clementinen-Hof*» располагается необыкновенно уютное кафе «**Клементине**» (**Café Clementine**) (Kaiser Franz Ring 12; office@cafe-clementine.at), в котором от обилия самых разных сладостей буквально разбегаются глаза. История этого кафе началась в 1923 году – тогда оно было названо «*Клементиненхоф*» («*Klementinenhof*»). В 1980 году кафе было переоборудовано и получило название «*Меттерних*» (*Cafe Metternich*), а в 2011 году после ещё одной перестройки получило своё нынешнее название.

На *Терезиенгассе (Teresiengasse)*, 8 находится также **Замок Терезы – Терезиеншлёссель (Teresienschlössel)**.

В конце Терезиенгассе находится **Херцогсхоф (Herzogshof)**. Здесь в 1902 году Бабенберги воздвигли свою резиденцию, к которой вскоре присоединился и *Херцогсбад (Herzogsbad)*. Богатая история первого здания закончилась тем, что его разрушили турки, а следующее здание было построено в 1909 году в *югендстиле (Jugendstil)*. В нём расположился один из самых современных по тем временам отелей – с телефоном, горячей и холодной водой в каждом номере. Гостиница в этом историческом здании находится и поныне.

Во время Венского конгресса в 1814–1815 годах карта Европы была полностью перекроена. Когда императорский двор выезжал на отдых в Баден, светская жизнь в городе начинала бить ключом.

Самой экстравагантной фигурой из мира искусства, наведывавшейся в те годы в Баден, был, несомненно, **Людвиг ван Бетховен**. Композитор провёл в Бадене не одно лето, иногда бывая здесь лишь наездом из Вены, но часто задерживаясь всё же подольше, чтобы подкрепить здоровье. В этот период он уже начал терять слух. Но это не помешало Бетховену написать в Бадене ряд великих произведений, в том числе *«Торжественную мессу» («Messa solemnis»)* и большую часть *Девятой симфонии («IX Symphonie – An der Freude»)*. Известно около 10 различных адресов, где останавливался Бетховен, приезжая в Баден. Частично сохранилась память о пребывании великого композитора в доме на **Ратхаузгассе (Rathausgasse, 10)** который называют **«Домом Бетховена» (Beethovenhaus)**. Бетховен неоднократно останавливался здесь в 1821–1823 годах. Именно здесь композитор писал 9 симфонию. Надо сказать, что в это время редко кто с радостью принимал Бетховена, так как у него была слава трудного постояльца. Владелец этого дома сразу же решил извлечь выгоду из пребывания Бетховена: он продал оконную створку, на которой композитор оставил свои заметки, и заставил его оплатить «ущерб».

Дом Бетховена (Beethovenhaus). Адрес: Rathausgasse 10. Открыт для посетителей со вторника по пятницу с 16.00 до 18.00, в субботу, воскресенье и в праздники с 9.00 до 11.00 и с 16.00 до 18.00.

На **Фрауэнгассе (Frauengasse, 10)** стоит «**Магдалененхоф (Magdalenenhof)**», где Бетховен гостил с **Францем Грильпарцером (Franz Grillparzer;** сейчас в этом здании располагается интернет-кафе *Leichtfried*), а в компании **К.М. фон Вебера** он, как и Грильпарцер, часто навещался в **отель «Зауэрхоф» (Grandhotel Sauerhof)** (адрес: *Weilburgstrasse 11*), где коллеги-композиторы, как гласит предание, коротали время за отличным ужином.

История «Зауэрхофа» заслуживает того, чтобы на ней остановились несколько подробней. Впервые место, на котором располагается отель, упоминается в документах XII века под названием «*Turmhof mit Wildpadt und Weingarten*». Максимилиан II, император Священной Римской Империи, купил этот земельный участок и соорудил там здание в качестве резиденции для его сына, наследного принца Рудольфа II. В 1583 году Рудольф продал его *Георгу Зауреру фон Зауэрхофу (Georg Saurer Von Sauerhof)*. В 1594 году это место было перестроено и переименовано в «Sauerhof». В 1713 году дворянин *Саломон фон Пиациони (Salomon von Piazconi)*, приближённый императора Карла VI, отца императрицы Марии Терезии, (в частности, он занимал должность, называемую по-немецки *Hofkammerat*) купил ряд владений. После его смерти в 1741 году с его женой сочетался браком *Карл Хиронимус (Carl Hieronymus)* из рода *Добльхоффов (Doblhoff)*, члены которого играли заметную роль в государстве. В 1753 году Добльхоффы приобрели земельный участок для постройки церкви, на котором в 1757 году был обнаружен бьющий и поныне источник. После разрушения турками в конце XVIII века замок был вновь восстановлен после того, как в 1810 году, после смерти Карла Хиронимуса Добльхоффа, «Зауэрхоф» перешёл во владения *Йозефа (Josef) и Карла (Karl) Добльхоффов*, которые в 1820 году воздвигли на старом месте здесь новое здание, возведением которого занимался Йозеф Корнхойзель. Именно это здание и существует по сей день. Круглый бассейн римских терм (*Römerbad*) был украшен скульптурой «*Aescular u Nugia*» *Йозефа Клибера (Josef Klieber)*, которая до наших дней не дошла – она постепенно разрушилась из-за воздействия сернистых паров. В 1863 году эрцгерцог Альбрехт, покровитель муниципального округа Баден, купил «Зауэрхоф» и предоставил его в распоряжение офицерскому корпусу. После Второй Мировой Войны здание вплоть до 1955 года

было занято советскими подразделениями. В 1970-е годы архитекторы *Шорн (Schorn)* из *Вюрцбурга (Würzburg)* приобрели «Зауэрхоф» и основали здесь гостиницу. После обширных ремонтных работ в 1978 году Грандотель «Зауэрхоф» был торжественно открыт. Доктор *Омар Цавави (Omar Zawawi)*, известный бизнесмен из Омана, был до 2006 года собственником гостиницы. Затем «Зауэрхоф» перешёл во владение международной гостиничной сети «*Helnan*» (<http://www.helnan.com/>). Основанная в 1982 году мистером *Энаном Галали (Enan Galaly)* в 1982 в Дании, эта сеть объединяет 5- и 4-звездные гостиницы по всему миру. В «Зауэрхофе», прямо внутри здания, как отдельная комната, есть капелла (*Sauerhof Kapelle*). Она была сооружена Корнхойзелем в 1820 году при возведении здания. В капелле проводились богослужения до 1945 года, потом последовал длительный перерыв, после которого в 1990 году богослужения были возобновлены. Капелла относится к баденской приходской церкви Святого Стефана (*St. Stephan – Stadtpfarrkirche Baden*). В последние годы там было проведено множество свадеб и крещений.

В отеле «*Зауэрхоф*» комнаты носят названия разных выдающихся людей. Так, там есть комнаты имени Моцарта, Шнитцлера, Сальери, Франца Шуберта, Ланнера, императора Фридриха, Франца Грильпарцера, Фридриха фон Шлегеля, Антона фон Добльхоффа, Меттерниха, римского императора Пробуса, Марии Терезии, Иоганна Штраусса (отца и сына) и многих других; сыюты имени Шуберта, Иоганна Штраусса, Наполеона Бонапарта. Комната 101 носит имя Бориса Пастернака, а комната № 43 названа в честь Петра Первого (*Peter der Grosse*). Кроме того, в гостинице существует так называемый «*Бетховенский сыют*» (*Beethoven Suite*) (№ 117–118) – комната, где жил композитор. Проживание в этой комнате стоит 800 евро за ночь в межсезонье и 1100 евро за ночь в сезон. В этом отеле останавливался Кофи Аннан в бытность Седьмым Генеральным секретарём ООН (1997–2006 годы). Одно время о его пребывании в этом историческом месте напоминала табличка на скамейке возле отеля, на которой он сидел, – надпись на табличке удостоверяла, что Аннан сидел именно на этой скамейке. После того, как срок полномочий Аннана на посту Генерального секретаря ООН истёк, табличка чудесным образом исчезла.

Останавливался Бетховен и в отеле под названием «**Вилла Гутенбрунн**» (**Villa Gutenbrunn**) (адрес: Rollettgasse 6).

Первоначально Гутенбрунн считался *замком (Schloss)*. Своё название он получил в честь имения Гутенбрунн, одного из пригородов Бадена, и за свою долгую историю (с XV века) много раз полностью перестраивался. В санаторий Гутенбрунн был переоборудован в 1897 году. В 1960 году Баден посетил император Ибн-Дауд. Благодаря его щедрым пожертвованиям здание было отреставрировано. Последняя основательная перестройка Гутенбрунна относится к 1973 году. Вилла Гутенбрунн соединена переходом с *баденскими Римскими термами (Römertherme)*, с *центром вельнеса (Wellnesszentrum)*, *Баденским оздоровительным центром (Badener Kurzentrum)* и с *лечебным отелем Badener-Hof*. К вилле примыкает маленький **Гутенбруннский парк (Gutenbrunner Park)**.

Другие бетховенские адреса: *Antonsgasse 4, Breitnerstrasse 26* (дворец Брайтен – Breiten), *Johannesbadgasse 12* (здание Johannesbad), *Kaiser Franz Ring 9, Weilburgstrasse 13*.

Бадене есть площадь (*Beethovenplatz*) и улица (*Beethovengasse*), названные в честь великого композитора. На Бетховенгассе находится кинотеатр под названием *Beethoven-Kino* (Beethovengasse 2a). Кроме того, в окрестностях Бадена существует «**Пешая дорога Бетховена**» (**Beethovenwanderweg**) – точнее сказать, это несколько дорог. Одна из них идёт по долине Хелененталь, другая – по Венскому лесу из Бадена (её начало лежит в Курортном парке) до Мёдлинга.

Среди гостей Бадена встречаются имена многих писателей. Здесь бывали **Раймунд, Бауэрнфельд и Нестрой, Розеггер и Анценгрубер, Хеббель и Эйхендорф**. Гостили в Бадене и мастера живописи **Антон Грасси, братья Альт, братья Эндер, Крихубер, Даффингер, Швинд, Вальдмюллер**. Живописная мест-

ность, окружающая Баден, побудила этих художников обратиться к жанру пейзажа, быстро завоевавшему популярность, и вдохновила их творчество.

Попутно стоит упомянуть ещё об одной необычной достопримечательности Бадена. Видному баденскому врачу **Антону Францу Роллетту**, лечившему Габсбургов на курорте, досталась в дар львиная доля знаменитой коллекции черепов, принадлежавшей естествоиспытателю и френологу **Францу Иозефу Галлю**, который, будучи подозреваемым в якобинстве, вынужден был отправиться в изгнание во Францию. Ныне коллекция хранится в городском **музее Роллетта (Rollett-Museum)**, старейшем музее Нижней Австрии, основанном в 1810 году. Работа над созданием экспозиции была начала врачом Антоном Францем Роллетом, а продолжена его сыном. До того, как община Вайкерсдорф (Weikersdorf) присоединилась к Бадену в 1912 году, здесь была построена величественная ратуша. Сейчас именно здесь располагается коллекция черепов, собранных врачом Роллетом, а также экспозиция истории Бадена, в которой можно увидеть находки римских времён, вещи знаменитых гостей, материалы по истории бассейнов и постоянно обновляющиеся специальные выставки. Заслуживает внимания также единственная сохранившаяся прижизненная маска Наполеона Бонапарта. В египетском зале находится хорошо сохранившаяся 2300-летняя мумия, подарок путешественника-исследователя *Маутнера-Маркхофа*, который он преподнёс музею в конце XIX века.

Музей Роллетта (Rollett-Museum). Weikersdorfer Platz 1. Телефон: 482 55. E-mail: rollettmuseum-stadtarchiv@baden.gv.at. Открыт ежедневно, кроме вторника, с 15.00 до 18.00. Туристические группы могут договориться о посещении музея вне часов работы.

Многие придворные и аристократы остались верны Бадену и после смерти императора Франца I. В 1834 году по проекту архитекторов *Зиккардсбург* и *Ван-Дер-Нюль*, авторов проекта здания Венской оперы в городе был построен не только первый плавательный бассейн, «**Минеральшвиммуле**» (**Mineralschwimm-**

schule) (построен в 1845–1848 годах; раньше в нём было два бассейна с трамплинами и различными спортивными сооружениями; теперь он больше походит на римские термы и сочетает в себе старое и новое), но и **Летняя арена (Sommerarena)** в Курортном парке, где и сегодня в летние месяцы идут оперетты. Она была основана в то время, когда туризм пришёл в упадок, в 1841 году. Тогда идея основать театр, где посетители могли бы курить, был чем-то из ряда вон выходящей. Нынешнее здание, построенное в 1906 году и отреставрированное в 1960-е, имеет стеклянную раздвижную кровлю.

Строительство южной ветки железной дороги («**Зюдбан**», **Südbahn** в 1841 году), включающую ныне линию *S-Bahn S9*, и ввод в эксплуатацию трамвайной линии Вена – Баден («**Баднер Бан**», **Badner Bahn**), конечная станция в Бадене которой находится на **площади Йозефплатц (Josefplatz)**, ещё теснее связали Баден с имперской столицей. Конец XIX столетия ознаменовался периодом бурного градостроительства. В архитектурном облике города появились новые акценты – *эkleктицизм* и *Югендстиль (Jugendstil)*, развивавшийся под влиянием представителей объединения художников *Сецессион (Secession / Sezession)*. Эти стили преобладают в архитектуре вилл и многих других зданий Бадена и сегодня.

Ныне на *Йозефплатц (Josefplatz)* находится множество достопримечательностей Бадена: конечная станция трамвайной линии Баден – Вена (*Badner Bahn*); купальни Фрауэнбад (*Frauenbad*) с импозантной галереей (*Säulenhalle*) (сейчас – местонахождение всемирноизвестного *Центра искусств и выставок – Kunst- und Ausstellungszentrum*) и Йозефбад (*Josefbad*). За углом располагается дворец Флораштёкль (*Flofastökl*).

Императора Франца Иосифа I притягивала в Баден любовь к актрисе придворного театра **Катарины Шратт**. Она была единственным человеком, к которому император был привязан после смерти кронпринца Рудольфа в Майерлинге и убийства

императрицы Елизаветы. Этот город был родиной Катарины. Дом, в котором родилась актриса, и поныне стоит на улице *Терезиенгассе* (Teresiengasse, 1 – **Stadtkeller**). Сейчас на этом доме висит мемориальная доска.

В числе достопримечательностей Бадена следует также назвать **виллу Райнер (Rainer-Villa)**, располагающуюся прямо в устье долины Хелененталь. Вилла была построена в 1867 году архитектором *Отто Вагнером (Otto Wagner)* для *Густава Риттера фон Эпштайна (Gustav Ritter von Epstein)*. В 1873 году вилла перешла во владение *Габсбургскому эрцгерцогу Райнеру (Habsburger Erzherzog Rainer)*. Вилла соединена с летним бассейном (Strandbad) дорожкой под названием **Райнервег (Rainerweg)**.

Неподалёку от родного дома Катарины Шратт, там, где некогда стоял театр, построенный ещё в XVIII веке, а затем на его месте другой театр, спроектированный архитектором *Йозефом Корнхойзелем* в стиле бидермайер и построенный в 1812 году, находится построенный в 1909 году по проекту театральных архитекторов **Хельмера (Helmer)** и **Фелльнера (Fellner)**, наиболее известных театральных архитекторов того времени, **Юбилейный театр («Юбилоймстеатер» – Jubiläumstheater)**, который поныне является одним из самых популярных театров оперетты и драмы. Представления здесь идут с октября по март; летние же представления даются на **Летней арене (Sommerarena)** в Курортном парке (Kurpark). В общей сложности история Баденского театра насчитывает 300 лет. Вмещает он в себя 700 человек. Центральное место среди исполняемых здесь произведений занимают оперетты, постановка которых выполняется в классической форме, без всяких режиссёрских экспериментов.

О праздновании юбилея правления императора Франца Иосифа I напоминает сегодня и пышно декорированная и установленная в Курортном парке (Kurpark) **садовая скамья** – излюбленный фотомотив современных поклонников австро-венгерской монархии.

С XIX века на *Грабенгассе (Grabengasse)* 14 находится молельный зал еврейской общины, единственный во всей Нижней

Австрии, используемый и сегодня. Недалеко от него в 1873 году построили синагогу, от которой сохранились некоторые части, например, чугунная крыша. Само здание было взорвано в 1938 году во время ноябрьского погрома и до сих пор не восстановлено.

Последние отблески былого величия габсбургской монархии легли на Баден в последние годы Первой мировой войны. В 1916–1918 годах здесь находился штаб имперской армии. **Карл I, последний император** австро-венгерской монархии, жил в эти годы в «Доме императора» (**Kaiserhaus**) на *Главной площади (Hauptplatz)*, проводил аудиенции в Доме искусства (**Kunsthau**) и посещал мессы в церкви **Фрауэнкирхе (Frauenkirche)**.

3 ноября 1918 года из Бадена в адрес Антанты была отправлена депеша о капитуляции монархии, в которой принимались условия прекращения военных действий.

В конце существования «*Дунайской монархии*» (*Donaumonarchie*) в 1926 году всего за 6 недель был построен **летний бассейн Strandbad (Thermalstrandbad)** в стиле *Арт-деко (Art-déco-Stil)*. Поверхность воды в этом бассейне – около 5000 квадратных метров. К нему примыкает большой пляж с песком – специально для этого бассейна было привезено 50 вагонов песка с берегов Дуная. Сезон купания – с мая по сентябрь. В 1930 году после включения в состав прилегающих к бассейну площадей части парка замка Вайльбург это место стало самым большим местом для купания во всей Австрии.

Рядом с бассейном находится **Вилла «Региненруэ» (Reginenruhe)**, которая в 1926 году была перестроена архитектором Алоизом Боном в огромное здание нового функционализма.

Одной и достопримечательностей Бадена являются **Римские термы (Römertherme)**. Многочисленные сауны и купальни с площадью воды примерно 900 квадратных метров располагаются под самой большой в Европе стеклянной крышей. Непосредственное сообщение с **центром вельнеса (Wellnesszentrum)**, **Баденским оздоровительным центром (Badener Kurzentrum)** и с лечебным отелем **Badener-Hof** помогает как можно плодотворней и приятней заняться своим здоровьем. Дирекция водолечебных учреждений в 1973 году была перенесена в **Баденский терапевтический центр – Курмиттельхаус (Kurmittelhaus)**.

Römertherme: <http://www.roemertherme.at/>;

Badener Kurzentrum: <http://www.badener-kurzentrum.at/>;

Badener-Hof: <http://www.badenerhof.at/>

Римские термы располагаются на **площади Брузатти (Брузаттиплац – Brusattiplatz)** неподалёку от купальни **Леопольдсбад (Leopoldsbad)**, в которой ныне располагается справочная информация для туристов и дирекция курортов. К площади Брузатти примыкает **«Грюнер Маркт» – «Зелёный рынок» (Grüner Markt)**. Рынок является частью располагавшейся здесь ранее рыночной площади, которая после городского пожара оказалось вынесенной за городские стены. Здесь в течение многих веков торговали овощами и фруктами. Крышу-навес построили только в 1990-е годы.

В **Хайлигенкройцхофе (Heiligenkreuzhof)** на площади Брузатти, древнем здании, фундамент которого был заложен в XII веке, располагается винотека, которая, как указывалось выше, была основана в 1995 году коллегией виноделов. Здесь организуются дегустации вин, экскурсии и выставки. Ко двору примыкает **Магдалененкапелле (Magdalenenkapelle)** с удивительными фресками.

В 1934 году состоялось открытие **казино (Casino)** в Курортном парке, которое теперь приносит немалые средства в казну города. Казино было открыто построено в 1886 году как санаторий, как и его предшественники *Терезиенбад (Teresienbad)* и *Тринхалле (Trinkhalle – Курзал (Kursaal))*. Здание служило местом встреч высшего общества и вскоре было переоборудовано в **дом Конгрессов**, поэтому ныне на нём красуется вывеска: **Congress Casino Baden**. После Второй мировой войны здание служило городским выставочным залом, да а сейчас здесь проводятся балы и праздники. Кроме всего прочего в этом здании расположен **центр для проведения конференций (Konferenzzentrum)**. Казино Бадена является крупнейшим казино в Европе.

После Второй мировой войны Баден служил штабом советских сил в советской части оккупированной страны (до 1955 года).

В конце 1960-х в **Добльхоффпарке (Doblhoffpark)**, который ранее принадлежал бывшему «водному замку» **Вайкерсдорфу**

(Wasserschloss Weikersdorf) (сейчас там располагается гостиница) с помощью *Федерального союза садоводов (Bundesverband der Erwerbsgärtner)* был основан **розарий (Rosarium)**. Площадь розария – свыше 900 квадратных метров; в нём произрастают свыше 20 000 розовых кустов более чем 600 разных сортов. Любители роз со всего мира собираются в Бадене в июне – в пору наибольшего цветения, в период так называемых «дней роз» (*Rosentag*). Вторично цветут розы в октябре. В розарии находится красивейшая оранжерея.

Крепость **Вайкерсдорф** упоминалась в XIII веке как владение Рауэнштайнов. Владельцы её часто менялись. С середины XVIII до XX века замок принадлежал династии Добльхофф, под этим именем он и стал известным. Именно по имени Добльхоффов получил название парк, который ранее принадлежал Вайкерсдорфу и частью которого ныне является розарий. В XVI веке крепость была перестроена в стиле ренессанс. После ухода русских войск после Второй мировой войны замок был практически разрушен. В 1960-е годы его восстановила семья Папст, переоборудовав в гостиницу.

В Бадене проводятся многочисленные **культурные мероприятия**: Бальный сезон, карнавал (январь, февраль); открытие летнего сезона, праздничный концерт в Баденском городском театре (1 мая); Баденский бал роз под открытым небом (июнь), Баденские дни роз (июнь); сезон рысистых бегов в старинном баденском ипподроме (URL: <http://www.trabenbn.co.at/>), Баденский фестиваль оперетты в Летней арене (июнь – сентябрь); Баденские недели лечения виноградом (*Траубенкурвохен, Traubenwochen*), Баденские дни Бетховена (сентябрь); Зимний сезон в Юбилейном театре (октябрь – март); Рождественские базары в Бадене (*Adventmeile* и *Silvesterpfad*; декабрь). Кроме того, в Бадене есть два кинотеатра – «Beethoven-Kino» (Beethovengasse 2a) и «Olimpia» на углу улиц Breitnerstrasse и Roseggerstrasse. Разнообразны возможности для занятий спортом: теннисные корты, площадки для гольфа и минигольфа, фитнес-салоны. Зимой заливается прекрасный каток, а в окрестностях – между *Берндорфом (Berndorf)* и *Шварцензее (Schwarzensee)* – можно покататься на беговых

лыжах. В возможности совершать разнообразные пешие и велосипедные прогулки уже упоминалось выше.

В центре Бадена существует **Баденский музей кукол и игрушек (Badener Puppen- und Spielzeugmuseum)**. Адрес: Erzherzog Rainer Ring 23, корпус в парке **виллы Аттем (Аттемсвилла – Attensvilla)**, тел.: 410 20. Открыт для посетителей с понедельника по пятницу с 16.00 до 18.00, в субботу, воскресенье и в праздники с 10.00 до 12.00 и с 16.00 до 18.00. Туристические группы могут договориться о посещении музея вне часов работы. E-mail: puppenmuseum@baden.gv.at. Здание **Аттемсвиллы** представляет большой интерес с точки зрения архитектуры. В ней соединены стилевые доминанты эпохи Бидермайер и ампира. Дорические колонны поддерживают балкон, а наверху, на средней перпендикулярной балке мы видим герб графов Аттемс. В соседнем здании располагается **кукольный театр (Badener Puppentheater)**. Адрес: Trostgasse 17; URL: <http://www.badenerpuppentheater.at>; E-mail: office@puppentheater.at

К северу от Бадена находится **Хюнерберг (Hühnerberg)**, где, по преданию, жил *великан Хун (Huhn)*, и источник **«Юнгендбруннен» (Jugendbrunnen)**. На Хюнерберг до 1788 года располагалась самая высокая виселица страны. После её сноса в 1884 году здесь была выстроена смотровая вышка. В память о *Терезии Гёшль (Theresia Göschl)*, финансировавшей строительство, вышка называется её именем – **«Вышка Терезии» (Theresiawarte)**. В тех же краях находится *гора Гальгенберг (Galgenderg)*. Источник Jungendbrunn когда-то был очень полноводным и являлся излюбленным местом для прогулок. Происхождение названия до сих пор не выяснено: надпись на нём гласит, что в 1645 году здесь умер от ран шведский аристократ по имени Юнгенд (Jungend).

Достаточно новым развлечением в Бадене является маленький *поезд на колёсах* под названием **«Ludwig van Beethoven»**, который в тёплое время года совершает «круг почёта» по основным достопримечательностям города, а также устраивает туры до Зоосса (<http://www.city-zug-baden.at/>).

На улице *Фридхофштрассе* (*Friedhofstrasse*), возле железнодорожного полотна, рядом с **Городским кладбищем** (**Städtische Friedhof**), находится **Русское кладбище** (**Russische Friedhof**). Здесь покоятся советские солдаты, погибшие в этих краях во время Второй мировой войны.

В Бадене располагается много старых красивых **вилл**. Кроме упомянутых *Виллы Райнер*, *Виллы Региненсуэ*, *Виллы Эстерхази*, *Виллы Меттерниха* и *Амтемсвиллы* следует отметить **Виллу актрисы Менотти** (*Kaiser-Franz-Ring, 13*) (сейчас в ней располагается картинная галерея). Несколько вилл находятся *возле Курортного парка* и на *Вельцергассе* (*Welzergasse*). Особенно много вилл находятся на *Вайльбургштрассе* (*Weilbergstrasse*) (в том числе – **Вилла Ойген** (**Eugenvilla**), построенная для эрцгерцога Вильгельма, сына эрцгерцога Карла) и на улице *Элизабетштрассе* (*Elisabethstrasse*), где встречаются самые разные архитектурные стили. Элементы нового барокко и югендстиля на *Вайкерсдорфплац* (*Weikersdorfplatz*) 2 и *Шиммергассе* (*Schimmergasse*) 4 соседствуют с местным стилем *фахверк* и типичным для Бадена классицизмом: ионические колонны дома на *Вайльбургштрассе* (*Weilburgstrasse*) 6 и кариатиды на *Шмидтгассе* (*Schmidtgasse*) 11.

ПЕРСОНАЛИИ

И. Уроженцами Бадена являются многие известные личности:

- Луис В. Арко (Луи V. Arco) (урожд. Лютц Альтшуль (*Lutz Altschul*); 1899–1975), австрийский, американский актёр;
- Винсент Бах (*Vincent Bach*) (1890–1976), трубач, производитель медных духовых музыкальных инструментов;
- Хуго Беттауер (*Hugo Bettauer*) (1872–1925), австрийский писатель;
- Вилли Энд (*Willi End*) (род. 1921), австрийский альпинист;
- Люси Енглиш (*Lucie Englisch*) (1902–1965), австрийская актриса;
- Берт Фортелл (*Bert Fortell*) (1924–1996), актёр;

- Йозеф Франк (Josef Frank) (1885–1967), австрийский, шведский архитектор;
- Мицци Грибл (Mizzi Griebel) (1872–1952), австрийская певица и актриса;
- Карл Людвиг Габсбург (Karl Ludwig Habsburg) (1918–2007), пятый ребёнок императора Австрии Карла I (Karl I) и императрицы Циты (Zita);
- Эрцгерцогиня Мария Иммакулата (Maria Immakulata) Австрийская (1878–1968, Альтсхаузен, Германия), седьмой ребёнок Эрцгерцога Карла Сальватора (Karl Salvator) Австрийского и Принцессы Марии Иммакулаты Бурбон-Сицилийской;
- Марианне Хайниш (Marianne Hainisch) (1839–1936, Вена), австрийская феминистка;
- Эрвин Хоффер (Erwin Hoffer) (род. 1987), профессиональный футболист;
- Макс Куттнер (Max Kuttner) (1883 (1880) – 1953), немецкий тенор (опера, оперетта, граммофонные записи, радио);
- Карл Ландштейнер (Karl Landsteiner) (1868–1943, Нью-Йорк), австрийский врач, химик, иммунолог, инфекционист; открыл группы крови;
- Хайнрих фон Лютцов (Heinrich von Lützow) (1852–1935), австро-венгерский дипломат;
- Герта Мартин (Hertha Martin) (род. 1930), австрийская актриса;
- Гериберт Майзель (Heribert Meisel) (1920–1966), легендарный австрийский спортивный журналист и спортивный телеведущий каналов ORF и ZDF;
- Максимилиан Мэльхер (Maximilian Melcher) (1922–2002), художник и преподаватель;
- Эдуард Мэлькус (Eduard Melkus) (род. 1928), австрийский скрипач и альтист;
- Йозеф Мюллер (Josef Müllner) (1879–1968), австрийский скульптор;
- Роза Папир (Rosa Papier) (1859–1932), австрийская оперная певица и музыкальный педагог;

- Якоб Пацеллер (Jakob Pazeller) (1869–1957), композитор (он жил в доме на *Breyerstrasse 1*, где сейчас располагается кондитерская **Lehner**; в память о композиторе на доме висит мемориальная доска);
- Карл Пфайфер (Karl Pfeifer) (род. 1928), австрийский журналист;
- Арнульф Райнер (Arnulf Rainer) (род. 1929), австрийский художник;
- Макс Рейнхардт (Max Reinhardt) (Максимилиан Голдманн (Maximilian Goldmann); 1873–1943, Нью-Йорк), театральный режиссёр и руководитель;
- Франц Йозеф Райнль (Franz Josef Reinl) (1903–1977), австрийский композитор;
- Франц Резничек (Franz Reznicek) (род. 1903), австрийский архитектор;
- Семья Роллет (Rollett):
 - ✓ Александр Роллет (Alexander Rollett) (1834–1903), австрийский физиолог и гистолог;
 - ✓ Георг Антон Роллет (Georg Anton Rollett) (1778–1842), австрийский коллекционер, учёный (естественные науки) и врач;
 - ✓ Германн Роллет (Hermann Rollett) (1819–1904), поэт эпохи Vormärz, искусствовед, архивариус города;
- Герберт Шамбек (Herbert Schambeck) (род. 1934), юрист;
- Катарина Шратт (Katharina Schratt) (1853–1940), актриса;
- Антон Мария Шварц (Anton Maria Schwartz) (1852–1929), католический священник;
- Курт Ройбер (Kurt Reuber, 26 мая 1906 года – 20 января 1944 года), священник, врач и художник;
- Карл Холдхаус (Karl Holdhaus) (1883–1975), австрийский энтомолог;
- Рудольф Штайнбёк (Rudolf Steinböck) (1908–1996), актёр, кинорежиссёр;
- Марлен Штреерувитц (Marlene Streeruwitz) (род. 1950), писательница;

- Теодор Томандль (Theodor Tomandl) (род. 1933), австрийский правовед;
- Карл Игнац Умлауф (Carl Ignaz Umlauf) (1824–1902), композитор;
- Томас Фанек (Thomas Vanek) (род. 1984), профессиональный хоккеист чехословацкого происхождения в составе Баффало Сэйбрз;
- Игнац Витцтумб (Ignaz Vitzthumb) (1724–1816, Брюссель), австрийский композитор, работал в Австрийских Нидерландах;
- Эрик Верба (Erik Werba) (1918–1992), австрийский пианист и композитор;
- Ральф Винер (Ralph Wiener) (род. 1924), кабареист, писатель;
- Безиан Идрицай (Bensian Idrizai) (1987–2010, Линц), профессиональный футболист;
- Элизабет Воска (Elisabeth Woska) (род. 1938), актриса;
- Карин Шееле (Karin Schleere) (род. 1968), австрийский политик, социал-демократ;
- Натали фон Хохенлохе-Валденбург-Шиллингсфюршт (Natalie von Hohenlohe-Waldenburg-Schillingsfürst) (1911–1989), вторая дочь Марии Генриетты, Эрцгерцогини Австрийской (Maria Henriette Erzherzogin von Österreich);
- Георг Михаэль Хёллеринг (Georg Michael Höllering) (1897–1980), австрийско-британский автор и режиссёр.

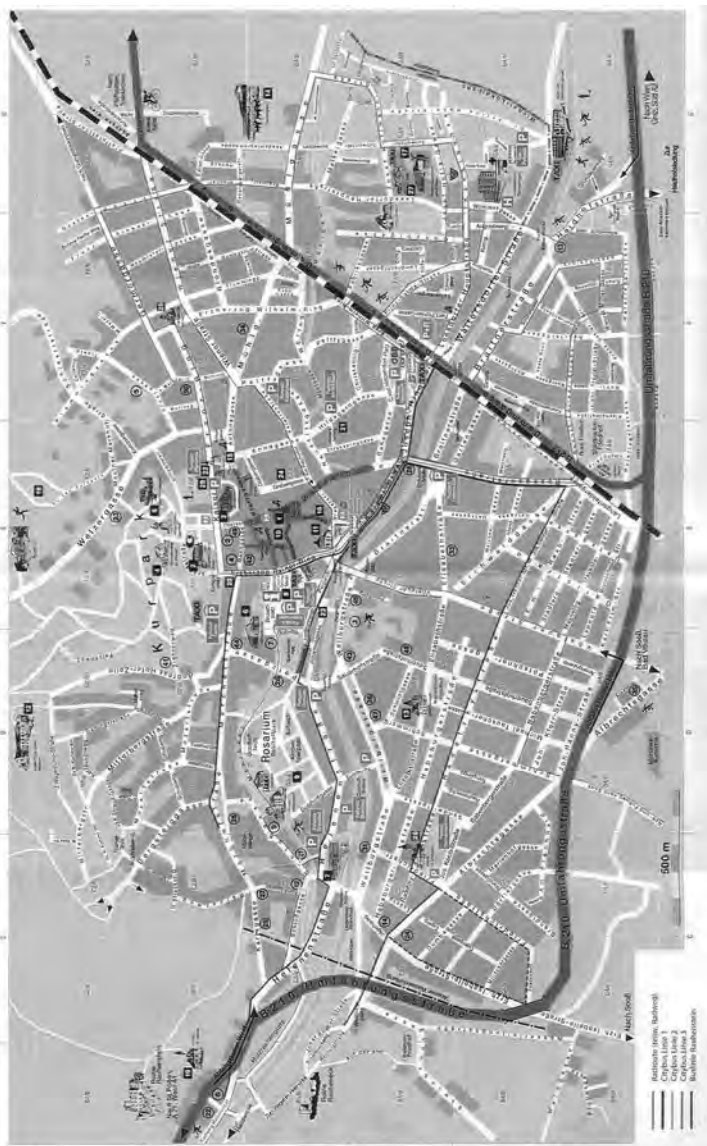
II. Известные жители Бадена:

- Карел Комзак II (Karel Komzák) (1850, Прага – 1905, Baden), чешский и австрийский композитор;
- Эдуард Ганслик (Eduard Hanslick) (1825, Прага – 1904, Baden), австрийский музыкальный критик, умерший в доме Clementinen-Hof (Kaiser Franz Ring 12);
- Вениамин Костицын (по-немецки имя передаётся как Veniamin Kostitsin) (род. 1949, Красноярск), русский художник, работающий в Бадене;
- Зиги Марон (Sigi Maron) (род. 1944, Вена), певец, автор песен.

HERZLICH WILLKOMMEN IN BADEN BEI WIEN

Tourist Information Baden (E3/a):
 Tourist Information Baden bei Wien
 Tel. +43 (0)223 223 600 Fax +43 (0)223 601 1
 (Hochalpenstr. 4, 1640 Baden, A-1)

Сайты Бадена в интернете: URL: <http://www.baden.at/>, <http://www.tiscover.com/baden-bei-wien/>; E-mail: buergerservice@baden.gv.at, info@baden.at. Через сайт Бадена (<http://www.baden.at/>) можно подписаться на новости, которые будут регулярно приходить на указанную электронную почту.

В окрестностях Бадена в Венском лесу располагается *Proksch-Hütte* (адрес в интернете: <http://www.prokschhuetten.at/>).

В Бадене издаётся местная газета *Badener Zeitung* (URL: <http://www.badenerzeitung.at/>. E-Mail: bz@badenerzeitung.at).

АЛЛАНД (ALLAND)

Алланд был охотничьим угодьем для Бабенбергов и Габсбургов в эпоху Средневековья. Это место знаменито также тем, что здесь родился последний наследник трона из династии Бабенбергов. После загадочной смерти кронпринца Рудольфа в 1889 году в Майерлинке Алланд был преобразован в курорт, который очень полюбился жителям соседних мест.

Достопримечательности Алланда:

1. Сталактитовая пещера (*Die Allander Tropfsteinhöhle*).

Находится в 476-метровой горе Бухберг (Buchberg) und объявлена памятником природы. Она была открыта первопроходцами из **Клостернойбурга (Klosterneuburg)** и с 1928 года стала доступна для всеобщего обозрения. Известные учёные занимались исследованиями этой пещеры. Длина пещеры 70 метров, глубина 12 метров, скалистые ворота примерно 3 на 3 метра. Проходы достигают 12 метров в высоту. В пещере можно увидеть не только разнообразные каменные породы Венского леса, но и медве-

жьи кости. Сквозь стены пещеры пробиваются корни растений, растущих снаружи. Близость поверхности способствует богатой подземной жизни – например, здесь обитают бабочки и некоторые другие насекомые. *Гора Бухберг (Buchberg)* была заселена уже в раннеисторический период – во время раскопок здесь обнаружили изделия из оленьего рога, камня, кости, бронзы, железа.

От большой автостоянки в конце улицы Buchberggasse (туда возможно попасть через улицу Hauptstrasse или улицу Groisbacher Strasse) 10 минут ходьбы до входа в пещеру.

Время открытия: с Пасхи или 1 апреля по 31 октября по субботам, воскресеньям и праздничным дням с 10.00 до 17.00; в июле и в августе пещера открыта также и по будним дням с 13.00 до 17.00. Возможны экскурсии для групп минимум из 8 человек в период с апреля по октябрь. Телефон: 02258 / 66 66. Желательно иметь при себе подходящую обувь и тёплые жилетки. Продолжительность экскурсии примерно 25 минут.

2. *Кактусовый центр Гройсбах (Kakteencenter Groisbach).*

3. *Церковь Святой Марии, посещаемая паломниками (Wallfahrtskirche Maria Raisenmarkt).*

Адрес Алланда в интернете: <http://www.alland.at/>

МАЙЕРЛИНГ (MAYERLING)

Здесь находится охотничий домик, где *Наследный принц Рудольф (Kronprinzen Rudolf)* Австрии и его любовница *Баронесса Мария Ветсера (Mary Freiin Vetsera)* были найдены мёртвыми в охотничьем домике Рудольфа 30 января 1889 года. До сих пор причины трагедии точно неизвестны.

Сразу после произошедшей трагедии император Франц Йозеф I распорядился разрушить охотничий домик и на его месте построить *кармелитский монастырь (Karmelittinnenkloster)*, что и было сделано. Церковь в этом монастыре стоит прямо на том месте, где пролилась кровь Рудольфа и Марии. Кармелитки ведут достаточно замкнутый образ жизни, обеспечивая себя и монастырь в основном благодаря доходам, получаемым от экскурсий. Экскурсантам показывают прекрасную церковь, *капеллу Елизаветы (Elisabethkapelle)* и несколько выставочных залов.

Сайт Майерлинга в интернете: <http://www.mayerling.org/>

Кармелитский монастырь – Karmel St. Josef. Адрес: Mayerling 3, 2534 Alland. Телефон: +43 (0) 2258 / 22 75; факс: +43 (0) 2258 / 2851. Время открытия: 9.00–12.30 и 13.30–18.00; зимой до 17.00; по воскресеньям и праздничным дням с 10.00.

Из Бадена в Майерлинг можно дойти, во-первых, по долине Хелененталь (там даже есть дорога, носящая имя кронпринца Рудольфа – Kronprinz-Rudolf-Weg), и, во-вторых, через Зигенфельд (дорогу на Зигенфельд надо начинать из Курортного парка; дойдя до Зигенфельда, надо пройти через него и искать указатель на Майерлинг).

В 1968 году совместно Великобританией и Францией по романам «Майерлинг» и «Архиепископ» Майкла Арнолда режиссёром Теренсом Янгом был снят фильм «Майерлинг». В фильме снялись Омар Шариф, в 1965 году сыгравший доктора Живаго в американском одноимённом фильме, (Рудольф), Катрин Денёв (Мария Ветсера) и другие.

На возвышении между Хайлигенкройцем и Майерлингом находится так называется «Разбойничья капелла» – Schächerkreuz. К югу от неё располагается *Прайнсфельд (Preinsfeld)*, который

благодаря этой капелле известен как населённый пункт, находящийся «у Многострадальной Божьей Матери». Из Хайлигенкройца через Прайнсфельд и вершину *горы Виндхагберг (Windhagberg)* ведёт пешая дорога в долину Хелененталь.

ХАЙЛИГЕНКРОЙЦ (HEILIGENKREUZ)

§ 1 Краткая история

Маркграф Леопольд III из династии Бабенбергов основал в 1133 году цистерцианский монастырь Святого Креста – Хайлигенкройц (Heiligenkreuz – Святой Крест) у ручья *Саттельбах (Sattelbach)*. Об основании этого монастыря Леопольда III просил его же сын Отто, сам незадолго до этого ставший цистерцианцем, вступив в монастырь Моримонд. Леопольд III умер в 1136 году и был похоронен в **монастыре Клестернойбург (Klosterneuburg)**. В 1485 году он был причислен к лику святых. Его сын Отто стал епископом Фрайзинга и считается важнейшим историком средневековья. Он почитается блаженным и его мощи находятся в монастыре Хайлигенкройц.

Цистерцианский орден возник в качестве реформаторского движения бенедиктинского монашества. Название ордена – «цистерцианский» – происходит от названия первого монастыря этого ордена – Cistercium (лат.; фр.: Cîteaux), основанного в 1098 году вблизи Дижона, французского города, столицы департамента Кот-д’Ор и региона Бургундия.

Зал Собраний, или капительзал (Kapitelsaal) – одно из важнейших мест захоронений Австрии. В этом зале погребены не менее четырех властителей старейшей правящей династии Австрии – Бабенбергов: маркграф Леопольд IV, герцог Леопольд V, герцог Фридрих I, герцог Фридрих II Воинствующий. Герцог Фридрих II покоится в раке, поскольку он больше других подерживал монастырь. С его кончиной прекратила свое существование династия Бабенбергов.

В 1188 году Леопольд V подарил монастырю большую часть *Креста Господня*, которая является самой большой частью Креста Господня в Европе, лежащей севернее Альп, и до сих пор привлекает большое количество паломников.

Цистерцианцы почитают *святого Венедикта* (†547) и *святого Бернарда* (†1153) своими духовными отцами. Венедикт изображается в черной рясе с разбитой чашей и книгой, Бернард облачен в белую рясу и в руках держит крест.

Монастырь Хайлигенкройц – древнейший цистерцианский монастырь в мире, который со времен своего основания никогда не закрывался. С 1133 года братия монастыря ежедневно семь раз в день совершает богослужение. День начинается с полунощницы (лат. «vigil» – ночное бдение) в 5:15 утра, заканчивается повечерием (komplet) в 20:15. Ночью царит безмолвие.

Бабенберги настолько поддерживали монастырь Хайлигенкройц, что у монастыря вскоре после его основания появляется ряд подворий: *Цветтль* (1138) в Нижней Австрии, *Баумгартенберг* (1142) в Верхней Австрии, *Чикадор* (1142) в Венгрии, *Мариенберг* (1197) в Бургенландии, *Лилиенфельд* (1202) в Нижней Австрии, *Гольденкрон* (1263) в Богемии, *Нойберг* (1327) на реке Мюрц в Штирии. И сегодня братия монастыря по численности самая большая в Австрии. В 1988 году в Бохуме, в Рурской области Германии, основан даже новый монастырь под названием *Штипль*.

Высокий *монастырский храм* XII–XIII вв. был построен в основном в *романском и частично в готическом* стилях. Его стиль отражает идеал цистерцианской архитектуры: храм должен обходиться без росписей и орнаментов и быть воплощенной в камне хвалой Богу.

Три окна западного фасада церкви символизируют Троичность Бога. Особое впечатление производит свет заходящего солнца, в пасхальное время падающий через эти окна на молящихся.

Цистерцианцы живут до сегодняшнего дня земледелием и лесничеством. Монастырь Хайлигенкройц – это «монастырь в Венском Лесу», поскольку название «*Венский Лес*» (*Wienerwald*, лат.: *silva viennensis*) упоминается уже в 1332 году в одном из документов монастыря.

В 1187 году освящается монастырский храм, в 1240 – монастырские сооружения. В 1295 году церковь в восточной своей части расширяется впечатляющей готической достройкой, в которой большая часть стеклянных окон сохранилась в оригинале. Сегодня монастырь Хайлигенкройц является одним из самых больших средневековых монастырских архитектурных комплексов в мире.

В эпоху *барокко* возникают несколько очень ценных по своему искусству построек, как, например, ризница. В 1683 монастырь был разрушен во время турецкой осады. Тогда же сгорела и библиотека. В рамках восстановительных работ последовало расширение средневекового комплекса барочными архитектурными сооружениями.

Знаменитый художник XVIII века из Венеции *Джованни Джулиани (Giovanni Giuliani)*, работающий в стиле барокко, является автором почти всех скульптур и изваяний, которые сегодня украшают монастырь. Среди них колонна *Пресвятой Троицы*, композиции «*Омовение ног*» в крестовом ходе и стасидии («сидения» для братии). Джулиани после смерти своей жены вступил в монастырь уже как член «семьи». Известные художники как *Михаэль Роттмайер*, *Мартино Альтомонте* и *Георг Андреас Васхубер* также трудились для монастыря. Джулиани и Альтомонте погребены в монастырском храме.

При императоре *Иосифе II* – сыне императрицы Марии Терезии – между 1780 и 1790 годами монастырю Хайлигенкройц угрожало закрытие. Мировоззрение эпохи Просвещения неблагоприятно сказывалось на отношении к религии и к монастырскому образу жизни. Государство активно вмешивалось в дела веры и церковной дисциплины. Как реакция на это в 1802 году основывается Богословский Институт для обучения молодого поколения монахов. Сегодня это учреждение существует в качестве **Философско-Богословской Высшей Школы** и насчитывает более ста студентов из монашествующих и немонашествующих.

При императоре Иосифе II братия монастыря должна была перенять на себя пастырское душепопечительство и за стенами монастыря. Монастырю было поручено определенное количество приходов. В данное время цистерцианцы опекают 19 приходов между *озером Нойзидлерзее (Neusiedlersee)* в Бургенланде и Венским лесом.

В конце XIX века из монастырской церкви были удалены все сооружения в стиле барокко, которые представляли собой поздние пристройки к более старым сооружениям, и создан ансамбль неоготических алтарей с сенью над главным престолом в центре.

В годы с 1938 по 1945 существование монастыря опять оказалось под угрозой. При национал-социалистах монастырь большей частью был отобран, а многие из братии арестованы. После II Мировой Войны **игумен (аббат) монастыря Карл Браунсторфер** (1945–1968) старался укрепить первоначальный монашеский дух. Богослужение было реформировано в полном соответствии с постановлениями II Ватиканского Собора. Также был издан собственный латинский часослов (*Brevier*). Братия монастыря доныне неизменно следует своему намерению сохранять грегорианское пение.

§ 2 Экскурсии

Сегодня монастырь Хайлигенкройц – крупнейший цистерцианский монастырь Европы. Множество молодых людей, следуя своему призванию, вступают в монастырь Хайлигенкройц. Монахи открыты к гостям и посетителям. Цистерцианцы монастыря Святого Креста внимательны и доброжелательны в обращении с людьми, тем более с теми, кто ищет тишины и встречи с Богом.

Монастырь открыт для посетителей ежедневно. Проводятся экскурсии в 10.00, 11.00, 12.00, 14.00, 15.00 и 16.00 часов (экскурсии в 17.00 проводятся только для групп не меньше 6 человек по предварительному заказу); по воскресеньям и праздничным дням экскурсии начинаются с 11.00. В Страстную Пятницу и в Сочельник монастырь открыт только с 7.30 до 15.00.

При монастыре работает сувенирная лавка.

§ 3 Основные достопримечательности аббатства

1. Старые ворота (*Die Alte Pforte*).

Вход в крытую галерею называется «старыми воротами». Это название напоминает о том, что здесь вплоть до 1970-х годов нахо-

дились ворота, в которые привратник впускал паломников. На барочных фресках ворот изображены три самых важных святых цистерцианского ордена: Божья Матерь, Святой Бенедикт (в чёрной монашеской одежде), Святой Бернхард (в белой монашеской одежде). Над входом находится также герб Хайлигенкройца: крест на переднем плане, рука на заднем.

2. Надгробные камни в крытой галерее (Der Grabsteingang des Kreuzganges).

Квадратная крытая галерея – это центр устройства монастыря, так как она связывает все важные помещения друг с другом. Монастырь был задуман в качестве города в миниатюре: монахи должны были сами добывать себе пропитание, заниматься всеми ремёслами внутри монастыря. Сейчас монахи работают больше в духовной области и в сфере преподавания. Крытая галерея построена в романо-готическом стиле, её сооружение было завершено в 1240 году при Герцоге Фридрихе II в том виде, в котором существует и поныне. В стену вделаны надгробные камни благодетелей, которые одаривали монастырь земельными участками, виноградниками или прочими дарами в эпоху Средневековья и обеспечивали таким образом монахов средствами для существования. Эти покровители были погребены в крытой галерее.

3. Читальня в крытой галерее (Der Lesegang des Kreuzganges).

Одна из частей крытой галереи называется читальня, так как здесь монахи собираются каждый вечер для чтения. Чтец сидит на кафедре, аббат и остальные монахи сидят напротив к нему на деревянных скамьях. Ежедневно читается часть из правила Святого Бенедикта. В читальне можно увидеть серо-черные стеклянные окна в стиле «Grisaille», которые частично созданы ещё в XIII веке. Старые стекла на окнах представляют ныне большую проблему, так как они медленно разрушаются из-за загрязнения воздуха. В читальне в Чистый Четверг проходит праздник омовения ног: следуя примеру Христа, который за день до Своей Крестной смерти омыл ноги Апостолам, аббат и монахи омывают ноги двенадцати пожилым мужчинам из близлежащих церковных приходов, окормляемых монастырём. Барочные скульптуры Джованни Джулиани 1705 года, располагающиеся на противоположных сторонах помещения, изображают ритуал омовения ног.

4. Зал Собраний (*Der Kapitelsaal*).

Помещение для собраний монахов называется *Kapitelsaal* (Kapitel по-немецки «глава»), так как – по меньшей мере, в более ранние времена – во время каждого собрания прочитывалась вслух глава из Священного Писания. Звание «Kapitular» даёт монаху право принимать участие в этих встречах. В зале Главы ныне происходит праздник облачения в новую одежду, а также торжественный приём мужчин, которые вступают в монастырь и облачаются в одежду священства. После периода послушания в этом же зале монах отказывается от своих временных обетов, которые он давал ранее.

Зал служит также усыпальницей покровителей монастыря из княжеских фамилий, поэтому это важное историческое место Австрии.

В числе герцогов династии Бабенбергов здесь был погребён Леопольд V, который пленил короля Ричарда Львиное Сердце. Это был тот самый Леопольд V, который подарил монастырю реликвию частичку Святого Креста. Здесь погребён также маркграф Леопольд IV. Они нашли последнее пристанище под простыми надгробными камнями, тогда как во внушительной высокой могиле, находящейся в зале Главы, покоится прах Фридриха II Воинствующего (†1246). Он был последним Бабенбергом, который управлял Австрией, и весьма великодушным покровителем монастыря. На барочных фресках на стенах изображены те люди, которые погребены в зале собраний.

5. Капелла мертвецов (*Die Totenkapelle*).

Вероятно, в эпоху Средневековья это помещение использовалось как помещение для разговоров («Parlatorium»), то есть как помещение, в котором монахи могли говорить друг с другом, тогда как в других частях монастыря следовало молчать. В 1713 году помещение было переоборудовано в Капеллу мертвецов (*Die Totenkapelle*), сооружённую в стиле барокко. Именно в таком виде оно существует и поныне. Канделябр в виде танцующих скелетов должен выражать надежду на восстание из мёртвых: пляска смерти пугает, однако за ней находятся горящая свеча, символ Воскресшего Христа и вечной жизни. Ныне если монах умирает, его тело выставляется здесь для прощания примерно на два дня. Монахи прощаются в этой капелле со своим собратом, который

закончил земную жизнь в Боге. Они несут дежурство возле покойного до дня похорон, тихо читая молитвы об упокоении усопшего.

6. *Павильон с минеральным источником (Das Brunnenhaus).*

В настоящее время у каждого монаха есть проточная вода в келье. В эпоху Средневековья единственным источником воды во всём монастыре был минеральный источник, располагающийся в специальном павильоне. Этот источник существует и ныне. Павильон был выполнен в готическом стиле; его сооружение было завершено в 1295 году. Он походит на великолепную капеллу: его украшают знаменитые готические витражи с изображениями Бабенбергов, из замкового кирпича сделан восседающий на троне Христос (оригинал из дуба находится в музее) и пирамидальный источник эпохи Возрождения. Это помещение, созданное для практических целей, очень красиво эстетически. Это имеет богословское обоснование: оформление любого помещения должно напоминать монаху о том, что он служит Богу везде и всюду. Архитектура напоминает монаху, что даже обычная будничная работа совершается перед лицом Христа и должна служить Его прославлению.

7. *«Помещение для братьев» (Fraterie).*

Это помещение служило в средневековье *Fratres*, или братьям, производственным помещением. Различные монастырские цеха были размещены в первоначально разделенном помещении: сапожная, пошивочная, столярная и так далее. Наряду с этой средневековой «мастерской» здесь же находились канцелярия, скрипторий. Тогда это важное помещение, в котором монахи писали или переписывали книги от руки, было единственным отапливаемым помещением в монастыре. Котельная (по-немецки «*Kalefaktorium*» или «*Heizraum*») была сооружена только в 1992 году возле лестницы.

8. *Ризница (Die Sakristei).*

В Австрии и в Южной Германии в XVII и XVIII веках было снесено много средневековых церквей, и вместо них были построены новые церкви, оформленные в стиле барокко согласно вкусам той эпохи. Так как Хайлигенкройц был по финансовым соображениям для перестроек нанимал работников из венгерских аббатств, которые были вовлечены в войны с турками, он не мог-

ли позволить себе полную перестройку церкви и монастыря. Следствием этого было то обстоятельство, что монастырь сохранился до наших дней в том виде, в каком он был создан в Средние века. Конечно, перестройки производились и в эпоху барокко, однако в основном в форме незначительных переделок и пристроек. Одно из таких новых барочных помещений в средневековом монастыре – это ризница. Она была сооружена в XVII веке и знаменита уникальными барочными фресками. Шкафы с инкрустациями – это произведение двух не являющихся духовными лицами членов ордена, выполненное в начале XIX столетия. В шкафах хранятся принадлежности и одеяния хранятся для литургии.

9. Монастырская церковь (*Die Abteikirche*).

Монастырская церковь была построена в два этапа. Сначала трехпролетная базилика была выстроена, сооружение которой было закончено в XII веке в романском стиле. Её архитектура типична для строгого романского стиля цистерцианцев, который делает акцент на эстетику помещения, а не на отделку. Сквозь три окна в западной стороне – символ Святой Троицы – по вечерам на молящихся на месте для хора монахов в алтарной части падает свет заходящего солнца. Романский неф был расширен в XII веке сооружением готического зала для хора (это старейшее готическое сооружение павильонного типа в Австрии). Высокие стеклянные окна сохранились наполовину в своём первоначальном виде, в том, в каком они были созданы в 1290 году. В эпоху барокко церковь сильно перестраивалась, среднее восточное окно крытого хора было замуровано, на его месте был сооружён барочный алтарь. Алтарная роспись кисти *Йоханна Михаэля Ротмайра (Johann Michael Rottmayr)* изображает Вознесение Марии, она сохранилась на боковой стороне крытого хора. Остальные барочные сооружения вместе с боковыми алтарями были разобраны в конце XIX века и заменены на псевдоготический балдахин. Расписанный крест над алтарем символизирует Христа как воскресшего Господа. Этот крест – мастерская копия романского креста, выполненного в 1138 году.

10. Орган Кобера (*Die Kober-Organ*).

В передней части монастырской церкви находится большой орган Кобера, который почти достигает потолка северного попе-

речного нефа. Орган был сооружён в 1804 году *Игнацем Кобером* (Ignaz Kober) и имеет 2 ручных механизма, 55 регистров и 2959 свистков. Он реставрировался полностью только в 1997 году.

Франц Шуберт играл на этом органе и даже сочинил для него в 1828 году фугу в четыре руки. В числе тех, кто играл на этом органе, следует упомянуть также Антона Брукнера.

До 1950 года орган стоял на возвышении, которое соорудили в эпоху барокко на романском нефе перед западным фасадом. Это возвышение сильно портило вид средневекового нефа. После сноса возвышения орган находил достойное место в северном поперечном нефе, и хотя он значительно скрыт от взглядов, его звучанием можно наслаждаться в любое время.

11. Помещение для хора (Das Chorgestühl).

Помещение для хора служат торжественной молитве хора монахов. Здесь они собираются семь раз в день, чтобы воздать хвалу Богу исполнением псалмов и пением Грегорианского хорала. Художественное оформление соответствует высокому значению хоровой молитвы. Помещение было выполнено скульптором Джованни Джулиани из Венеции († 1744). Каждый монах стоит в так называемом «стойле», каждое из которых украшена изображениями событий из жизни Иисуса; сверху них можно увидеть маленькие фигурки ангелочков и бюсты святых. В богословии есть постулат о том, что в молитве монашеского хора на земле принимает участие небесная Церковь, что ангелы и святые подпевают и музицируют вместе с монахами. В литургии хоровые молитвословия являются важнейшей частью монашеского делания, так как они восхваляют Господа от имени всех людей. Следует обратить внимание на то, что монастырская церковь только тогда является архитектурно гармоничной, когда в ней звенят многовековые мелодии Грегорианского хорала.

12. Романский неф (Das romanische Langhaus).

Романский неф – это старейшая часть монастырской церкви, законченная в конце XII века. В эпохе барокко он был видоизменён галереей, которая выходила на западную сторону тремя внушительных размеров окнами, сквозь которые вечером свет заходящего солнца падает как раз на молящихся монахов. Неф – это самый чистый романский стиль, который на территории Австрии

встречается очень редко. Пространство для хора в алтарной части органически встроено в вытянутое помещение.

13. *Барочный Крестный Путь (Der barocke Kreuzweg).*

Уже в 1650 году стояли на маленьком плато над улицей Gaadenerstrasse три креста в память о Голгофе в Иерусалиме. В 1670 годы несколько венских братьев соорудили здесь на этом месте, Bergl или Schneiderbergl, капеллу в честь Распятого Христа, получившую название «Горная капелла» (*Berglkapelle*). В 1671 году аббат *Клеменс Шэффер (Klemens Schäffer)* построил здесь *домик отшельника (Eremitenhäuschen)*.

При турецком вторжении в 1683 году «Горная капелла» была разрушена, но уже через два года на пожертвования венских братьев была снова отстроена. В 1728 году часовня «Kirchl auf dem Schneiderbergl» была отреставрирована монастырским плотником *Эгидиусом Бауэром (Aegidius Bauer)*. В источниках того времени упоминается также лестница на гору.

Барочный Крестный путь с тринадцатью капеллами (в том числе с так называемой Главной капеллой) был построен в 1731–1748 годах. Инициатором и заказчиком был *аббат Роберт Лееб (Robert Leeb)*, который основал это место в память о своём паломничестве на Святую Землю – будучи молодым священником, Лееб в 1719 году прошёл по настоящему Крестному пути в Иерусалиме. В 1729 году он задумал создать в Хайлигенкройце некий аналог Крестному пути Христа. Разрешение на строительство было выдано в 1731 году папой Клеменсом XII.

Сначала 14 «станций» Крестного пути были большими деревянными крестами. В том же самом 1731 году временный Крестный путь был торжественно открыт в присутствии большого количества людей. Венские пилигримы очень помогли строительству Крестного пути пожертвованиями. Архитектором был венский мастер *Франц Антон Пилграм (Franz Anton Pilgram)*, ученик знаменитого архитектора *Лукаса фон Гильдебрандта (Lukas von Hildebrandt)*.

Местный мастер-каменщик *Йозеф Фрауениух (Josef Frauenschuh)* построил Крестный путь по планам Пилграма и получил в благодарность от аббата Роберта Лееба лицензию на закупку участка под застройку рядом с тринадцатой капеллой станции. Там

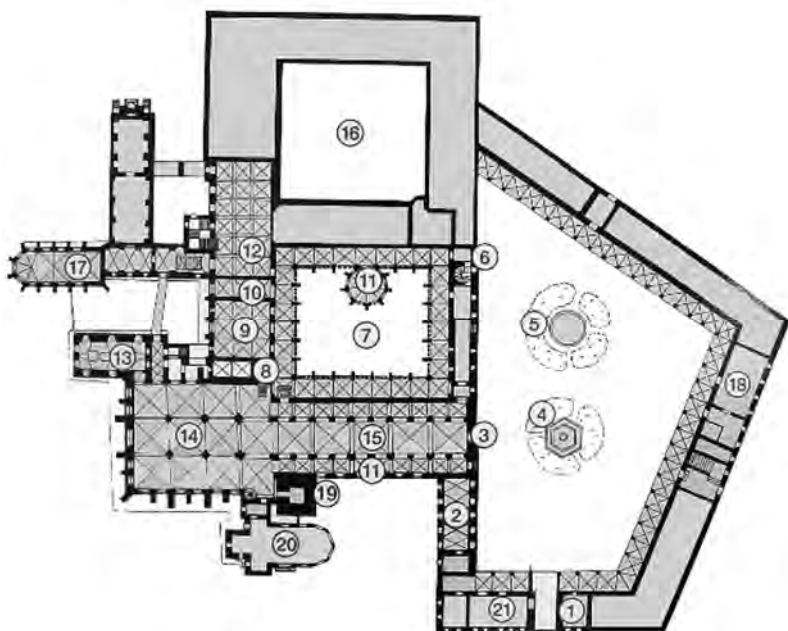
он к 1741 году выстроил себе дом (KNr. 5), который в 1957 году был снесён из-за его ветхости. Плотницкие работы проводил местный плотник *Маттиас Паумгартнер* (*Matthias Paumgartner*), работы каменотеса проводил каменотёс *Иоганн Келлер* (*Johann Keller*) и его сын *Петер* (*Peter Keller*), крестник Джованни Джулиани.

Разработка проекта принадлежала Джованни Джулиани (1664–1744). В 1731 году в его цехе началось изготовление статуй. Сам Джулиани создал статую Спасителя, которая в 1974 году была заменена на новую копию и была установлена уже не на Крестном пути, а в монастырской церкви. Деревянные рельефы в тринадцати капеллах и, вероятно, алтарь и фигуры основной капеллы, были созданы членом ордена, не являющимся духовным лицом, *Лукасом Трогером* (*Lukas Troger*), 37 фигур из песчаника – скульптором *Йозефом Шницером* (*Josef Schnitzer*). Оба были помощниками Джулиани.

Фрески на потолках в капеллах и задний план рельефов были выполнены от не являющимся духовным лицом членом ордена *Маттиасом Гуснером* (*Matthias Gusner*), учеником барочного художника *Мартино Альтомонте* (*Martino Altomonte*). Сам Джулиани не увидел окончания работ над Крестным путём – он умер в 1744 году. Надзор за дальнейшими, завершающими, работами, осуществлял ученик Джулиани Лукас Трогер. Часть статуй была создана только после смерти Джулиани.

Из-за оседания почвы две трети основной капеллы вместе с башенкой должны были быть разобраны в 1885 году под руководством архитектора *Доминика Аванцо* (*Dominik Avanzo*) и восстанавливаться в соответствии с оригиналом. Большая фреска потолков кисти Маттиаса Гуснера была переделана полностью художником *Вайгандом* (*Maler Weigand*). Основательная реставрация всего Крестного пути была произведена в 1988–1993 годах. Во время этих реставрационных работ четыре деревянные резные фигуры ниш Лукаса Трогера в основной капелле были заменены на гипсовые копии, а оригиналы были установлены в музее монастыря.

§ 4 План монастыря

1. Pforte und Information;
2. Aula – место сбора экскурсий;
3. Romanische Westfassade der Stiftskirche (1187);
4. Dreifaltigkeitssäule (1729–1739) – Колонна Святой Троицы;
5. Josefsbrunnen (1739) mit Platanen (1848);
6. Alte Klosterpforte (1730) – Eingang in den Kreuzgang;
7. Kreuzgang (1240);
8. Annakapelle (1710);
9. Kapitelsaal (1240);
10. Totenkapelle (1711);
11. Brunnenhaus (1295);
12. Mittelalterliche Fraterie (1240);
13. Sakristei (1667);
14. Hallenchor (1295);
15. Kirchenschiff (1187);
16. Konvent (1642) (жилые помещения монахов);
17. Bernardikapelle (1295) (пространство, закрытое для туристов);

18. Kaisersaal – Festsaal (1691);
19. Kirchturm (1674);
20. Kreuzkirche (1982) – Heiligtum der Kreuzreliquie;
21. Klosterladen.

Адрес Хайлигенкройца в интернете: URL: <http://www.stift-heiligenkreuz.at/>; E-mail: information@stift-heiligenkreuz.at

При монастыре работает шикарный ресторан *Klostergasthof Heiligenkreuz* (работает ежедневно с 9.00 до 22.00 без выходных; горячая кухня – весь день). Адрес в интернете: URL: <http://www.klostergasthof.stift-heiligenkreuz.org>, E-mail: klostergasthof@stift-heiligenkreuz.at

ЗИГЕНФЕЛЬД (SIEGENFELD)

Зигенфельд старше аббатства Хайлигенкройц – его история восходит к 1040 году.

После передачи им герцогом Хайнрихом II «Язомирготтом» (*Herzog Heinrich II «Jasomirgott»*) цистерцианцы основали здесь монастырское имение. **Церковь** в центре Зигенфельда была построена прихожанами в 1414 году и освящена в честь **Святого Ульриха Аугсбургского (Hl. Ulrich von Augsburg)**.

В центре Зигенфельда находится гостиница **Gasthaus Skilitz** (Badenerstrasse 2) с рестораном, находящаяся под защитой государства как памятник архитектуры. В 1930-х годах это здание приобрёл *Мартин Шпёрк (Martin Spörk)*, и до 1938 года до 1938 оно служило местом сбора нелегального национал-социалистского движения. После прихода к власти национал-социалистов 12 марта 1938 года Шпёрк был назначен бургомистром.

Адрес Gasthaus Skilitz в интернете: URL: <http://www.skilitz.at/>; E-mail: skilitz@skilitz.at.

В 1886 году по инициативе местных жителей и их силами здесь была выстроена **начальная школа (Volksschule)**, а к 1891 году относится основание местной **пожарной части (Freiwillige Feuerwehr Siegenfeld)**.

В былые времена усопших жителей Зигенфельда отвозили хоронить в Хайлигенкройц. В 1871 году в Зигенфельде была построена **капелла**, называемая **Verabschiedungskapelle («Капелла для проводов»)**, в стиле позднего барокко, и покойных стали хоронить здесь. В капелле можно полюбоваться скульптурами Святого Бенедикта и Святого Андреаса.

Недалеко от Зигенфельда на границе с округом Хайлигенкройц в XVI веке был выстроен столб под названием **«Белый крест» (Weisse Kreuz)**. Именно здесь, мимо этого места, в былые времена пролегла важная проезжая дорога между Хайлигенкройцем и Зигенфельдом. В 1136 году поблизости от этого места располагался населённый пункт *Muchersdorf*, который в результате раскопок смогли найти только в 1991 году.

Буквально в двух шагах от Зигенфельда располагается **Розенталь (Rosental)**. Когда в 1166 году *герцог Хайнрих II «Язомирготт» (Herzog Heinrich II «Jasomirgott»)* поселился в Зигенфельде, Розенталь к этому времени уже существовал. Под названием «Розенталь» это место, окружённое лесами с известными ныне источниками, впервые упомянуто в документах под 1368 годом. Название это не имеет никакого отношения к розам (*Rose*): оно произошло либо от слова *Rasental* (= *Wiesental* – «луговая долина»), либо от слова *Rosstal* («конская долина») – когда-то это место использовалось в качестве пастбища для лошадей.

Вокруг Зигенфельда и Хайлигенкройца раскинулись красивые луга. Это последние **сырые луга** в регионе. Благодаря тому, что в окрестностях много родников, болот и заводей, здесь водятся животные, любящие влагу, такие, как огненные саламандры и ужи.

ХИНТЕРБРЮЛЬ (HINTERBRÜHL)

Герб Хинтербрюля

Хинтербрюль относится к району Мёдлинг (Mödling). Это место было обжитым уже 6 000 лет назад. Первым жителем Хинтербрюля был, как свидетельствуют хроники, *Жерунгю де Прюль* (*Gerungus de Prule*). Как и соседние области, Хинтербрюль сильно пострадал во время турецких осад 1529 и 1683 годов. Так как большинство населения было убито, область населялась поселенцами, которые двигались на север из Штирии после второй турецкой осады 1683 года. В 1883 году первый электрический трамвай в континентальной Европе, связал Хинтербрюль с железнодорожной станцией Мёдлинг. 31 марта 1932 года это он был закрыт. Сегодня только **Дорожная площадь (Bahnhofplatz)** напоминает об этом историческом достижении.

В Хинтербрюле скончался австрийский художник **Фердинанд Георг Вальдмюллер** (1793–1865).

Адрес Хинтербрюля в интернете: URL: <http://www.hinterbruehl.com/>; E-mail: gemeinde@hinterbruehl.com

Одной из главных достопримечательностей города является **Римско-Католическая кафедральная церковь (Römerische Kathedrale Pfarre Hinterbrühl)**.

Römerische Kathedrale Pfarre Hinterbrühl.

Службы: по воскресеньям и в дни церковных праздников в 8-00 и в 9–30 соответственно.

Kanzleistunden: понедельник, среда, четверг и пятница, 10-00 – 12-00; в четверг также 17-00 – 19-00.

Адрес: Hauptstrasse 68, 2371 Hinterbrühl; Телефон: +43(0)2236 / 263 41; Факс: +43(0)2236/263 41–4. Адрес в интернете: URL: <http://www.pfarre-hinterbruehl.at/>; E-mail: pfarramt.hinterbruehl@aon.at

Наибольшую известность Хинтербрюлю принесло **подземное озеро Европы (Seegrotte)**. Оно появилось в результате катастрофы, произошедшей в 1912 году, когда в результате взрыва в шахте по разработке месторождений гипса в штольни и туннели хлынуло более 20 миллионов литров воды. Таким образом образовалось озеро, которое на настоящий момент является самым большим подземным озером во всей Европе.

Долгие годы шахта, прекратившая свою работу после затопления, оставалась закрытой. В 30-х годах группа спелеологов, состоящей из представителей самых разных стран, обнаружила это подземное озеро, затем им заинтересовались специалисты и сделали подземелье открытым для посещений и экскурсий. И с тех пор шахта «Зеегротте» стала для туристов одной из главных достопримечательностей Европы. С момента открытия здесь побывали более 10 миллионов посетителей со всего мира.

Во время Второй Мировой Войны, а точнее – с 4 августа 1943 года и до конца войны, шахта использовалась концлагерем Маутхаузен (Mauthausen). Так как подземелье гарантировало защиту от бомбардировок, государственное предприятие «Хайнкель» («Heinkel») производило здесь самолёты. На этом производстве работали 2 тысячи человек. Именно здесь в 1945 году (с конца осени по весну) был построен первый в мире реактивный истребитель-перехватчик *HE-162* (макет и отдельные его фрагменты ныне выставлены в подземных помещениях шахты). Эти самолёты, известные под названием «Народный борец» (Volksjager), были лёгкими, дешёвыми и быстрыми, причём в случае необходимости от них очень легко можно было избавиться.

В последние дни войны в 1945 году заключённые других лагерей сделали марш длиной в 200 километров в Маутхаузен, в Хинтербрюль. Ни один из них не выжил. Чуть позже все они (51 человек) были убиты ССовцами перед маршем (отравлены газопылевыми инъекциями или задушены). В 1988 году в шахте был установлен памятник в память об этой трагедии.

В 1945 году на шахту было сброшено 7 бомб, разрушивших её.

Через три года после войны шахта была отреставрирована и вновь открыта для посетителей. Экскурсии проводятся на нескольких языках ежедневно в течение всего года и включают в себя прогулку по озеру на моторной лодке.

Seegrotte.

Время открытия: с 1 апреля по 31 октября – ежедневно с 9-00 до 17-00; с 1 ноября по 31 марта в будние дни с 9-00 до 12-00 и с 13-00 до 15-00, в выходные и праздничные дни с 9-00 до 15-30.

Адрес Подземного озера в интернете: URL: <http://www.seegrotte.com/>; E-mail: office@seegrotte.at

Рядом с «Зеегротте» располагается кафе «Café zur Seegrotte» (URL: <http://www.cafeseegrotte.at/>). Следует обратить внимание, что главные блюда подаются здесь только до 15-00.

В Хинтербрюле есть гостиница, названная именем Бетховена, – *Hotel Beethoven* (URL: <http://www.beethoven-hotel.at/>; E-mail: info@beethoven-hotel.at). Гостиница находится в переулке Бетховена (*Beethovenengasse*) напротив парка Бетховена (*Beethovenpark*). При гостинице есть кафе-ресторан «Фиделио» («*Fidelio*»).

МЁДЛИНГ (MÖDLING)

Герб Мёдлинга

Мёдлинг (Mödling) – столица одноименного района, расположенного приблизительно в 14 километров к югу от Вены.

История города восходит к временам неолита. Первые следы культурной деятельности человека были найдены на *горе Календерберг (Kalenderberg)*; кроме того, римские монеты и могилы были обнаружены возле нынешней железнодорожной станции.

В эпоху Средневековья город был местом жительства ветви семьи Бабенберг (Babenberg), в результате которой это получило прозвище *Babenbergerstadt* – то есть «город Бабенберга». В течение столетий название города неоднократно менялось: *Medilihha*, *Medelikch*, *Medling* и, наконец, *Mödling*. Все эти названия восходят к древнеславянским словам со значением «медленная проточная вода». Сегодня это красивейший старый город с пешеходной зоной.

Мёдлиг находится в индустриальной зоне Нижней Австрии. *Mödlingbach*, ручей, который протекает через Венский лес (*Wienerwald*), протекает и через этот город. Около Ахау (*Achau*) он впадает в Швехат (*Schwechat*). Лесистая местность занимает большую часть района; недалеко от Мёдлинга находятся *Föhrenberge* («Сосновые Горы»).

Расположенный совсем близко от Вены и в пределах границ района, Мёдлиг – один из больших торговых центров в Европе.

После победы Шарлеманя в 803 году нашей эры над аvaraми, люди, приезжающие с Востока, являлись в основном выходцами из сегодняшней Баварии.

Приблизительно 500 могил аваров были найдены в области «*Goldenen Stiege*» (недалеко от сегодняшнего старого города).

На первом древнем документе, в котором упоминается «*Medilihha Ultra Montem Commigenium*», стоит дата 8 сентября 903 года, когда два епископа тогдашней Римско-католической церкви занимались разделом земель.

После этого в течение некоторого времени Мёдлиг был местом проживания правящей семьи Бабенберг. После разрушения их замка в 1177 году нашей эры *Генри Старший*, сын *Генри II Язомирготта*, стал владельцем в области от *Лизинга* (*Liesing*) до *Пустинга* (*Piesting*) и *Брука* (*Bruck*). Об этом можно прочесть в старых документах, сохранившихся в монастыре *Heiligenkreuz*. Во времена правления *Генри* в Мёдлинге процветали искусства и культура; известный миннезингер *Вальтер фон дер Фогельвайде* (*Walther von der Vogelweide*) неоднократно остался там. **Склеп (Karner)** был построен в XII столетии, церковь **Spitalkirche** и сегодняшняя **церковь Святого Отмара (St.-Othmar)** – в XV столетии.

Уже в те дни жители Мёдлинга занимались виноградарством. Герцог **Альбрехт II** в 1343 году предоставил им права на торговлю.

В 1529 и 1683 годах Мёдлинг подвергся опустошительным нападениям турок. В 1679 году была эпидемия чумы; позже она повторилась, правда, свирепствовала менее сильно. Оставшиеся в живых жители Мёдлинга построили **колонну Святой Троицы (Dreifaltigkeits- или Pestsäule)** на **Площади свободы – Фрайхайдсплатц (Freiheitsplatz)**.

18 ноября 1875 года Мёдлинг получил статус города.

С 1883 до 1932 года Мёдлинг был отправной точкой первого в Австрии трамвая, соединившего Мёдлинг и *Хинтербрюль*.

Мёдлинг соединён с Хинтербрюлем дорогой, проходящей через деревню **Фордербрюль (Vorderbrühl)**.

Представляет исторический интерес не только первый электрический трамвай от Мёдлинга до Хинтербрюля, но также и трамвай № 360, который шёл от Мёдлинга через *Мария Энцерсдорф (Maria Enzersdorf)*, *Брунн (Горы) (Brunn – Gebirge)* и *Перхтольдсдорф (Perchtoldsdorf)* к Вене (*Wien/Rodaun*).

В 1938 году после Аншлюса с Германией Мёдлинг был включён в недавно сформированный 24-ый район Вены. В 1954 году он снова стал частью Нижней Австрии.

С Веной Мёдлинг соединён автобусным и железнодорожным сообщением.

В области Мёдлинг в Венском Лесу существует множество старых замков (**Burg**). **Замок Лихтенштейн (Burg Liechtenstein)** является самым известным и самым большим замком. Он принадлежал богатой семье, которая позже основала страну того же самого названия. **Руины замка Мёдлинг (Burgruine Mödling)** также находится недалеко от города и является одной из самых старых руин в области. Строительство замка относится к XI столетию. Кроме того, в окрестностях Мёдлинга располагается **Чёрная Башня (Шварцер Турм – Schwarzer Turm)**, которая обрещена к центру города Мёдлинг от *горы Календерберг (Kalenderberg)*. Она была построена более 200 лет назад; до сих пор она закрыта для посещения. Между Чёрной Башней и Замок Лих-

тенштейн существует 200-летний амфитеатр, почти похороненным в лесах. Он был построен в тот же самый период времени, что и Чёрная Башня, и служил важным культурным центром Мёдлинга. Ещё один памятник старины – так называемый «Гусарский памятник» (**Husarentempel**) на вершине «**Kleine Anniger**».

Burg Liechtenstein. Открыт с апреля по октябрь, ежедневно с 9.30 до 17.00. Здесь можно ознакомиться с выставками «Музей винодельчества» (*Weinbaumuseum*) и «История замка Лихтенштейн» (*Geschichte der Burg Liechtenstein*).

Прямо при въезде в Мёдлинг, в устье узкой долины *Клаузен* (*Klausen*), находится красно-кирпичный **акведук**, построенный в то время, когда сооружался первый водопровод (*Erste Wiener Hochquellenwasserleitung*.) На крутой, скалистой стороне долины существует *природный сосновый парк* – *Naturpark Föhrenberge*, где растут типичные «Винервальские чёрные сосны» – *Wienerwald-Schwarzföhren* (австрийская форма европейской чёрной сосны, *Pinus sylvestris*). Гора Айхкогель (*Eichkogel*) не отличается разнообразием растительности; там растут такие представители местной флоры, как «Knollen-Brandkraut» (*Phlomis tuberosa*). На скалах долины Клаузен (*Klausen*) также можно найти местные растения, например, «мёдлинская перистая гвоздика» (*Mödlinger Federnelke*, *Dianthus plumarius* subsp. *neilreichii*), найденная в середине XIX столетия ботаником Августом Найлрайхом (*August Neilreich*), или «немецкий язь» (*Deutsche Alant*, *Inula germanica*).

Хорошо сохранный и оживлённый **Старый Город** защищён Гаагским соглашением. **Ратуша (Rathaus)** держит бюро записи актов гражданского состояния. Из-за прекрасной окружающей среды много пар хотели здесь жениться. Площадь **Schran-nenplatz** и улица **Kaiserin-Elisabeth-Strasse** в 1976 году стали одной из первых пешеходных зон, вскоре после того, как наиболее старые городские улицы (*Bundesstrasse*) были объявлен пешеходной зоной.

Музеи Мёдлинга:

- Museum Mödling;
- Volkkundemuseum;
- Stadtverkehrsmuseum;
- Essinger-Haus (где известный живописец часто останавливался);
- Beethoven-Gedenkstätte;
- Schönberg-Haus;
- Puppen- und Spielzeugmuseum (Grenzgasse 6; телефон 0043 / 2236 / 476 23; посещения проводятся круглый год по предварительному согласованию).

Театры Мёдлинга:

- Stadttheater – Городской театр;
- Bühne Mayer;
- Mödliner Puppenkiste (MÖP);
- Театр в бункере (Theater im Bunker) (во время былых воздушных налётов был спрятан в Фордебрюле – Vorderbrühl);
- Komödienspiele (летом представления идут в Stadttheater).

Школы Мёдлинга:

- Bundesgymnasium und Bundesrealgymnasium Franz-Keim-Gasse;
- Bundesgymnasium und wirtschaftskundliches Bundesrealgymnasium Untere Bachgasse;
- Höhere Technische Bundeslehr- und Versuchsanstalt;
- Vienna Business School Mödling, Handelsakademie der Wiener Kaufmannschaft;
- Höhere Lehranstalt für Mode & Bekleidungstechnik oder Produktmanagement & Präsentation
- Beethoven Musikschule;
- Chorschule der Sängerknaben vom Wienerwald
- Volkshochschule;
- Polytechnische Schule.

Институты Мёдлинга:

- Bezirkshauptmannschaft;
- Finanzamt;
- Bezirksgericht;
- Veterenärmedizinisches Institut, имеющий репутацию далеко за пределами округа Мёдлинг.

Известные жители Мёдлинга:

- Блаженная Мария Реститута (Blessed Maria Restituta), монахиня и медсестра;
- Йозеф Шёффель (Josef Schöffel), майор, «спаситель Венского леса» («Retter des Wienerwaldes»);
- Паул Харатер (Paul Harather), директор, продюсер, автор сценариев;
- Арнольд Яанссен (Arnold Janssen);
- Майкл Юрса (Michael Jursa), учитель и учёный-ориенталист;
- Альфред Малета (Alfred Maleta), политический деятель, президент австрийского парламента (Палата общин);
- Альберт Драч (Albert Drach), поэт;
- Роберт Эдер (Robert Eder), краевед, орнитолог;
- Германн Ульрих (Hermann Ullrich), композитор и музыкальный критик;
- Антон Вильдганс (Anton Wildgans), поэт (1881–1932), который является уроженцем Мёдлинга;
- Гельмут Продинггер (Helmut Prodinger), математик;
- Ян Ромер (Jan Romer), учившийся здесь;
- Арнольд Шёнберг (Arnold Schönberg), композитор, живший здесь;
- Людвиг ван Бетовен (Ludwig van Beethoven), композитор, живший здесь в последние годы.

Акведук при въезде в Мёдлинг показан в одной из серий австрийского детективного сериала **«Комиссар Рекс» («Komissar Rex»)**, одним из «героев» которого является Вена. Это серия 98 под названием «Когда дети хотят умереть» («Wenn Kinder sterben wollen») с Александром Пшиллем (Alexander Pschill) в главной роли.

ГААДЕН (GAADEN)

Гааден расположен в широкой, светлой долине, в *Гааденском бассейне (Gadner Becken)*.

Первые следы человеческой жизни в этом краю относятся к железному веку.

В 1130 году *рыцарь Ульрих фон Штиферн (Ritter Ulrich von Stiefern)* отказался от своих прежних владений и начал отдавать своё имущество церкви Гаадена. Он начал также сооружать здесь жилую башню, «Gadem», которая, судя по всему, и дала название этому месту.

Немецкое слово *Gadem* имеет три основных значения:

- 1) однокомнатный домик;
- 2) комната; каморка;
- 3) этаж.

Кроме того, рыцарь начал называть себя соответственно: *Ульрих фон Гааден (Ulrich von Gaaden)*. Назначенный герцогами Бабенбергами главным лесничим Бабенбергского Венского леса, он выстроил замок Обергааден (*Obergaaden*) и сделал его одним из важнейших центров освоения края. Части средневекового замка хранятся ныне в так называемом «*насторском дворе*» (**Pfarrhof**) Гаадена. Второй построенный им замок Нидергааден (*Niedergaaden*) был разрушен в XVI веке.

Род владельцев Гаадена вымер, видимо, в конце XIII века. Хозяевами места становились различные дворянские семьи; в 1579 году монастырю Хпйлигенкройц удалось приобрести деревни Верхнего и Нижнего Гаадена. В общей сложности эти деревни включали в себя 50 домов. Замок **Обергааден (Obergaaden)** и **церковь Святого Якова (Kirche St. Jakob)** были перестроены в стиле эпохи Возрождения (*Renaissance-Stil*). Духовную помощь жителям Гаадена Хайлигенкройц оказывает до сегодняшнего дня.

В результате турецкого нашествия в 1683 году Гааден понёс колоссальные потери – из 300 жителей в живых осталось только 40. В это же время император Леопольд I часто ездил в Гааден на

охоту и останавливался в замке около церкви – ныне там располагается упомянутый Pfarrhof.

Время расцвета Гаадена относится к началу XVIII века. В тот период здесь работал *Джованни Джулиани (Giovanni Giuliani)*, который произвёл барочную реконструкцию кафедральной церкви и создал там алтарь. Все эти святыни – ещё одно напоминание, что Гааден является важнейшим пунктом паломнической **дороги Виа Закра (Via Sacra)**, ведущей в **Мариацелль (Mariazell)**.

В XIX веке была открыта особая красота Венского леса. Сюда стали съезжаться художники, музыканты, поэты для занятий творчеством. Прежде всего надо назвать художника **Фердинанда Вальдмюллера (Ferdinand Waldmüller)** и поэта **Фердинанда Раймунда (Ferdinand Raimund)**. Раймунд писал здесь в 1833 году и увековечил гааденский тип, по-немецки называемый словом «*Kraxenweiberl*». Этот тип является символом целого слоя людей, которые жили здесь столетиями и тяжёлым трудом добывали известь и древесину. Однако именно в середине XIX века началось стремительное изменение жизни. После учреждения Венской окружной дороги Гааден пережил экономический и общественный взлёт – ведь именно известь и древесина были очень востребованы. В 1850 году Гааден получает статус свободной общины.

В период 1938 по 1954 год Гааден сходил в состав округа «Большая Вена» (Gemeinde Gross-Wien).

В последнее время появляются люди, желающие, как когда-то Ульрих фон Гааден, выбрать местом своего проживания именно это красивейший уголок Венского леса.

Адрес Гаадена в интернете: ULR: <http://www.gaaden.at/>

БАД ФЁСЛАУ (BAD VÖSLAU)

Бад Фёслау, так же, как и Баден, является важным термальным курортом Австрии. В городе есть обширные **купальни (Thermalbad)**, по своим размерам и современному оснащению не уступающие купальням Бадена.

Thermalbad in Bad Vöslau. Адрес в интернете: URL: <http://www.thermalbad-voeslau.at/>, E-mail: office@thermalbad-voeslau.at

В старом здании замка (**Schloss**) ныне располагается **ратуша (Rathaus)**. Здание ратуши включает в себя так называемую **Башню смоляной горы (Harzbergturm)** высотой 487 метров – это сторожевая вышка, сооружённая в честь юбилея – 50-летия правления императора Франца Иосифа (в 1898 году). Поэтому другое название башни – **Юбилейная сторожевая башня императора Франца Иосифа (Kaiser Franz Josefs-Jubliäumswarte)**. С её высоты открывается прекрасный вид на окрестности Вены и на горы (Leithagebirge, Schneeberg). По вечерам башня освещается красным светом, что делает её заметной издалека. В ратуше находится также ресторан «**Schutzhaus**». С 26 октября 2008 года им управляли новые арендаторы Маргарете и Вольфганг Дуст (Margarete und Wolfgang Dunst). Ресторан дополнен новой террасой под открытым небом и зимним садом. В старой комнате, называемой «*guter Stube*», в холодную погоду горит камин; в недавно созданной «башенной комнате» (*Turm-Zimmer*) с видом на реставрированную Kaiser Franz Josefs-Jubliäumswarte организуются также и большие торжества. Ресторан открыт ежедневно, кроме вторника, с 9.00.

За ратушей располагается «**Замковый парк**» (**Schlosspark**). Недалеко от здания ратуши возле маленького пруда стоит **статуя Святого Иоганна Непомука (Hl. Johannes Nepomuk)**. Принял мученическую смерть на территории современной Молдавии в 1393 году); почитается как святой покровитель воды. У ног святого наряду с беретом изображены две ангельские головы. В восточной части парка рядом с круглой клумбой расположены четыре вазы, созданные Антоном Цаунером (Anton Zauner) (1746–1822). Эти вазы называются по имени их создателя – «**вазы Цаунера**» (**Zauner Vasen**). Разрушенные после 1945 года, вазы с большим трудом удалось отреставрировать при участии Федерального ведомства по охране памятников (Bundesdenkmalamt). Изображённые на вазах самые значительные реки символизируют четыре части света (в XVIII веке Австралия не рассматривалась

в качестве отдельного континента): Нил – Африка: сфинкс, три женщины с фруктовыми корзинками, слоновый бивень, лев, пирамида, пальмы; Миссисипи – Америка: крокодил, женщина с плодами; Дунай – Европа: лемех, лошадь, женщина с рогом, связка прутьев (в античном Риме это был символ административной власти; позже партия Муссолини использовала его как официальный символ власти); Ганг – Азия: женщины с ладаном и бакалеями, погонщик верблюдов. В *Каптановой аллее (Kastanienallee)* располагается **Чумная капелла (Pestkapelle)**, датируемая 1713 годом. **Доска для письма (Schrifttafel)**, установленная местным жителем Августом Шайнером (August Scheiner) представляет собой алтарную роспись, созданную в память о чуме 1713 года. При выходе из парка, если идти в сторону улицы Wiener Neustädterstrasse, можно увидеть «**Купающегося коня**» (**Ross an der Schwemme**), созданного мастером *Маттиасом Хитцем (Matthias Hietz)* в память о лошадях, которые когда-то были в Фёслау в большом количестве.

К достопримечательностям Бада Фёслау относятся также **руины замка Меркенштайн (Ruine Merkenstein)**, бывшего когда-то одним из самых значительных крепостей вдоль «*термальной линии*» (*Thermenlinie*) и разрушенного в 1683 году турками, и природный парк **Schneckenreservat**. Там находится ручей Hansybach, уровень воды в котором очень легко и быстро меняется – то понижается, то повышается. Температура ручья круглый год держится на уровне 24 градусов (именно поэтому когда-то это место было излюбленным местом для стирки белья). Скорость течения относительно высока – 20 литров в секунду. Из-за этих особенностей ручей и был объявлен памятником природы. Три вида улиток живут возле этого ручья под специальной защитой – это вообще первый заповедник такого рода. Сюда съезжаются многочисленные исследователи моллюсков во всего света. Водяная улитка «*Bythinella parreissii*» (0,8 миллиметров в длину и 0,5 миллиметров в ширину) является эндемиком, то есть обитает только в этих источниках. Улитки «*Theodoxus prevostianus*» и «*Fagotia acicularis audebartii*» относятся к таким породам улиток, которые живут только в термальных водах. Ныне недалеко от центра города находится маленький **домик с информацией (Informationshäuschen)**, и на его ступенях можно повстречать и улиток.

Из достопримечательностей города следует назвать **Мемориальную доску памяти бургомистра Рудольфа Фриммеля (Gedenktafel an bgm. Rudolf Frimmel)**. Рудольф Фриммель был бургомистром Бада Фёслау в 1920–1934 и 1954–1960 годах. Он очень много сделал для того, чтобы поставить город на ноги после мировых войн, в годы его правления был открыт новый термальный источник и именно при нём город получил возможность добавить слово «Bad» в своё название. В память о его заслугах много лет назад площадь перед купальней носила его имя – *Rudolf Frimmel Platz*. Однако в нынешние времена память бургомистра увековечена только мемориальной доской.

В Баде Фёслау находятся три католические церкви и одна евангелистская.

В 1870 году город был независимым приходом, главной церковью которого была **кафедральная церковь Святого Иакова Vöslauer Pfarrkirche Hl. Jakobus**. Создание этой церкви – заслуга архитектора *Франца фон Зимме (Franz von Sitte)*. Архитектурный стиль является переходным от романского стиля к готике. На стенах нарисованы перекрёстки, принадлежащие кисти ученика *Иосифа фон Фюрихса (Josef von Führichs)*. В алтаре, расписанным самим мастером, изображена Богоматерь Мария, к её ногам склоняются Святой Иосиф и Святой Иаков, в честь которого и освящена церковь. На левой иконе изображён Святой Маврикий, на правой – Святая Флора. Графская чета *Мориц и Флора фон Фриз (Moritz (Mauritius) und Flora von Fries)* были основателями церкви; крипта под церковью является местом захоронения семьи Фриз.

Следующая католическая церковь носит название **Gainfarn**. Когда в 1312 году местечко под названием Gainfarn имело собственный независимый приход под патронатом *монастыря Мельк (Stift Melk)*, на этом месте уже стояла маленькая деревянная церковь. Позже она неоднократно перестраивалась – до тех пор, пока в 1744 году на этом месте не была построена современная барочная приходская церковь **Gainfarner Pfarrkirche**. Алтарная роспись изображает Крещение Христа. Возле алтаря возвышаются четыре деревянные скульптуры практически в натуральную величину: Святой Флориан, Святой Себастьян, Святой Донатус и Святой Леопольд. В стену зала и в землю вмурованы надгробные

плиты. Старейшая из них напоминает о госпоже *Хелен Фикин* (*Helena Ficin*) (1548).

Первое документальное упоминание о церкви **Grossauer Kirche** относится к 11 ноября 1369 года, но к тому времени она существовала уже довольно долго. До нынешнего времени она является «филиалом» церкви *Gainfarner Pfarrkirche*. Первоначально её размер соответствовал современному алтарному помещению. Но в конце XVIII и начале XX веков она расширялась и достраивалась. Церковь посвящена Святой Екатерине, изображённой и на иконе. В благодарность за то, что эта местность была пощажена эпидемией чумы в 1713 году, возле алтаря установили скульптурные изображения Святых защитников от чумы – Святого Себастьяна и святого Рохуса.

В Баде Фёслау существует также **Евангелистская церковь – Evangelische Kirche in Bad Vöslau**. Во времена Реформации учение Лютера стало распространяться и в Австрии, и в 1580 году Фёслау был включён в список 321 протестантского прихода в Нижней Австрии. После Контрреформации евангелистская община появилась в Фёслау только в 1966 году. Центр церкви – скульптура из бронзы из бронзы мастера *Маттиаса Хитца* (*Matthias Hietz*): «возрожденный благословляющий Христос».

В Баде Фёслау находится целый ряд музеев: **Городской музей (Stadtmuseum und Stadtarchiv Bad Vöslau)** в здании ратуши и **музей Морено (Moreno-Museum)**, посвящённый *Якобу Леви Морено* (*Jakob Levy Moreno*), городскому врачу.

Основатель сионизма *Натан Бирнбаум* (*Nathan Birnbaum*; 1864–1937) является уроженцем Бада Фёслау.

Stadtmuseum und Stadtarchiv Bad Vöslau. Открыт с 8 мая по 26 октября по четвергам (16.00–19.00), субботам (14.00–17.00), по воскресеньям и праздничным дням (10.00–13.00). В последний день работы, 26 октября, музей работает в часы 9.00–12.00 и 14.00–18.00.

Адрес Музея Морено в интернете: <http://www.moreno-museum.at/>

Адрес Бада Фёслау в интернете: <http://www.badvoeslau.at/>

«Родом» из Бада Фёслау **минеральная вода «Фёслауэр» («Vöslauer»)**, продающаяся по всей Австрии.

Адрес минеральной воды «Фёслауэр» в интернете: <http://www.voeslauer.com/>

В Баде Фёслау, как и в Бадене, тоже есть Курортный парк (Kurpark), не такой большой, как в Бадене, но очень красивый. Возле парка располагается большой **лечебный отель «Residenz»**, которому принадлежит также замечательная **кондитерская «Konditorei am Kurpark»** (Flirasstrasse 1–5).

Адрес сайта отеля «Residenz» и кондитерской «Konditorei am Kurpark»: <http://www.residenzbadvoeslau.at/>

Из Бада Фёслау удобно совершать пешие прогулки в *Гроссау (Grossau)* и в *Грайнфайн (Grainfain)*.

В окрестностях Бада Фёслау располагаются *Vöslauerhütte* (информацию о нём можно посмотреть на сайте <http://naturfreundeby.weebly.com/>; E-mail: wimmer.christine@hotmail.com) и *Pecherhütte*.

Зооосс (Sooss)

Sooss (Зооосс) – маленькое уютное место, известное (хотя, к сожалению, меньше, чем Гумпольдскирхен) своими виноградниками и хойригерами. Последние располагаются здесь практически в каждом доме.

Согласно историческим исследованиям, Зооосс – древнее поселение, которое, судя по всему, существовало уже во времена

римлян. Для его создания важнейшую роль сыграло положение этого места – вблизи трёх источников. Именно благодаря им город и получил своё название – его латинское наименование «*sassa as tres fontes*» и обозначает «поселение на трёх источниках», позднее, на протяжении столетий, город назывался тем именем, которым называется и ныне – Sooss.

Римский император Пробус (Probus) очень ценил целебные источники соседнего Бадена. Он понял, что местный климат весьма благоприятен для виноградарства. Примерно в 280 году нашей эры он начал способствовать развитию здесь винного дела. После распада Римской империи виноградарство не только не прекратило своё существование, но и продолжило активно развиваться. Впервые в письменных документах оно упоминается в записях, датированных 1230 годом.

Виноделие в Зооссе успешно развивается даже во времена турецких осад, Тридцатилетней войны, французских войн и обеих мировых войн. Не помешало им и нашествие саранчи эпохи Средневековья.

1880–1890 годы были очень трудными для виноградарства в Зооссе – все виноградники были буквально разрушены виноградной филлоксерой. До сих пор все методы борьбы с ней остаются малорезультативными. В настоящий момент бороться с филлоксерой помогают особые американские подставки для виноградных лоз.

Адреса Зоосса в интернете: URL: <http://www.sooss.at/>, <http://www.sooss.gv.at/>; E-mail: weinort.sooss@aon.at

Важнейшей достопримечательностью городка является располагающаяся в северной части городка **приходская церковь святой Анны** (*Pfarrkirche der heiligen Anna*), выстроенная в XIV веке в стиле ранней готики. В более поздние времена она была переделана, её облику были преданы барочные элементы. В восточной части церкви стоят трёхъярусная башня и оборонительная стена. Стена была сооружена предположительно на остатках римской наблюдательной вышки и позднее послужила основанием для возведения церкви. Церковные хоры располагаются в башне.

Между церковью и оборонительной стеной располагается кладбище. Здесь можно увидеть крест колокольного *мастера Андреаса Кляйна (Andreas Klein)*, который был благотворителем церкви и умер здесь в 1786 году.

Около этого кладбища существует ещё одно – так называемое **«Холерное кладбище» (Cholerafriedhof)**. На нём покоятся жители Зоосса, умершие от холеры в 1831 году. Здесь же похоронен выдающийся исследователь Африки профессор *Оскар Ленц (Oskar Lenz)*.

До 1783 года приход Зоосса принадлежал Бадену, а в 1783 году получил самостоятельность.

В числе уютнейших хойригеров Зоосса можно назвать **Weingut Drimmel** (Hauptstrasse 41; URL: <http://www.weingut-drimmel.at/>, E-mail: weingut-drimmel@gmx.at, contact@weingut-drimmel.at) и **Weingut Franz und Christoph Grabner (Weingut Grabner Zur Schwarzen Säule)** (Hauptstrasse 43; URL: <http://www.weingutgrabner.at/>, E-mail: weingut-grabner@aon.at)

В хойригерах в Зооссе в числе других вкуснейших блюд можно отведать виноградный сок.

Между Зооссом и Бадом Фёслау располагается башня **Лаястурм – Lausturm** (дословно – «Вшивая башня»), построенная в 1892 году владельцем виноградника *Робертом Шлумбергером (Robert Schlumberger)* в честь 70-летия его супруги *Софии (Sophie)*. Кроме того, эта башня – своеобразный знак благодарности за избавление от виноградной филлоксеры. Местное предание гласит, что именно в этом месте эта напасть была заперта в винную бочку.

В окрестностях Зоосса происходит часть действия одной из серий австрийского детективного сериала **«Комиссар Рекс» («Komissar Rex»)**, одним из «героев» которого является Вена. Это серия 50 (часть 2) под названием «Новенький» («Der Neue») с Гедеоном Буркхардом (Gedeon Burkhard) в главной роли, в которой показаны пейзажи под Зооссом и, в частности, Lausturm.

ГУМПОЛЬДСКИРХЕН (GUMPOLDSKIRCHEN)

§ 1 Краткая история

Начало освоения этой области началось ещё в Каменном веке примерно 6500 лет назад. Намного позже, когда сюда пришли римляне, они обнаружили, что здесь уже существует город и важная транспортная дорога, проходящая через него. Уже с доисторических времён здесь выращивали вино на склонах **горы Айхкогель (Eichkogel)**. В XIV столетии в Гумпольдскирхене уже были суд и рынок. Позднее он, как так многие соседние области, был дважды опустошён во время турецких осад (1529 и 1683 года).

К концу XVIII столетия в Гумпольдскирхене начала активно развиваться промышленность. Это развитие и очень помогло быстрой индустриализации Австро-Венгерской Империи.

После Аншлюса 1938 года Гумпольдскирхен стал частью Великой Вены, которую создали нацисты. К концу Второй мировой войны область вокруг городка стала областью интенсивного сражения между советскими войсками и 6-ой Бронетанковой армией SS.

В 1985 году Гумпольдскирхен оказался замешанным в винном скандале, когда много производителей вина были уличены в добавлении в вино гликоля и других законных (и потенциально вредных) компонентов. Скандал нанёс значительный ущерб австрийской винной промышленности.

§ 2 Достопримечательности Гумпольдскирхена

1. Бергерхаус – «Горный дом» (Bergerhaus) (XVI век).

Расположенный в сердце исторического центра Гумпольдскирхена – на площади *Шранненплатц (Schrannenplatz)*, – Bergerhaus стал известен как излюбленное место встречи художников и любителей искусства. В бывших жилых помещениях дома, основанного в XVI столетии, с марта по октябрь проводятся интересные выставки – краеведческие, художественные ремесленные, художественные. Вход бесплатный.

2. *Нижнеавстрийская промышленная улица (Die Niederösterreichische Industriestrasse).*

На Нижнеавстрийской промышленной улице располагаются знаменательные памятники австрийской промышленности, экономики, социальной истории и истории культуры – это предприятия, которые существуют с XIX столетия в речных руслах *Triesting, Piesting, Schwarza* и *Fischa*. Кроме памятников металлургической и текстильной отраслей существуют также предприятия по добыче древесного и минерального угля, производству извести и кирпичей. Разнообразные экспонаты можно осмотреть на пяти различных путях. В Гумпольдскирхене можно также осмотреть печи для обжига известняка бывшей каменоломни.

3. *Винодельня Таллерн (Freigut Thallern).*

Немецкое слово *Freigut* обозначает товар, не подлежащий налогообложению.

Винодельня *аббатства Святого Креста, или Хайлигенкройца (Das Heiligenkreuzer Klosterweingut)* является одним из старейших виноделен Австрии; она с 1141 года во владении монахов Хайлигенкройца. Климатически благоприятно расположенный термальный регион (Thermenregion) на юге Вены – это идеальное место на особенных землях вокруг Таллерна (Thallern) для выращивания винограда для вин высшего класса. Таким образом, винодельня Хайлигенкройца уже столетия печётся о том, чтобы будить интерес людей к благородному вину и радовать их сердца.

Freigut Thallern. Телефон: 0 22 36/53 47 70; Адрес в интернете: <http://www.kostergasthaus-thallern.at>; E-mail: office@klostergasthaus-thallern.at

4. *Кальвариенберг (Kalvarienberg).*

Кальвариенберг (название этой горы обозначает «Голгофа») была сооружена в XIX веке бюргерами Гумпольдскирхена после

того, как место в эпидемию холеры в 1856 году осталось незатронутым. После недавно произошедших ремонтных работ Кальвариенберг представляет собой популярное во время постов место паломничества для паломников из самых разных областей. С разных мест горы прекрасный вид на место и близлежащие винные горы.

5. *Улица Кирхенгассе с домами эпохи Возрождения (Kirchengasse mit Renaissance-Höfen).*

Кирхенгассе («Церковный переулок», Kirchengasse) с дворами эпохи Возрождения ведёт от ратуши к кафедральной церкви Святого Михаила и представляет собой украшение Гумпольдскирхена. Сегодня дома эпохи Возрождения, возведённые преимущественно XVI и XVII веках, находятся в частном владении. Рестораны и хойригеры приглашают отведать всемирно известные гумпольдскирхенские вина.

6. *Старый дом с рестораном «У чёрного орла» (Kulturhaus «Zum Schwarzen Adler»).*

Вероятно, это самый старый дом в Австрии, являющийся культурным достоянием. Находится под охраной государства. Архитектура его относится к позднему средневековью. В гостевых кабинетах Вас ожидают кулинарные наслаждения. После нового открытия ресторана *Куртом Н. Кикингером (Kurt N. Kickinger)* в конце 2008 года в богатом историческими традициями доме появились и нововведения – теперь здесь можно отведать не только традиционную местную, но и средиземноморскую кухню, так, теперь предлагаются итальянские вина наряду с местными, гумпольдскирхенскими.

7. *«Подвал Люгера» (Lügerkeller).*

«Подвал Люгера» (Lügerkeller) был основан в 1905 году при бургомистре докторе Карле Люгере города Вены как своего рода «филиал» подвала *Венской ратуши (Wiener Rathauskeller)* (в музее находится памятная доска из красного мрамора). В нём должны были предлагаться жителям и посетителям столицы империи лучшие вина Австро-Венгрии. Заведение было настолько просто, что в нём мог бы поместиться весь годовой урожай винограда Гумпольдскирхена. Здесь находится также музей виноградарства.

Lügerkeller. Контакт: Weingut Spätrot. Jubiläumsstrasse 43. A-2352 Gumpoldskirchen, Österreich Tel. +43 2252 611 64. Fax +43 2252 621 29. Необходима предварительная заявка.

8. Кафедральная церковь Святого Михаила (Pfarrkirche St. Michael).

Кафедральная церковь Св. Михаила представляет распространённый тип готической церкви с тремя высокими нефами. Под хорами располагается маленькая крипта, в которую несколько лет назад был восстановлён доступ. Время строительства церкви нельзя точно установить из-за отсутствия источников. Стилистические признаки указывают на то, что строительство было завершено около 1400 года. Канава перед церковью, по которой течёт вода из источника *Рудольфа (Rudolfquelle)* вдоль церковных стен, относится, вероятно, к самым ранним временам существования города.

9. Ратуша с позорным столбом (Rathaus mit Pranger) и фонтаны на рыночной площади (Marktbrunnen).

Ратуша (Rathaus). Ратуша, строительство которой было завершено ещё в 1559 году, до сих пор находится в центре общественной жизни. Могущественная башня, которая должна восприниматься как контраст с колокольной, и ряд аркад на восточной и южной сторонах, выполненные в духе эпохи Возрождения, делают ратушу вторым символом Гумпольдскирхена. Изображение ратуши можно найти на бесчисленных винных ярлыках, и благодаря этому её знают практически во всём мире.

Позорный столб (Pranger). Возле юго-восточного угла ратуши стоит позорный столб высотой 5 метров, один из самых внушительных, богатых историей памятников Нижней Австрии. Он был установлен в 1563 году (именно такая дата высечена на столбе) как наследник существовавшего здесь ранее, существенно более простого позорного столба.

Фонтаны на рыночной площади (Marktbrunnen). Установленный в эпоху Средневековья на рыночной площади жёлоб для фонтанов сегодня располагается недалеко от *Баденской улицы (Badener Strasse)*, ранее же располагался в середине *площади Шранненплац (Schrankenplatz)* рядом с тогда ещё открыто текущим рыночным ручьём.

10. Замок немецкого ордена (*Schloss des Deutschen Ordens*).

Замок вместе с кафедральной церковью составляет религиозный центр Гумпольдскирхена. Комплекс располагается на месте замка и церкви (её история восходит к XI или XII веку), принадлежавших Бабенбергам. Замок до реконструкции в 1931 году имел форму квадрата с угловыми башнями и прямоугольным внутренним двором. Самые старые части здания датируются XIV или XV столетиями. Позади замка есть защитные стены с полукруглой башней. После обширных ремонтных работ в 1999 году замок служит как конвент Немецкой степени священства, провинция Австрия. Кроме того, замок находится в распоряжении как отель для семинаров и докладов.

11. «Винная пешая дорога» (*Weinwanderweg*).

«Винная пешая дорога» была открыта в 1975 году при тогдашнем старосте союза виноградарства *Отмаре Тиле* (*Otmar Thiel*). Целью этого новшества было приближение виноградарства, разнообразия сортов вина и работы в виноградниках к широким слоям населения. Сегодня винная туристская тропа стала уже очень популярной достопримечательностью. Ей интересуются туристы из самых отдалённых мест. С 2010 года винная туристская тропа получила новое оформление. Под руководством союза виноградарства с помощью профессора доктора *Йоганна Хагенауера* (*Johann Hagenauer*) обходная туристская тропа подверглась обновлению. Вдоль тропы появились отдельные доски с самыми новыми данными о вине, месте и предприятиях. С помощью фольги стало возможным художественное оформление сортов винограда. В дальнейшем все обычаи, особенности пейзажа, климата и земли будут задокументированы. Также будут задокументированы все монастыри и ордена, являющиеся виноделами, представлено так называемое «*королевское вино*» («*Königswein*»), записаны стихи и песни, восхваляющие вино Гумпольдскирхена. Дорога дополняется старым винным прессом и вышкой для охоты и наблюдения за погодой. Союз виноградарства Гупмольдскирхена несёт ответственность за дорогу, за её сохранность и чистоту. Дважды в год этот союз должен проводить ремонтные работы у скамей, бетонных оснований, стен, и т. д. Обновление винной туристской тропы не было бы возможно, без финансовой поддержки союза «*Место отдыха Вена – Нижняя Австрия*»

(«*Erholungsräume Wien – Niederösterreich*»), и энергичной помощи *Альфреда Фрайса (Alfred Fraiss)*.

Адрес Гумпольдскирхена в интернете: <http://www.gumpoldskirchen.at/>; E-mail: office@gumpoldskirchen.at

В окрестностях Гумпольдскирхена существует два уютных Hütte: *Hubertushütte* (адрес в интернете: <http://www.hubertushuette.at/>), *Veigl-Hütte* (<http://www.veigl-huette.at/>).

КРАТКОЕ ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ МЕСТ, НЕ ОПИСАННЫХ
В ПУТЕВОДИТЕЛЕ, С УКАЗАНИЕМ ОСНОВНЫХ
ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ

1. Traiskirchen.

Franz Kroller Sternwarte Traiskirchen.

Адрес: Hauptplatz 18. 2514 Traiskirchen.

Телефон 0043 / 2252 / 571 9992.

Открыт круглый год.

Stadtmuseum Traiskirchen.

Адрес: Wolfstrasse 18. 2513 Möllersdorf.

Телефон 0043 / 664 / 202411 97.

Открыт с марта по декабрь по воскресеньям и праздничным дням с 9.00 до 12.00. Группы свыше 10 человек могут посетить музей в любое время по предварительной заявке.

2. Pfafstätten.

Einödhöhle.

Адрес: 2511 Pfafstätten.

Телефон: 0043 / 2252 / 889 85.

Открыт круглый год.

3. Guntramsdorf.

Museum Walzengravieranstalt Guntramsdorf.

Адрес: Steinfeldgasse 4. 2353 Guntramsdorf.

Открыто с апреля по октябрь по субботам с 14.00 до 18.00. Посещение в другие сроки возможно после предварительного согласования по телефону (в том числе и для групп).

4. Laxenburg.

Schloss Laxenburg und Schlosspark.

Впервые упоминается в документах в записях под 1217 годом. Значение замка значительно возросло после того, как он перешёл в собственность герцога Рудольфа III Австрийского (Herzog Rudolf III von Österreich) в 1306 году. В конце XIV века при герцоге Альбрехте III (Herzog Albrecht III) был значительно перестроен.

Адрес: Schlossplatz 1. 2361 Laxenburg.

Телефон 0043 / 2236 / 712 26.

Открыто ежедневно. Экскурсии проводятся в 11.00, 14.00 и 15.00 часов.

5. Eichgraben.

Wienerwaldmuseum.

Музей включает в себя разнообразные экспозиции по геологии, минералогии, сырьевому промыслу, истории (от ранних времён до эпохи Средневековья), краеведению.

Адрес: Hauptstrasse 17. 3032 Eichgraben.

Телефон 0043 / 2773 / 469 04.

6. Petronell-Carnuntum.

Archäologische Park Carnuntum.

Адрес: Hauptstrasse 7. 2404 Petronell-Carnuntum.

URL: <http://www.carnuntum.co.at/>. E-mail: info@carnuntum.co.at.

Открыто: Freilichtmuseum Petronell und Amphitheater Bad Deutsch-Altenburg – с 21 марта по 15 ноября (9.00–17.00); Museum Carnuntum Bad Deutsch-Altenburg – с 6 января по 21 декабря (10.00–17.00). Проводятся экскурсии.

7. Klosterneuburg.

Chorherrenstift Klosterneuburg.

Маркграф Леопольд (Leopold) перенёс свою резиденцию из Мелька (Melk) в Клостернойбург (Klosterneuburg) и основал здесь монастырь в 1114 году.

Адрес: Stiftplatz 1. 3400 Klosterneuburg.

Телефон 0043 / 2243 / 411–0.

Открыто весь год (9.00–18.00).

Sammlung Essl.

Это музей современного искусства.

Адрес: An der Donau-Au 1. 3400 Klosterneuburg.

Телефон 0043 / 2243 / 370 50–150.

Открыто со вторника по воскресенье с 10.00 по 18.00, по средам до 21.00.

8. Traismauer.

Saurierpark.

Адрес: An der Traisenau 2. 3133 Traismauer.

Телефон 0043 / 2783 / 200 20.

Открыто с апреля по июнь – со среды по воскресенье (9.00–17.00), с июля по август – со среды по воскресенье (10.00–18.00), с сентября по октябрь – со среды по воскресенье (10.00–17.00).

9. Mauerbach.

Kartause Mauerbach.

Старейший картезианский монастырь Австрии. В настоящее время идут активные реставрационные работы.

Адрес: Kartäuserplatz 2. 3001 Mauerbach.

Телефон 0043 (1) / 979 88 08. Факс 0043 / 1 / 979 88 08–90.

E-mail: mauerbach@bda.at.

Открыто по пятницам, выходным и праздничным дням с 10.00 до 18.00.

10. Berndorf.

URL: <http://www.berndorf.gv.at/>; E-mail: torismus@berndorf.gv.at

Stilklassen.

Уникальный культурно-исторический проект, вобравший в себя 12 стилевых направлений – от Древнего Египта до Австро-Венгерской империи, был создан при финансовой поддержке Артура Круппа (Arthur Krupp). В классных комнатах и по сей день идут уроки.

Адрес: Kislingerplatz 4. 2560 Bernsdorf.

Телефон 0043 / 2672 / 822 53 52. Факс 0043 / 2672 / 822 37.

Открыто с апреля по октябрь по выходным, праздничным дням и в период каникул с 10.00 до 12.00 и с 13.00 до 16.30; в учебные дни открыто с 15.00 до 16.30. Экскурсии для групп проводятся по предварительному согласованию.

11. Sparbach.

Naturpark Sparbach.

Парк расположен рядом с древними руинами Johannstein и Dianatempel и с водной мельницей. В парке есть зоопарк для домашних питомцев (Streichelzoo), детская площадка (Abenteuerspielplatz) и парковая школа (Naturpark Schule).

Адрес: Sparbach 1. 2393 Sparbach.

Телефон 0043 / 2237 / 76 25 и 0043 / 676 / 648 05 52.

E-mail: naturpark@sfl.at.

Открыт с 1 апреля по 2 ноября ежедневно (9.00–18.00).

12. Hohe Wand.

Naturpark Hohe Wand.

Адрес: Sparbach 1. 2393 Sparbach.

Телефон 0043 / 2638 / 88 545.

URL: <http://www.hohenwand.at/>. E-mail: naturpark@hohenwand.at

Открыт круглый год. Вход свободный.

13. Grünbach.

Bergmuseum Grünbach.

Адрес: Neuschacht 12. 2733 Grünbach.

Телефон 0043 / 676 / 435 46 00.

E-mail: marika.rachhold@aon.at.

Открыто с 3 мая по 25 октября по субботам и воскресеньям (15.00–18.00). Желательно предварительно согласование.

14. Puchberg am Schneeberg.

Schneeberg-Salamander Zug.

Адрес: Bahnhof 1. 2734 Puchberg am Schneeberg.

Телефон 0043 / 2636 / 36 61.

URL: <http://www.schneebergbahn.at/> E-mail: office@schneebergbahn.at

Nostalgiezüge: с 5 июля до 6 сентября в 10.15. Возможен заказ внеплановых поездок.

15. Reichenau.

Rax-Seilbahn.

Адрес: Hirschwang 86. 2651 Reichenau an der Rax.

Телефон 0043 / 2666 / 524 97.

URL: <http://www.raxseilbahn.com/>. E-mail: office@raxseilbahn.com

Открыто с 16 мая до 13 сентября с 8.00 до 17.00, по выходным и праздничным дням до 18.00; с 14 сентября до 26 октября с 8.30 до 17.00, по выходным и праздничным дням с 8.00.

16. Wiener Neustadt.

URL: <http://www.wiener-neustadt.gv.at/>. E-mail: buerger-tourist@wiener-neustadt.at.

Это город с очень интересной историей. В нём существует целый ряд музеев (*Музей авиации – Flugmuseum Aviaticum*, <http://www.aviaticum.at/>; Минералогический музей и другие), церквей (Церковь капуцинов), старых средневековых зданий.

17. St. Margareten.

Märchen St. Margareten Neusiedlersee.

Адрес: Märchenparkweg 1. 7062 St. Margareten.

Телефон 0043 / 2685 / 607 07.

URL: <http://www.familypark.at/>. E-mail: office@familypark.at

Открыто: с 4 апреля по 26 октября (9.00–18.00; в октябре – 10.00–17.00).

18. Mörbisch am See.

Seefestspiele.

Адрес: Seebühne. 7072 Mörbisch am See.

Телефон 0043 / 2685 81 81–0.

URL: <http://www.seefestspiele-moerbisch.at/>. E-mail: tickets@seefestspiele-moerbisch.at

Открыто в начала июня до конца августа.

19. Enzenreith.

Bergbaumuseum Enzenreith.

Адрес: Kranichberger Strasse 3, Enzenreith. 2640 Gloggnitz.

Телефон 0043 / 2662 / 45 407.

URL: <http://www.gemeinde-enzenreith.at/>. E-mail: verwaltung@gemeinde-enzenreith.at

Открыто с марта по октябрь, по субботам (13.30–17.00), воскресеньям и праздничным дням (9.00–12.00 и 13.00–17.00).

20. Vösendorf.

Schloss museum Vösendorf.

Адрес: Schlossplatz 1. 2331 Vösendorf.

Телефон 0043 (1) 609 49 07.

URL: <http://www.voesendorf.gv.at/>. E-mail: info@voesendorf.gv.at

Открыто с апреля по декабрь по субботам (14.00–17.00).

21. Schwechat.

Eisenbahnmuseum Schwechat.

Адрес: Sendergasse 26. 2320 Schwechat.

Телефон 0043 / 676 / 47 57 597.

URL: <http://www.eisenbahnmuseum.at/>. E-mail: info@eisenbahnmuseum.at, buchungen@eisenbahnmuseum.at.

Открыто с 1 мая по 26 октября по субботам (13.00–18.00) и воскресеньям (10.00–17.00).

22. Schwarzenbach.

Kelten Schwarzenbach.

Адрес: Gemeindeamt Schwarzenbach. Markt 4. 2803 Schwarzenbach.

Телефон 0043 / 2645 / 52 01.

URL: <http://www.schwarzenbach.gv.at/>

Открыто с апреля по октябрь по субботам и воскресеньям (10.00–16.00). Возможно обслуживание групп свыше 20 человек.

23. Sankt Pölten.

URL: <http://www.st-poelten.gv.at/>. E-mail: torismus@st-poelten.gv.at

Санкт-Пёльтен (Sankt Pölten) находится в 66 километрах от Вены. В городе можно осмотреть такие достопримечательности, как:

Bistumgebäude – в первой половине XVII века заново построенные дома в уже существующем монастыре Augustiner-Chorherren-Stift;

храм Domkirche (Domplatz 1. 3100 St. Pölten) – ранняя романская базилика;

башня Klangsturm (Kulturbezirk 1. 3100 St. Pölten); открыта весь год, с понедельника по субботу с 8.00 до 19.00 и в воскресенье и праздничные дни с 9.00 до 17.00;

Нижнеавстрийский музей – Niederösterreichische Museum (Kulturbezirk 5. Postfach 57. 3109 St. Pölten; телефон 0043 / 2742 / 90 80 90–999; факс 0043 / 2742 / 90 80 99). Открыт со вторника по воскресенье и по праздничным дням (9.00–17.00). Экскурсии для школьников проводятся в 8.00 по предварительной договорённости. Понедельник, если это не праздничный день, выходной.

24. Melk.

URL: <http://www.melk.gv.at/>.

Мельк (Melk) находится в 87 километрах от Бадена. Главная достопримечательность города – монастырь *Stift Melk* (Babenbergerstrasse 1. 3390 Melk; телефон 0043 /2752 / 523 07410; факс 0043 /2752 / 523 07490). Открыт с мая по сентябрь с 9.00 до 17.30 (вход до 17.00). Экскурсии для групп проводятся ежедневно по предварительной заявке – с мая по сентябрь (9.00–16.30). Посещение монастырского парка (Stiftpark) и садового павильона (Gartenpavillon) – с мая по октябрь (9.00–18.00). Кроме того, из Мелька можно совершить путешествие по Дунаю на пароходе – *Donau-Rundfahrten; Ausflüge / Nostalgie Ausflugschifffahrt* (Brandner Schifffahrts GmbH. Ufer 50. 3318 Wallsee / Melk).

25. Eisenstadt.

URL: <http://www.eisenstadt-tourism.at/>.

Айзенштадт является столицей Бургенланда. В нём находятся Замок Эстерхази с Замковым парком, Музей Гайдна, Кафедральный собор, позднеготическая «Горная церковь» – Бергкирхе (Bergkirche) и многие другие достопримечательности.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

§ 1 Как добраться до Бадена из аэропорта

Добраться до Бадена из аэропорта можно, во-первых, на такси (стоянка находится прямо перед выходом из здания аэропорта; продолжительность пути – 30–40 минут), во-вторых, на автобусе – существует автобусное сообщение между аэропортом и баденским вокзалом (Bahnhof Baden); продолжительность поездки – около часа); в-третьих, на машине по Автостраде Süd (A2).

Сайт венского аэропорта Швехат (Schwechat): <http://www.viennaairport.com/>

§ 2 Где взять машину напрокат

Взять машину на прокат можно как в аэропорту, так и в черте города Вена. Существует целый ряд фирм по прокату машин. Бронирование осуществляется посредством электронной регистрации, то есть через сайт. Там же можно узнать время их работы и адреса.

Вот названия и сайты известных нам фирм по прокату машин: Budget (<http://www.budget.de/>), AVIS (<http://www.avis.de/>), Alamo (<https://www.alamo.de/>), Eurocar (<http://www.eurocar.at/>), Easymotion (<https://www.easymotion.at/>), Hertz (<https://www.hertz.at/>), Megadrive (<http://www.megadrive.at/>), Sixt (<http://www.sixt.at/>), Unioncar (<http://www.unioncar.at/>).

Отделение фирмы «Eurocar» находится не только в Вене и в аэропорту, но и в городе Винер Нойштадт (Wiener Neustadt), который расположен южнее Бадена (<http://www.wiener-neustadt.gv.at/>).

В округе Баден существует только один пункт проката машин – в Трайскирхене (Traiskirchen). Адрес: Skrianz Autovermietung, Pfaffstättnerstrasse 26, 2514 Traiskirchen. Телефон: 0664/4132819.

Адрес в интернете: <http://www.kfz-transporte.at/index.php>; office@kfz-transporte.at.

§ 3 Туристическая информация

Офис туристической информации в Бадене располагается в здании купальни Леопольдсбад (Leopoldsbad) по адресу Brusattiplatz 3 (Телефон 02252/22600–600, факс 02252/80733). Здесь можно взять самые разные проспекты с описанием пеших и велосипедных дорог, гостиниц, расписание представлений в театре и многое другое.

Хотелось бы особо обратить внимание на то, что, как и во многих курортных местах Австрии, офис туристической информации в Бадене предоставляет возможность бесплатного заказа интересующих проспектов по почте – для этого надо заполнить регистрационную форму на сайте Бадена в разделе Kultur – Info-Material – Info Materiel bestellen (<http://www.baden.at/de/tourismus/info-material/info-material-bestellen.html>). Так что есть прекрасная возможность найти всю интересующую информацию прямо в своём почтовом ящике.

§ 4 Где поесть

Пожалуй, самыми уютными ресторанами с вкуснейшей кухней являются греческий ресторан «**El Greco**» (Theresiengasse 1; URL: <http://www.restaurantelgreco.at>; E-mail: info@restaurantelgreco.at, elgreco.baden@gmail.com) (здесь есть меню на русском языке) и ресторан «**Batzenhäusel**» (Theaterplatz 9; <http://batzenhaeusel.stadtausstellung.at/>), располагающийся прямо возле театра. Ещё один хороший ресторан, правда, располагающийся немного в стороне от центра, – «**Weilburghof**» (Weilburgstrasse 63, <http://www.weilburghof.at/>).

Раздольем для сладкоежек является уютное кафе «**Клементине**» (**Café Clementine**) (Kaiser Franz Ring 12; office@cafe-clementine.at). Очень уютная, по-настоящему венская кондитерская – это кондитерская «**Ullmann**» (Schlossergässchen 16). Любителям сладкого стоит посетить кафе-мороженое «**Eis-Peter**». Это целая сеть кафе, «филиалы» которого есть не только в Бадене (по адресу

Beethovengasse 2), но и в Мёдлинге (Hauptstrasse 17), в Трайскирхене (Wiener Neustädter Strasse 10) (более подробную информацию можно получить на сайте <http://www.eispeter.at/>). В Вене и её окрестностях вообще очень много кондитерских – здешние жители очень любят сладкое.

К той же самой сети, что и «Eis-Peter», относится «Городское кафе» (**Stadtcafe**) в Трайскирхене (<http://www.deinstadtcafe.at/>).

Следует обратить внимание на то, что в число туристических проспектов, распространяемых информацией Бадена, входит гастрономический путеводитель по городу, в котором перечислены все рестораны, кафе и бары Бадена.

§ 5 Проживание

Ряд гостиниц мы уже назвали в ходе нашего повествования – Grandhotel Sauerhof (<http://www.sauerhof.at/>), Schloss Weikersdorf (<http://www.schlossweikersdorf.at/>), Villa Gutenbrunn (<http://www.villa-gutenbrunn.com/>), Hotel Herzoghof (<http://www.hotel-herzoghof.at/>).

Очень хорошо расположен Hotel Kurpark (<http://www.hotel-kurpark.at/>) – он выходит прямо на курортный парк, в трёх минутах ходьбы от пешеходной зоны Бадена. (В хорошем месте расположена примыкающая к Курортному парку, располагающаяся сзади театра гостиница «Parkhotel Baden», находящаяся сейчас на ремонте).

Следует также обратить внимание на то, что, как мы уже писали выше, офис туристической информации в Бадене предоставляет самую разнообразную информацию, в том числе и информацию о гостиницах. Кроме того, некоторые гостиницы можно посмотреть на сайте «Hotelbetriebe Baden» (<http://www.hotelbetriebe-baden.at/>).

Разнообразная информация о гостиницах по всему миру, в том числе и по Австрии, размещена на сайте <http://www.hrs.com/> (существует и русский вариант сайта). Может быть полезен также русский сайт <http://www.holidaycheck.ru/>.

Кстати, если снимаешь комнаты или апартаменты, в стоимость которых завтрак не входит (впрочем, зачастую в апарта-

ментах есть собственная кухня), то позавтракать можно в одной из кондитерский или кафе, например, в «Клементине» или в «Централе», которые открываются в 7–8 утра и где подают «комплексные» завтраки.

§ 6 Сувениры

В самом центре Бадена находится магазинчик с сувенирами **TREND SHOP** (Hauptplatz 7).

На одном из тихих улочек располагается магазин «**Badener Souvenir**» (Schlossergässchen 6–8; <http://www.goedde.at/>).

Разные сладости в подарок можно купить в магазине «**Zur Zuckerlecke**» (Hauptplatz 4; e-mail norawallner@hotmail.com).

§ 7 Самые известные блюда австрийской кухни

❖ *Фриттаттензунне (Frittattensuppe)* – говяжий бульон с кусочками блина.

❖ *Суп гулаш (Gulashsuppe)* – говяжий суп, рецепт которого заимствован у венгров. Может быть очень острым.

❖ *Протёртый томатный суп (Tomatensuppe), протёртый овощной суп (Gemüsecremesuppe), протёртый картофельный суп (Kartofflcremesuppe), протёртый луковый суп (Zwiebelsuppe)* (в Австрии принято есть в основном именно протёртые супы).

❖ *Сырный суп в хлебном горшочке (Tiroler Graukässuppe)* – это фирменный суп тирольской долины Циллерталь (Zillertal). К слову отметим, что существует чешский суп с лапшой, который тоже подаётся в хлебном горшочке.

❖ «*Горшочек венского супа*» (*Wienersuppeneintopf*) (впрочем, в Тироле то же самое блюдо можно найти под названием «*горшочек тирольского супа*» – *Tirolersuppeneintopf*) больше всего похож на русские супы. Как правило, порции этого супа гораздо больше порций протёртых супов. Представляет собой говяжий бульон с кусочками говядины, лапшой и варёными овощами.

❖ *Хлебная фрикаделька со шпиком, фаршем и шкварками (Knödel)* подаётся либо в составе некоторых вторых блюд, либо как главный компонент супа с фрикаделькой (*Knödelsuppe*). Существует также суп с фрикаделькой из печени (*Leberknödelsuppe*).

❖ *Венский шницель (Wiener Schnitzel)* – говядина или свинина, обжаренная в панировке. Изначально это было блюдо из говядины, но сейчас чаще можно встретить свиной шницель.

❖ *Тирольский грёстль (Tiroler Gröstl)* – жареная картошка со шпеком, иногда и с яйцом. Иногда подаётся с салатом.

❖ *Тафельшпитц (Tafelspitz)* – тушёное говяжье филе.

❖ *Кордон блю (Cordon bleu)* – панированный в сухарях шницель из свинины или телятины, начинённый сыром и ветчиной, предположительно рецепт швейцарской кухни.

❖ *Швайnbrатен (Schweinbraten)* – кусок свинины, приготовленный в духе нашей буженины, но горячий. Правда, в некоторых ресторанах швайnbrатен подают и холодным, как закуску.

❖ *Свиная котлета с костью (Kotelette)*.

❖ *Шкварки (Grammeln)*.

❖ *Кислая капуста (Bauernschmaus)*.

❖ *Солянка (Sauerkraut)*.

❖ *Липтауэр (Liptauer)* – острый паштет из сыра.

❖ *Штраубен (Strauben)* – оладьи (зальцбургское блюдо).

❖ *Яблочный штрудель (Apfelstrudel)* и *творожный штрудель (Torfenstrudel)* – австрийское мучное блюдо в виде рулета из скрученного трубочкой листового теста с различной начинкой. Само слово Strudel происходит от слова средневерхненемецкого языка со значением «вихрь, воронка, водоворот». Обычно штрудели подают горячими, в некоторых случаях – с ванильным соусом или со сливками. Сверху он может быть посыпан сахарной пудрой. Существуют также штрудели с ягодами (клубника, вишня, брусника, малина, изюм и т. п.), с зёрнами мака и корицей или другими компонентами. Кроме десертных существуют также и другие виды штруделя: картофельный штрудель, мясной штрудель, колбасный штрудель из кровянки с салом и квашеной капустой, штрудель с ливером.

❖ *Захерторте (Sachertorte)* – шоколадный торт, изобретение австрийского кондитера Франца Захера (1816–1907). Этот торт является типичным десертом венской кухни и вместе с тем одним из самых популярных тортов в мире. Настоящий Захерторте подаётся со сливками и украшается шоколадным кружочком, который размещается в широкой части торта.

❖ *Пончик (Krapfen)*. Традиционный австрийский пончик – это посыпанный пудрой пончик с вареньем, однако иногда встре-

чаются и с ванилью, и с шоколадом. Австрийские пончики, в отличие от русских, печёные, а не жареные, и по форме напоминают булку (без отверстия в середине).

❖ *Зальцбургер нокерль (Salzburger Nockerl*, ещё один австро-баварский вариант названия – *Soizburga Noggal*) – сладкое суфле (зальцбургское блюдо).

❖ *Палатшинке (Palatshinke)* – блин (порция включает с себя один или два блина), подающийся на десерт, с различным «гарниром» – с вареньем, шоколадом, мороженым.

❖ *Гермкнёдель (Germknödel)* – сладкий колобок с маком.

❖ *Линцерторте (Linzer Torte или Linzertorte* – существуют два варианта написания) – рассыпчатое печенье, сделанное из муки, несолёного масла, яичных желтков, лимонной цедры, корицы, лимонного сока, измельченных орехов (обычно лесных, но также и грецких и миндаля), покрытое вареньем из красной пробки смородины, сливы, малины, или абрикоса. Своё название кушанье получило от названия города Линц. В Линце существует кондитерская, которая специализируется на выпечке Линцерторте (правда, выпекает и другие торты, например, Захерторте, торты к праздникам и другие) (URL: <http://www.linzertorte.at/>).

❖ Именем Линца назван ещё один десерт – песочное печенье с вареньем *Линцер Ауге (Linzer Auge*; вариант – *Линцер Ауген, Linzer Augen*; это название переводится как «глаз (глаза) Линца»).

❖ *Апероль (Aperol)* – аперитив итальянского происхождения. Имеет горьковатый вкус и оранжевый цвет. Состоит из апельсинов, трав и ароматических приправ. Крепость апероля – 11 градусов. Существует газированный апероль.

❖ *Глинтвейн (Glühwein (глювайн) от glühender Wein – пылающее вино)* – горячий алкогольный напиток на основе вина с сахаром и пряностями. Традиционно употребляется в Австрии, Германии, скандинавских странах и Канаде на рождественских базарах и праздниках, проводящихся на открытом воздухе. В нынешнее время в Австрии этот напиток подают в ряде ресторанов и кафе.

❖ «*Охотничий чай*» (*Jagartee, Jägertee*) – горячий алкогольный напиток, распространённый в Австрии. Производится из смеси чая, мёда, красного вина, шнапса, австрийского рома *Stroh* и других ингредиентов. Обладает сладким пряным вкусом. Как и глинтвейн, он подаётся в ресторанах и кафе.

❖ В венских кондитерских подают такие сорта кофе, как *меланж (Mélange)* и *капучино (Cappuccino)*.

❖ *Бóле (Bowle)* – холодный пунш. Делается на основе вина с добавлением фруктов. Ели глинтвейн и «охотничий чай» считаются зимними напитками (в ряде ресторанов они летом вообще не подаются), то *боле* – напиток летний.

❖ «*Горячий лимон*» (*Heisse Zitrone*) – лимонный сок, заливный кипятком. Подаётся несладким, но, разумеется, туда можно добавить сахару по своему вкусу. В некоторых местах напиток делается на основе свежесжатого лимонного сока, в некоторых – на основе лимонной консистенции.

❖ Любители пива могут отвежать такие сорта, как *Zipfer, Kaiser, Gösser, Stiegl.*

§ 8 Русское телевидение

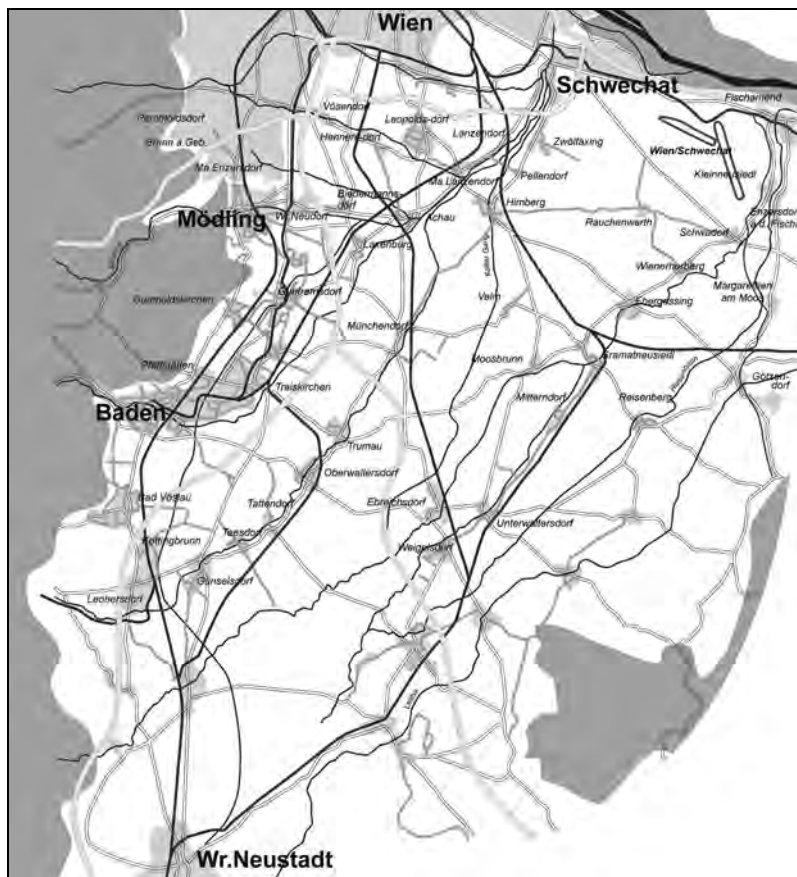
Путешествуя за границей, надо иметь в виду, что во многих странах, в том числе и в Австрии, существует русский телеканал «РТР-Планета» (URL: <http://www.rtr-planeta.com/>). Однако ловится он не во всех гостиницах – например, в маленьких пансионатах его, скорее всего, не будет. А вот в гостиницах 4–5 звёзд он должен быть обязательно.

§ 9 Прогноз погоды

Прогноз погоды в разных странах (прежде всего в Австрии, Германии и Швейцарии) и городах, в том числе и в Бадене под Веной и его окрестностях, можно отслеживать на сайте «Wetter.com» (<http://www.wetter.com/>). Надо зайти в раздел «Ihr Wetter» и в строке поиска набрать название нужного населённого пункта. Таким образом можно узнать о текущем состоянии погоды, а также узнать прогноз на завтра, на 3, 7 или 16 ближайших дней.

§ 10 Общественный транспорт

Информация об австрийских рейсовых автобусах (*Postbus*) размещена на сайте <http://www.postbus.at/de/>. Автобусная система *Verkehrsverbund Ost-Region* также имеет сайт – <http://www.vor.at/>

План местности

Информация об австрийской железнодорожной системе ÖBB размещена на сайте <http://www.oebb.at/>

О пригородных электричках в Вене (*Wiener Lokalbahnen*) можно узнать на сайте <http://www.wlb.at/eportal/> (о самой Вене см. также <http://www.wienerlinien.at/eportal/>).

§ 11. Экскурсии

В Бадене регулярно проводятся экскурсии для туристических групп, в том числе и на русском языке. Информацию об экскурсиях можно получить в офисе туристической информации (её адрес см. в § Зданного раздела).

ПУТЕВОДИТЕЛИ ПО АВСТРИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1 Вся Австрия

1. Австрия. Иллюстрированный путеводитель. Eyewitness Travel Guides: Austria. Составители Т. Черниевич-Умер, И. Эгерт-Романовская, Я. Куманиецкая. Переводчики Л. Степанов, Т. Кинк-ладзе. Серия «Дорлинг Киндерсли. Путеводители». Издательства «АСТ», «Астрель» (2005 и 2008)
2. Австрия. Путеводитель. Издательство «Вокруг света». Серия «Вокруг света» (2012).
3. Австрия. Путеводитель. Серия «Country Guide». – М.: Авангард, Ле Пти Фюте, 2008.
4. Австрия. Серия «Русский гид. Полиглот». – М., 2011.
5. Антонова И. К., Хропов А. Г. Австрия. Путеводитель. Серия «Вокруг света». – М.: Вокруг света, 2005 и 2008.
6. Воцелка К. История Австрии. – М., 2007.
7. Грегстон Б. Австрия. Путеводитель. Серия «Томас Кук» (2008).
8. Крылов Д. Австрия. Серия «Путеводители с Дмитрием Крыловым». М.: Эксмо, 2009 (+ DVD) (переиздание: 2012).
9. Крылов Д., Сушек И. Австрия. Серия «Путеводители с Дмитрием Крыловым». – М.: Эксмо, 2010.
10. Кузнецова Е. Вена + Австрия. Серия: Путешествуйте с умом! Издательства «АСТ», «Сова» (2009).
11. Ферг Н. Австрия. Путеводитель с мини-разговорником. Серия «Полиглот». – М., 2007; переиздание: 2013.
12. Шафранова Е.В. Австрия на автомобиле. 25 лучших маршрутов. Серия «Автогид». – М., Эксмо, 2010.

§ 2 Вена

1. *Айвори М.* Австрия. Путеводитель. Переводчик Т. Новикова. Серия «Berlitz Pocket Guide». Издательство «ФАИР» (2012).
2. *Антонова И., Ждановская А.* Вена. Путеводитель. Серия «Вокруг света». 4-е изд. М.: Вокруг света, 2012.
3. *Антонова И.К.* Вена. Путеводитель. Переиздания: 2005 и 2008.
4. *Вайс В.М.* Вена. Путеводитель с мини-разговорником. Серия «Полиглот». Издательство «Аякс-пресс» (2008).
5. Вена. Карта и путеводитель. Eyewitness Travel Vienna Pocket Map & Guide. Серия «Путеводители». Издательства «АСТ», «Астрель» (2007).
6. Вена. Карта и путеводитель. Издательство: АСТ. Серия: Путешествуйте с умом! (2009)
7. Вена. Путеводитель с мини-разговорником. Серия «Путеводитель Polyglott». Издательство «Аякс-пресс» (2007).
8. Вена. Путеводитель. Eyewitness Travel: Vienna. Серия «Дорлинг Киндерсли. Путеводители». Издательства «АСТ», «Астрель», «Дорлинг Киндерсли». (2008).
9. Вена. Путеводитель. Серия «Country Guide». Издательства «Ле Пти Фюте», «Авангард» (2003).
10. Вена. Серия «Вся Европа». Издательство «Escade de Oro» (2009).
11. Вена. Серия «Русский гид. Полиглот». М., 2010.
12. Вена. Серия: Золотые путеводители. Издательство «Benechi» (2006).
13. *Гийо С., Винклер-Гермаден Ф.Л.* Вена. Путеводитель. Vienne: Cartoville Gallimard. Серия: The National Geographic Traveler. Издательства: Астрель, АСТ. (2004).
14. *Грицак Е.Н.* Вена. Серия «Памятники всемирного наследия». – М.: Вече, 2007.
15. *Дёготь Е.* Вена. Путеводитель «Афиши». – М., 2001.
16. *Дёготь Е., Клименюк Н.* Вена. Путеводитель «Афиши». (Несколько переизданий).
17. *Калинина Е., Слепенкова О.* Вена. Путеводитель (CD mp3). Серия «Аудиоэкскурсия». – М., издательство «1С», 2012.
18. *Крылов Е.С., Прядкина Н.В., Гончарова-Линдроос Г.С.* Вена. Путеводитель. Серия «Оранжевый гид». М.: Эксмо, 2011 (переиздание: 2012).

19. *Кузнецова Е.* Вена + Австрия. Серия: Путешествуйте с умом! Издательства: АСТ, Сова. (2009).
20. *Лайдиг М., Цох И.* Вена. Путеводитель. Eyewitness Top 10 Travel Guides: Top 10 Vienna. Серия: 10 самых, самых. Издательства: АСТ, Астрель. (2007).
21. Музеи истории искусства. Вена. Издательство: Бертельсманн. Серия: Великие музеи мира. Издательство: БММ. (2007).
22. *Нечаев С.Ю.* Вена. История. Легенды. Предания. Серия: Тайны знаменитых городов. – М.: Издательство «Вече», 2010.
23. *Олтмен Д.* Вена. Путеводитель. Переводчик Татьяна Новикова. Издательство «ФАИР». Серия «Berlitz Pocket Guide» (2011).
24. *Пушкин В.А.* Вена. Путеводитель. Серия «Красный гид». – М.: Эксмо, 2012.
25. *Рачеева Е.* Музей истории искусства. Вена. Серия: Шедевры музеев мира. – М.: Издательство «Вече», 2003.
26. *Саси Ю.* Вена: История города. Mein Wien. Unbekannte Facetten einer Weltstadt (2009).
27. *Седова Т.А.* Музей истории искусства. Вена. Kunsthistorisches Museum: Wien. Серия: Музеи мира. Издательство: Изобразительное искусство (1986).
28. Собор Святого Стефана в Вене (2007).
29. *Тингей П.* Вена. Путеводитель. Серия «Путеводители Томаса Кука». Издательство «ФАИР» (2011).
30. Туристический путеводитель: Зальцбург. Вена. Серия: Туристический путеводитель. Формат: DVD (PAL) (Super jewel case). Дистрибьютор: DVD Alliance (2004).
31. Туристический путеводитель: Прага. Вена. Серия: Туристический путеводитель. Формат: DVD (PAL) (Картонный бокс). Дистрибьютор: DVD Alliance (2005).
32. *Уолкер К.* Вена. Путеводитель. Серия: Город в фокусе. Издательство «ФАИР». (2008).
33. *Фомин А.* Вена и пригороды. Автодорожная и туристическая карта (на русском языке). Издательство «Дискус Медиа». Серия «Карты» (2008).
34. *Штриглер Э.* Вена. Путеводитель. Серия: Nelles Pockets. Издательство: Дискус Медиа. (2007; переиздание: 2012).

§ 3 Баден под Веной

1. *Handl Ch., Handl G.* Баден под Веной. Прогулка по городу. Wien, 2003.

§ 4 Штирия

1. *Гендин А.* Штирия. Австрия. Вино и тыква. Серия «Атлас гурмана». – М., 2007.

§ 5 Зальцбург

1. *Грицак Е.Н.* Тироль и Зальцбург. – М.: Вече, 2007.
2. Туристический путеводитель: Зальцбург. Вена. Серия: Туристический путеводитель. Формат: DVD (PAL) (Super jewel case). Дистрибьютор: DVD Alliance (2004).

§ 6 Тироль

1. *Граф М.* Тироль. Путеводитель с мини-разговорником. Серия: «Путеводитель Polyglott» (1997).
2. *Грицак Е.Н.* Тироль и Зальцбург. – М.: Вече, 2007.
3. Инсбрук. С 124 фотографиями и планом города. – Innsbruck, 2010.

КНИГИ О БАДЕНЕ ПОД ВЕНОЙ НА НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

§ 1 На немецком языке.

1. Baden bei Wien belebt. Wissenswertes für den Gast. Hrsg. v. Touristinformation. – Baden, 2001 (= Stadtplan).
2. *Bettina Nezval.* Joseph Kornhäusel. Lustschlösser und Theater. – Baden, 2010.
3. *Bettina Nezval.* Villen der Kaiserschhafft. Sommerresidenz in Baden. 2., erw. Aufl., Berger, Horn/Wien 2008

4. *Carl Schenk*. Taschenbuch für Badegäste Badens in Nieder-Österreich. Mit Kupfern. Geistinger, Wien/Baden (1820). – Digitalisierte Ausgabe der Universitäts- und Landesbibliothek Düsseldorf.

5. *Friedrich Bensch*. Baden bei Wien aus der Geschichte. Hrsg. v. Städtische Sammlungen. – Budapest: Heimatverlag, 2002.

6. *Gerhard Weber*. Historische Gärten in Österreich, Vergessene Gesamtkunstwerke, Hrsg. Österreichischen Gesellschaft für historische Gärten, Böhlau Verlag, Wien.

7. *H. Rollett*. Chronik der Stadt Baden. 1880–1902. – Nachdruck Band1, 2003.

8. *Heidi Angelika Mascher-Pichler*. Baden bei Wien zur sowjetischen Besatzungszeit 1945–1955 mit besonderer Berücksichtigung der ersten beiden Besatzungsjahre und des Jahres 1955. Dissertation. – Universität Wien: Wien, 2009.

9. *Hildegard Hnatek, Franz Reiter, Hildegard Hnatek, Franz Reiter*. Baden bei Wien. Verlorenes neu entdeckt. – Erfurt: Sutton Verlag, 2001.

10. *Hildegard Hnatek, Franz Reiter*. So war's einmal in Baden bei Wien. – Verlag Sutton: Erfurt, 2007.

11. *J. N. Beck*. Baden in Nieder-Österreich. – Wien, 1822.

12. *Jody Iosias*. Frederick I, Margrave of Baden. – Mauritius, Beau Bassin: Alphascript Publishing. 2010.

13. *Johann Kräftner* (Hrsg.). Im Schatten der Weilburg. Baden im Biedermeier. Eine Ausstellung der Stadtgemeinde Baden im Frauenbad vom 23. September 1988 bis 31. Jänner 1989. – Grasl, Baden, 1988.

14. *Johannes Ressel*. Kirchen und Kapellen, religiöse Gedenksäulen und Wegzeichen in Baden bei Wien. Ein Beitrag zur Geschichte, Heimatkunde und Kunstgeschichte. 2., verbesserte und erw. – Auflage, Grasl, Baden, 1982.

15. *Julius Böheimer*. Strassen & Gassen in Baden bei Wien. Lexikon der Straßen, Gassen, Plätze, Wege, Stege, Brücken. – Grasl, Baden, 1997.

16. *Julius Böheimer*. Vereine von Baden bei Wien. 1. – Auflage. Badener Presse Club, Baden, 2001.

17. *Karl Dieman-Dichtl*. Sagenhaftes Österreichs. Eine Liebeserklärung an unsere Heimat. – Wien, München: Amalthea, 1994.

18. *Kurt Posiles*. Casino Baden in der Staatsliga B. In: Norbert Heidner (Red.): N.Ö. Tischtennisnachrichten. Heft 9.1983. Niederös-

terreichischer Tischtennislandesverband, Maria Enzersdorf-Südstadt 1983, S. 25–32.

19. *Lambert M. Surhone, Mariam T. Tennoe, Susan F. Henssonow.* Alexander Rollett. – Mauritius, Beau Bassin: Betascript Publishing, 2010.

20. *Lambert M. Surhone, Mariam T. Tennoe, Susan F. Henssonow.* Alexander von Koller. – Mauritius, Beau Bassin: Betascript Publishing, 2010.

21. *Lambert M. Surhone, Mariam T. Tennoe, Susan F. Henssonow.* Baden (Niederösterreich). – Mauritius, Beau Bassin: Betascript Publishing, 2010.

22. *Lambert M. Surhone, Mariam T. Tennoe, Susan F. Henssonow.* Badener AC. – Mauritius, Beau Bassin: Betascript Publishing, 2010.

23. *Lambert M. Surhone, Mariam T. Tennoe, Susan F. Henssonow.* Badener Kultur. – Mauritius, Beau Bassin: Betascript Publishing, 2010.

24. *Lambert M. Surhone, Mariam T. Tennoe, Susan F. Henssonow.* Pfarrkirche St. Stephan (Baden). – Mauritius, Beau Bassin: Alpha-script Publishing. 2010.

25. *Raimar Wieser, Hannes Heim.* Baden – ein kleines Wien in Aquarell. Eine Dokumentation in Wort und Bild. Hrsg. V. Badener Zeitung. – Baden: G. Grasl, 1990.

26. *Rainer von Reinöhl.* Die Baudenkmale des Kurortes Baden bei Wien. Deutsche Heimatbücherei, Band 4, Wien 1913.

27. *Rudolf Maurer.* Die Wiener Vorstadt. Antonsgasse und Anagasse im Lauf der Jahrhunderte. Katalogblätter des Rollett-museums Baden, Band 56. – Rollett-museum Baden, Baden, 2005.

28. *Rudolf Maurer.* Stadtgemeinde Baden. In: Thermenregion – Weinstrasse. Baden, Bad Vöslau, Gumpoldskirchen, Pfaffstätten, Sooss, Traiskirchen. Ternitz: Verlag Gerhard Höller, 2000.

29. *Viktor Wallner, Gerhard Weber.* 200 Jahre Kurpark in Baden. Eine Zusammenstellung. Neue Badener Blätter, Band 3,2. Gesellschaft der Freunde Badens und Städtische Sammlungen – Archiv, Rollett-museum der Stadtgemeinde Baden, Baden, 1992.

30. *Viktor Wallner, Gerhard Weber.* Der Kurpark in Baden, Hrsg. Stadtgemeinde Baden, 2. – Auflage, Druckerei Grasl, Baden, 1994.

31. *Viktor Wallner.* Häuser, Menschen und Geschichten – ein Badener Anekdotenspaziergang. – Gesellschaft der Freunde Badens, Baden, 2002.

32. *Viktor Wallner*. Kurstadt Baden bei Wien. München und Zürich: Schnell & Steiner, 2. völlig neu bearbeitete Aufl., 1983 (= Schnell Kunstführer 796).

33. *Wilhelm Tomaschek*. Aqua, Aquae 1). In: *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft (RE)*. Band II, 1, Stuttgart 1895, Sp. 294.

§ 2 На английском языке.

1. *Frederic P. Miller, Agnes F. Vandome, John McBrewster*. Baden bei Wien. – Mauritius, Beau Bassin: Alphascript Publishing, 2010.

2. *Waylon Christian Terryn*. Katharina Schratt. Franz Joseph I of Austria, Burgtheater, Luigi Lucheni, Empress Elisabeth of Austria, Fer Publishing, 2012.

КНИГИ ОБ ОКРЕСТНОСТЯХ БАДЕНА ПОД ВЕНОЙ НА НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

§ 1 На немецком языке

1. Bezirk Mödling, Books on Demand, 2012.

2. Die Heiligenkreuz-Bibel, Auswahlbibel, 2 Bde. Das Alte und Neue Testament. Auswahlbibel. Commentaries by: Augustinus K. Fenz. – Leipzig: St. Benno, 2010.

3. *Frederic P. Miller, Agnes F. Vandome, John McBrewster*. Bad Vöslau. – Mauritius, Beau Bassin: Alphascript Publishing, 2010.

4. *Lambert M. Surhone, Mariam T. Tennoe, Susan F. Henssonow*. Agrargemeinschaft der Allander Urhausbesitzer. – Mauritius, Beau Bassin: Betascript Publishing, 2010.

5. *Lambert M. Surhone, Mariam T. Tennoe, Susan F. Henssonow*. Alland. – Mauritius, Beau Bassin: Betascript Publishing, 2010.

6. *Lambert M. Surhone, Mariam T. Tennoe, Susan F. Henssonow*. Bad Vöslau. – Mauritius, Beau Bassin: Betascript Publishing, 2010.

7. *Lambert M. Surhone, Mariam T. Tennoe, Susan F. Henssonow*. Bad Vöslauer Strasse. – Mauritius, Beau Bassin: Betascript Publishing, 2010.

8. *Lambert M. Surhone, Mariam T. Tennoe, Susan F. Henssonow.* Badener Strasse. – Mauritius, Beau Bassin: Betascript Publishing, 2010.

9. *Lambert M. Surhone, Mariam T. Tennoe, Susan F. Henssonow.* Via Sacra (Wienerwald). – Mauritius, Beau Bassin: Betascript Publishing, 2010.

10. *Lambert M. Surhone, Mariam T. Tennoe, Susan F. Henssonow.* Achau. – Mauritius, Beau Bassin: Betascript Publishing, 2010.

11. *Richie Krishna Fergus.* Aquädukt Mödling. Wiener Wasserversorgung, I. – Wiener Hochquellenwasserleitung, Mödling, SpellPress, 2012.

§ 2 На английском языке

1. *Frederic P. Miller, Agnes F. Vandome, John McBrewster.* Heiligenkreuz Abbey. – Mauritius, Beau Bassin: Alphascript Publishing, 2010.

2. *Frederic P. Miller, Agnes F. Vandome, John McBrewster.* Mödling. – Mauritius, Beau Bassin: Alphascript Publishing, 2010.

3. *Frederic P. Miller, Agnes F. Vandome, John McBrewster.* Guntramsdorf. – Mauritius, Beau Bassin: Alphascript Publishing, 2010.

КНИГИ О ВИНОДЕЛИИ В АВСТРИИ (НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ)

Weinbau in Österreich, Books on Demand, 2012.

КНИГИ ОБ АВСТРИЙСКОЙ КУХНЕ (НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Австрийская кухня. 132 рецепта. – Innsbruck, 2010.

2

БАРОН ФЕДОР ФЕДОРОВИЧ ТОРНАУ. ВОСПОМИНАНИЯ

ОТ ВЕНЫ ДО КАРЛСБАДА
(ПУТЕВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ)

I.

Июль на дворе. Нестерпимые жары быстрым поворотом заменили холод, дождь и ветер, наводившие невыразимую тоску на всю живую тварь в продолжение весны и начала лета. Кутаясь во что потеплее, прячась под промокшие зонтики, придерживая шляпу свободною рукой, чтобы ветром не унесло, сновали по улицам пешеходы, сердитым взглядом опрашивая каждого встречного: когда же настанет тепло, когда же весну позволено будет назвать весной. Воробьи и ласточки на крышах громоздких хоромин, раздув перья, и потряхивая только мокрыми крылушками, для лучших дней берегли своё весёлое щебетанье. Извозчицы лошади, на указной стоянке, поджав хвосты и понутив головы, с назад заложенными ушами, уныло следили за ручейками, струившимися по граниту скользкой мостовой. Извозчики, нахлобучив лоснящиеся каучуковые капюшоны, не приветствовали более проходящего. Да и куда же было ехать в такую погоду? По обыденной надобности венский житель средней руки, зачастую даже сын высокородной семьи, ради сбережения гульдена предпочитают, дождь ли, гроза ли, предаваться пешему хождению. Лишь ново-созданный барон израилева племени в такой мере не роняет своего дворянского достоинства — гордо озираясь на скромных

пешеходов с высоты ярко раскрашенного экипажа или «безвомерного», безжалостно пылит он им в глаза, или брызжет на них липкою грязью, дабы все они знали, что у него есть деньги, что он барон, что имеет пёстрый герб, и никогда не изменяет своему девизу: «sehr fein und immer nobel». Другое дело, когда ясный день манит на удовольствие в Пратер, в «Neue Welt», или к Шперлю, тогда все фиакры в разгоне, тогда Венец готов сорить десятками и сотнями гульденов. Таков венский обычай: иногда нечем заплатить за сапоги да за обед, а на прогул всегда есть деньги – одно австрийское министерство финансов вечно в них нуждается.

И вот миновало горе, солнце проглянуло, настали ясные, знойные дни, птички весело запели, а на людей легла новая беда – стало слишком жарко. Угоди же этой истасканной породе беспёрых двуногих! Холодно, ветрено – страдают нервы, ломота одолевает рыхлые кости; жарко – мускулы теряют должную силу, жёлчь переливается в водянистую кровь. Нечего сказать, хороши стали мы, гордые венценосцы мироздания; каждая кошка свободнее вас от всякого калечества. Но как там ни рассуждай, а на самом деле не в моготу становится дышать городским воздухом. Солнце палит раскалённым лучом; жаром пышет от высоких каменных людских ульев, нагромождённых так жизнегубительно, ради скаредного барыша; пыль столбом взвивается к облакам и покрывает город сухим туманом, заедающим глаза. Некуда укрыться от духоты и от скуки. Пратер потерял свою главную прелесть. Весенние посетители его, порешив важный общественный вопрос, касательно бегового достоинства «Capitan», «Miss Fly» и «Beinstierl»; после скачек разъехались на все четыре стороны света, кто в деревню, кто на воды, а кто просто за город, не теряя из виду родной колокольни, под сению которой родился и намерен закрыть глаза. Заменяла их летняя публика, не щеголеватая, но зато пёстрая, шумливая, наполняющая Пратер пивными испарениями, да запахом колбасок и нестерпимо душистых крейцерных сигар. Следственно, не ищите в Пратере ни свежего воздуха, ни особенно заманчивого развлечения для глаз. Штаттпарк, когда с закатом солнца наступает час, в который запираются венские лавки и магазины, оживает, подобно встревоженному муравейнику. Носы крючком, чёрные бороды и ноги с лёгкою кривизной преобладают в густой толпе кавалеров, с отвагой рисующихся

пред прекрасным полом, окаймляющим тесные дорожки парка, благовоспитанно восседая на бесконечных рядах наёмных стульев, вперемешку с отъявленными любезниками и с разными стариками, предающимися отдыху без всяких других затей. Часто случалось мне в долгие летние вечера, когда обстоятельства не позволяли покинуть опустелого города, сидя на этих стульях, убивать время, рассеянно глядя на гуляющую публику, но, признаться, всегда садился на них с чувством невольного опасения, после одной, на моих глазах случившейся катастрофы.

Нагулявшись однажды вдоволь, я стал искать свободного места для отдыха. Всё, что можно было окинуть глазом, было занято: порожними оказались только два стула возле какой-то порядочно одетой молодой девушки, не грешившей и личиком. Чтобы не возбудить в ней мысли, будто ишу нескромного сближения, я сел стулом дальше, оставив между нами, на моё счастье, пустое место. Говорю, на счастье моё, потому что мгновение спустя на деле увидел, от какой жалкой участи меня предохранила моя добродетель. Молодой, щёгольски разодетый господин, проходя медленным шагом, с нескрытым удовольствием остановил свой двойной лорнет на моей соседке. Желая продлить приятное впечатление, которое она имела счастье на него произвести, он сделал быстрый поворот с прямого пути, и грациозно раскинулся на стуле, стоявшем между мною и предметом его благосклонного внимания. Но едва коснулся он сидалища, как ноги его медленно стали отделяться от почвы, выписывая на воздухе движения, будто хозяин их собирается плыть на спине; в то же время я почувствовал, как рука его скользнула по моему локтю, и вслед за сим мой стул начал уходить из-под меня. Оглянувшись, я понял, в чём дело: спинка стула, на котором он уселся, так ловко склонилась долу под углом сорока пяти градусов, и сидок, судорожно уцепившись за оба соседних стула, балансировал телом и ногами, тщетно стараясь удержать потерянное равновесие. Общая, неотразимая опасность угрожала нам троим. Девушка, сидевшая слева, я справа, ради вашего обоюдного спасения, поднялись разом. Это завершило судьбу несчастливца. Красивыми лаковыми ботинками описав восходящую дугу, вместе со своим стулом рухнул он головой в кусты, не успев выпустить из оттопыренных рук и наших двух стульев. На несколько секунд его подошвы и дюжина

железных ножек обратились к горней синеве, будто грозили небесам, и только нехотя решились опуститься на траву, не чая удержать за собою поле победы.

Соседка закусила губы; супротив нас, в галерее зрителей раздался звонкий хохот; любопытные стали сбегаться; я сделал движение помочь соседу.

Не без труда выкарабкавшись из густого кустарника, обчистившись и расставив стулья по местам, фронт уселся, приговаривая, что всякое падение смешно, но что и парковая администрация обязана заботиться, чтобы гуляющие не ставили подобных ловушек, могущих, пожалуй, послужить поводом и к действительному несчастью. После того он скрылся не раскланявшись. Полагаю, не увидит его более аллея, ознаменовавшаяся для него такою горькою неудачей, а я с той поры в Штадтпарке не сажусь ни на один стул, не испытыв предварительно, тверда ли почва, в которую упираются его тоненькие ножки.

Богат парк цветами, пространный скат к нижнему саду алеет розами самых редких сортов, но небогат он красавицами в летнее время. В деревенской тишине, или под тенью загородных садов освежают они свои прелести, подготавливая себя на зимние подвиги, одни на паркету у княгини Ш., да у посланника Н., другие у Швендера и у Швота. Декорации разные, актёры разные, а пьеса, взглядишь, да прислушаешься, ведь разыгрывается одна и та же. В городе остались только служащие, да торговцы, да кому не на что нанять уголок в Бадене, в Фёслау, в Гицинге, в Дёблинге, да в Гейлигенштадте. Поэтому не весьма соблазнителен вид представительниц прекрасного пола в Штадтпарке: много отживших, рукой времени изборождённых обликов, много втуне истраченных белил и румян, горой взбитых не своих волос, чудовищных шиньонов. И ежели между ними мелькнёт хорошенькое девичье личико, так разве только для того, чтобы тем неприятнее напомнить о том, чего недостаёт большинству посетительниц, подобно тому как свежий весенний цветок посреди пожелтелых осенних листов, вместо приятного, произведёт одно безотрадное впечатление. Толпами, взявшись под руку, или возле своих неуклюжих супругов и отцов, гуляют барыни, желающие в полном блеске выказать себя и свой вычурный туалет; будто подряженные за дорогую плату, метут они дорожки своими длинными шлейфами,

и опять пыль ест глаза, и опять дым сигар, которыми вооружены сидящие и гуляющие кавалеры, щекочет ноздри, и скребёт горло. Немец ни на шаг, ни на одну минуту не расстанется с курительным снадобьем; полагаю, он слит с табачным соском во рту; на улице встречал я без сигары лишь сотого человека, а девяносто девять без всякого человеколюбия зажжёнными сигарами чудовищной длины так и целят встречному прямо в глаз. Одно средство уберечь зрачки – всегда иметь тросточку наготове для отвода глазам грозящих сигар. Чуть задумался, и не пеняй, коль очутился кривым.

А Фольксгартен, знаменитый Фольксгартен, в котором не менее знаменитый Штраус, кривляясь, дирижирует оркестром, куда собираются сливки налицо состоящего венского общества, куда в Вене прибывающих дипломатов влекут магнитная сила временем освящённой привычки, и какое-то тёмное предание, будто деревья там нашёптывают политические тайны, а фонарные столбы, оглянувшись, не подслушивает ли наёмный предатель, передают содержание шифрованных депеш, где можно, коли умеешь выбрать время, насладиться зрением видом всех действительных и всех подложных венских знаменитостей обоего пола. Разве он не в силах удовлетворить любому требованию ума, сердца и от летнего зноя изнемогающего тела? Чего в нём недостаёт – тени ли, красоты ли, пищи ли для слуха и для духа? Всего вдоволь. Пред ротондой восседают там, окружённые толпой поклонников красоты и всякого знатного имени, чванная княгиня Ш., и пышноплечая, чернобровая княгиня Ф.; не стесняясь столь аристократическим соседством, карими глазками манит полуувядшая прелестница Елиза Г., в дни страстной молодости не одного матушкина сынка направившая на путь воинской доблести в Мексику, и в ряды папских зуавов. По жёлтому песку скользит удивительно маленькая ножка известного государственного мужа, остряка, любезника, и поэта, отца австрийского дуализма, и зиждителя игривой политики всемирного умиротворения. От столика к столику шныряют величаво-глядающие «снобсы» всех мастей, и всех языков, утопая в счастии дышать одним воздухом и прислушиваться к тем же музыкальным звукам, которыми услаждают себя их поклонению предстоящие превосходительства, сиятельства и светлости, – в спокойном уголку поместившись, старые дипломаты

многозначительным шёпотом передают друг другу свои впечатления; – а за проволочную решёткой, отделяющую «избранных» от всего остального бескрейцерного люда, в глубине сада, под сению раскидистых каштанов, миловидные сирены неумолкаемо напевают сладкозвучный гимн любви и неги. Кажется бы и хорошо, а всё-таки желаешь чего-то другого. Все прелести Фольксгартена вас не удовлетворяют, неразгаданная внутренняя тоска раздирает вам душу, камень лежит на сердце. Нет, при таких условиях в городе оставаться нельзя, задохнёшься от пыли и от жара, пропадёшь от тоски.

А куда ехать?

За этим дело не станет. Коли сами не знаете, так следует обратиться с вопросом к любому доктору; он разом разрешит ваше сомнение. Наверное, вы чем-нибудь да страдаете: в наш многоболезненный век между людьми, судьбой не обречёнными тесать камень да утрамбовывать рельсовое полотно, нет совершенно здорового человека. Снаружи, или внутри, где-нибудь непременно проявляется у вас какое-либо болезненное ощущение: или желудок неисправно переваривает дневную пищу, или сверлит в голове, или тяжёлая скука и невыразимая тоска отравляют ваше бытие. Поэтому не задумываясь идите к доктору; он направит вас на путь спасения, указав, куда следует вам переместить ваше грешное тело для того, чтобы, не теряя дорогого времени на одно бесплодное созерцание красот загородной природы, вместе с тем подкрепит силы, потребные на зимний труд, когда общественное положение налагает на вас непрременную обязанность в поте лица отрабатывать разного рода вечера, балы, рауты, визиты и обеды.

Консультация начинается. В Вене дело стоит от пяти до двадцати гульденов, смотря по врачебной славе, которою пользуется консультант; никто не мешает однако вам заплатить и дороже, коли очень опасаетесь за ваше драгоценное здоровье или желаете дать подобающее понятие о достатке, которым судьба вас наградила.

В старину доктор прежде всего приступал к освидетельствованию языка и пульса. Современная наука отодвинула эти два фактора на задний план; теперь сначала постукивают и выслушивают.

– Ложитесь, говорит вам вопрошаемая медицинская знаменитость, – расстегните жилет, – а коли считает вас достойным особенного внимания, то прибавляет ещё: – обнажите грудь.

И вот, пальцами постукивая по рёбрам и по желудку, прислушиваясь к глухому звуку, который вызывают его удары, он начинает изучать погрешности вашего организма. Вам чудится, будто везде одинаково звучит, ничуть не бывало, опытом изощрённому уху его слышно то, чего вы никогда не услышите. Затвердение в кишках, желудочный катар, сердце опустилось, сердце расширилось, лёгкие нетронуты, печень страдает, приговаривает он в полголоса, чаще и сильнее постукивая в одном месте. И с напряжённым вниманием, не без некоторого беспокойства, прислушиваетесь вы к его изречениям; ведь дело идёт не о чужом сердце и не о чужих лёгких, а о сердце и о лёгких, без коих лично вам обойтись не легко; поэтому не удивительно, ежели вы сильно интересуетесь знать, в какой мере эти два фактора, да уже кстати и печень, с прочими принадлежностями, способны исполнять свою указную обязанность, и имеется ли надежда поправить изъянец, постигший их на горе вашему существованию.

Наконец вам позволяется покинуть лежащее положение и ваш туалет привести в порядок. Консультант, несколько подумав, объявляет решительный приговор:

– Вы страдаете хроническим катаром желудка, впрочем, здоровы; извольте ехать в Мариенбад, Крейцбрунел, дальнейшее узнаете от местного доктора, или:

– Затвердение в печени; Карлсбад, Шпрудель; будьте осторожны, Карлсбадом шутить нельзя; прошу без карлсбадского доктора ни шагу; я специально отрекомендую вас знаменитому З. или П.; будьте так добры завтра заехать за письмом.

Специальные рекомендации, бывают случаи, отличаются изумительно меткостью диагноза.

Одна русская госпожа, получив рекомендательное письмо от какой-то европейской медицинской знаменитости к пресловутому доктору на каких-то водах, движимая женским любопытством, распечатала послание, надеясь узнать из него истину насчёт своего здоровья, которое её очень озабочивало. Содержание письма было коротко и ясно. «Дорогой сотоварищ, – писал князь науки, – посылаю к тебе жирную и пушистую гусыню: посбавь ей жиру и пооборви пуху, в утешение ей, тебе и мне. Тебе преданный», и т. д. Надеюсь, сказанная госпожа поняла, чем она может услужить медицине, не теряя даже времени на скучное водолечение.

Преемники Эскулапа особенно не жалеют тратить своё драгоценное время на молодых и миловидных страдалец, со времени воцарения обязательной консультации. Желал бы я узнать, как тут справляются «стыдливые поклонницы пророка». В старину, бывало, толпой отправлялись они к гикиму-гяуру, произносившему свои приговоры на Майдане, при общем стечении правоверных, доверчиво протягивали ему руку, из-под личного покрывала высовывали язык, и не дожидаясь решения, обращались вспять, в полном убеждении, что одним этим незатейливым обрядом обреталось исцеление от всех телесных недугов. А теперь? Нет. Харам, харам! Закон не позволяет!

Доктор, к которому я обратился за советом, не принадлежал к числу высших знаменитостей, поэтому и приёмы его были проще, решения не так строго определительны. Познакомился я с ним в прошедшем году, когда, прибыв в Вену, на первых же порах занемог простудой от переменчивой погоды и от резкого ветра, составляющего одну из приятных особенностей венского климата.

– Вы пришли ко мне за советом, – сказал он, тряхнув волосами и усаживая меня против себя на мягком кресле, – поговоримте, поговоримте, знаю как отраднo каждому поговорить о том, что болит. В чём же дело?

Я рассказал всё, что чувствую.

– Ревматические боли, расстройство нервов, неправильное пищеварение – естественное последствие всего, что изволили пережить. В ваши года бывает и хуже. Полагаю, вы сами знаете, что радикальное излечение для вас невообразимо, и вы вправе искать только некоторого облегчения, при известных диетных и климатических условиях. В городе действительно душно, пыльно и скучно. Поезжайте в Дорнбах.

– Зачем? Что я там стану делать?

– Зачем? Вместо пыли и известковых частиц, которыми наполнена городская атмосфера, глотать чистый воздух. Поверьте, это очень полезно, несравненно полезнее наших микстур и порошков.

– Одного чистого воздуха, кажется, для меня недостаточно. Вы знаете что печень и желудок у меня не в порядке, надо же, пользуясь летним временем, сделать что-нибудь им в угоду.

Доктор мой подумал.

– Кажется, вы сказывали мне, что лечились уже в Карлсбаде, и что Карлсбад всегда вам доставлял облегчение.

– Совершенная правда.

– Так ступайте в Карлсбад. От хорошего лучшего не ищите. Кто ваш доктор там?

– Обхожусь без доктора. Следую наставлениям, которыми наделили меня такие и такие-то доктора. Тут насчитал я ряд известных имев.

– Совершенно правы не домогаться иных указаний; поступайте по принятому правилу, целее будете.

Был четвёртый час на исходе.

– Что вы это принарядились во фрак? – прощаясь, спросил меня доктор.

– От вас еду обедать в гостях.

– Как, и летом не перестают давать званые обеды? Вот что не совсем хорошо. Можно узнать, у кого обед?

– У каноника, прелата **.

– Это другое дело, ступайте без опасения. Прелатские обеды против гигиены никогда не грешат; к тому же прелат человек умный, не наведёт на вас скуки, вредной для пищеварения.

– Через несколько дней отправляюсь в Карлсбад. Спасибо за совет.

– А я желаю вам счастливого пути и возможного облегчения. Не забывайте только, что воду надо пить в меру, не более того, чем требует ваш желудок, который сам, без докторского указания, не замедлит отречься от вредного излишка, что необходимо бывает на воздухе, делать движение и более всего избегать раздражительных впечатлений. Всякого рода заботы и светскую суету покиньте в городе.

II.

Три дня спустя, не без толкотни и не без спора овладев местом, я сидел в жёлто-крашенном первоклассном вагоне курьерского поезда, имевшего обязанностью развозить живой товар из Вены, чрез Пассау, в Карлсбад, в Мюнхен, пожалуй, даже в Женеву, Париж и Лондон. Говорю товар, потому что едущий, с той минуты, как взял билет, обращается в безгласный тюк, по воле кондуктора перемещаемый из вагона в вагон, пока его не довезут до

назначенного места. К тому же в Австрии железнодорожные дирекции обладают благим правом – во всём и со всеми распоряжаться по одному собственному мудрому усмотрению, не подлежащему ни контролю, ни апелляции. Дело дирекции – набивать вагоны как можно туже товаром да пассажирами и по рельсам пускать их вдаль, ни за что не отвечая; пассажирам же в виде высшей милости дозволяется платить, жаться в вагонах, кряхтеть и уповать на Господа Бога. Доехали благополучно – тем лучше. Случилось несчастье – воля Господня, дирекция тут не при чём, она непогрешима и ни за какие утраты не вознаграждает. Сами пассажиры виноваты, коли натискались в вагоны, которым Провидение предназначало разбиться в дребезги. Да и совершенно глупо невесть какому странствующему субъекту – птице перелётной требовать, чтобы местные власти обращали особенное внимание на его тёмные права на спокойствие и на целостность костей. Дорогая компания, зарабатывающая дивиденды дорог, – капиталист оседлый, от них государство обретает осязаемую пользу; а на что годен весь остальной грошевый люд, разве только на то, чтобы трудовую лептой питать казну, или ненасытную утробу Вертгеймовской кассы какой-либо промышленной компании или биржевого счастливца, с которого, сверх всего, можно ещё стянуть добрый, увесистый куш за перерождение его в бароны, коли он не имел удовольствия с баронским достоинством уже явиться на свет.

Да и славные люди они, эти риттеры и крючконосые бароны; как великолепно украсили они Вену, как богато обстроили улицы – просто второй Париж, дома высокие, подпирают облака, от лепных украшений в глазах пестрит, решётки червонным золотом горят. Куда ни глянешь, все эрцгерцогские дворцы да высоко-вельможные палаццо: палаццо Шей, палаццо Кенигсвиртер, палаццо Тодеско, палаццо Зилберман, палаццо Гольдштейн. Скромно прислонился к своим гордым соседям дом графа Гоиоса. – Что? разве граф Гоиос также один из наших, einer von unsere Leute? спросил однажды провинциал своего единоверца, называвшего ему подряд одних соплеменных домовладельцев. – Нет, он только втёрся в нашу среду! – Как после того их не холить, не лелеять и, низко преклоняясь, не благоговеть пред этими, силой акций да облигаций завоевавшими Вену биржевыми династиями?

Ведь провозгласила же венская пресса, печатающая некролог в Париже скончавшегося Джемса Ротшильда, что могущественная династия Ротшильдов была основана Ансельмом I в таком и таком-то году. После этого на три шага отступаю, и даю дорогу каждому длинному, лоснящемуся галицийскому кафтану, из уважения к родоначальнику будущей династии, который – чем судьба не шутит – быть может, прячется под его масляными полами. А зародыш денежного могущества, как известно, носит в своей груди каждый потомок Ревекки и Авраама.

Раздался третий звонок, паровоз свистнул, и поезд медленно стал выдвигаться из-под стеклянного навеса станции, постепенно прибавляя ходу. Тут только очнулся я от суеты, крику и толкотни, которыми сопровождалось рассаживание пассажиров, и успел на досуге разглядеть, с кем мне суждено было в продолжении полусуток дышать одним спёртым вагонным воздухом. К счастью моему, я попал в отделение «для не курящих». Сам я курильщик, но перенести удушья пяти-шести сигар, дымящихся в тесном вагоне, не в силах, на такой подвиг способна одна избранная немецкая натура. Против меня покоился, оттопырив большие красные руки, толстоголовый, лысый господин, для развлечения перебиравший пухлыми перстами, на которых светились дорогие кольца. Холщёвое пальто закрывало его широкие плечи; увесистая золотая цепь лежала на пёстром жилете – значит, мой ближайший сосед принадлежал к семье скоронаживающихся поставщиков одной из первых жизненных, или военных, потребностей: зерна, кож, рогатой скотины, дров, кирпичей и подобных тому статей. Посреди раскинулись увесистые госпожи широких размеров, видимо, состоящие с ним в близком родстве – их вид, их яркоцветный путевой туалет и их говор свидетельствовали в пользу этого предположения. Далее, у противоположного окна одно место занимал чопорный сын Альбиона, углублённый в изучение назидательного содержания путевого указателя в красном переплёте, а против него гордо рисовался молодой поручик в мундире прусской гвардейской артиллерии, при сабле и с железным крестом на груди.

Несколько времени продолжалось глубокое молчание. Толстый господин тупо глядел на свои колесом ходившие персты; увесистые госпожи, блуждая глазами по углам вагона, будто ни-

чего не заслуживает их внимания, между тем до тонкости изучали своих сопутников; поручик был занят лацканами своего сюртука, которые то отстёгивал ради прохлады, то застёгивал, чтобы не лишиться вас удовольствия видеть привешенный к ним крест; Англичанин прилежно читал в указателе, а я смотрел из окна на мимо пробегавшие, кудрявым лесом покрытые, горы Винервальда и на красивые, садами и виллами окаймлённые деревни Вейдлингау, Пуркерсдорф и другие. В сотый раз проезжаю по этой дороге и всегда с новым удовольствием всматриваюсь в давно знакомые мне места, привлекающие меня не только красотой местоположения, но и множеством приятных, отчасти и грустных воспоминаний. Вейдлингау принадлежал честному, благородному, симпатичному графу М., – его нет более в живых; в Вейдлингау, в Пуркерсдорфе жила летом лорд Б. и леди Б. – они навсегда удалились из сих мест, к крайнему огорчению всех имевших счастье короче знать душевные качества, которыми отличались эти достойные представители высшего круга английского общества

Вагон качало во все стороны; длинная сабля прусского поручика прыгала по ногам против него сидевшего Англичанина. Не изменяя положения, в которое уселся с первого начала, молча и не отрывая глаз от книг, он одним движением руки, после каждого удара, просил её убрать подальше от своих ног. Поручик, с видом неудовольствия, укладывал саблю в сторону, находя, как кажется, неприличным удалить даже в вагон от своего бедра оружие, которым заработал себе широко на груди развешанный крест. Поражало его неприятным образом и то, что никто не приходил в умиление от чести в одном вагоне путешествовать с декорированным прусским воином, и не любопытствовал из собственных уст его узнать, в каком бою он заслужил такое отличие. Молчание, господствовавшее в вагоне, видимо, было ему не по сердцу. Наконец одна из налицо состоявших дам, обратившись к нему с вопросом, как понравилась ему Вена, освободила его из неприятного положения. Непрерывным током полилась его хвастливая речь. В полчаса мы узнали – кроме фамилии, однако, то, что он граф, что отец его генерал, что крестом награждён за Седан, что состоит при наследном принце, что возвращается из Италии, куда ездил по очень важному поручению, и, наконец, что

в Вене подвергся весьма чувствительной неприятности, внушившей ему подвое отвращение к Австрии, к Вене и ко всему австрийскому.

Некий шальной Француз, бывший вольным стрелком в какой-то бир-галле, покусился сорвать с него крест – факт, о котором газеты не умолчали – он же выхватил саблю и непременно изрубил бы своего противника, ежели бы присутствовавшие венские бюргеры его не остановили.

Эти же бюргеры арестовали Француза и отвели его в полицию, но рубить не позволили, объявив поручику, что в Австрии подобного рода расправа законом воспрещена и он несмотря на свой мундир настолько же обязан ему повиноваться, сколько и Француз, который ни в каком случае не уйдёт от наказания за нарушение общественного порядка и за посягательство его оскорбить.

– Но на что же похоже заслонить собой негодяя, имевшего дерзость коснуться до моего креста, когда я готов был размозжить ему голову, и после того рассказывать мне сказки о законе и о каких-то равных правах. Докажу я этим венским бюргерам, какие мои права. Поверну я дело по-своему. Не по австрийским законам станут судить Француза, его обязаны выдать прусскому правительству, а у нас, клянусь честью, его расстреляют.

Госпожи, слушая рассказ поручика, только вздыхали да обливались крупным потом, не то от страха за участь бедного, шального Француза, не то от духоты, господствовавшей в вагоне.

Толстоголовый Немец, слушавший вытараща глаза, с выражением глубочайшего тупоумия, подобострастно поддакивал поручику.

Англичанин, после каждой кровожадной выходки рассказчика, вглядывался в него с видом крайнего недоумения, будто желая дознаться, сам ли верит он в своё враньё или просто врёт ради эффекта, после чего опять углублялся в чтение книги, доставлявшей ему удовольствие знакомиться с достопримечательностями городов и местечек, мимо которых нас пронесил быстролётный паровоз.

Несколько раз поручик во время своего повествования, не понимая почему, обращался ко мне с вопрошающим взглядом, на который я не отвечал ни словом, ни знаком одобрения или отри-

чания. Не в спор же мне было вступать с молодым, едва оперившимся птенцом. Молод, хвастлив, глупенек, подумал я про себя, поживёшь с моё и станешь иначе рассуждать, коли природой или воспитанием не обречён по гроб оставаться дитёй. И никакого внимания не заслуживала бы твоя болтовня, когда бы, к несчастью, в ней не слышался отголосок самонадеянного властолюбия, обуявшего целый народ, недавно ещё слывший образцом завидной умеренности. Куда девалась теперь эта умеренность? Она потонула в кровавых волнах неожиданно громких боевых успехов, поразивших ослеплением не только толпу, но и мыслителей, и немалое число дотоле столь рассудительных политиков.

Скромны были первоначальные желания всегда тяжёлых, угловатых, шероховатых, но во время оно ещё весьма непритязательных Германцев. Домогались они отмены Меттернихом и клеветом его, продажным Генцом, учреждённой над ними велемудрой полицейской опеки да соединения разрозненных обломков немецкой народности под сению одного знамени и одного общего закона. Ничто не могло быть скромнее и справедливее стремления к этой цели, обещавшей упрочить государственную безопасность и способствовать безвозбранному развитию народного благосостояния. Но политический склад покойного Германского Союза не допускал осуществления подобной мысли; личные интересы мелких обладателей народа и земли постоянно тому противились; не только говорить и писать, думать об объединении Германии было запрещено и ставилось наравне с государственною изменой. В тысячу восемьсот сорок восьмом году Немцы сделали было попытку путём революции водворить у себя желаемый порядок. За дело взялись они не с головы, а с хвоста: зверь обернулся и загрыз их. Попытка естественным образом не удалась; теориями вооружённые политические мечтатели и вместе с ними напрактикованные революционеры, обратившие революцию в доходное для себя ремесло, как прах разлетелись пред организованною силой штыка и пушки. Обманщиков и обманутых подвели под одного знаменателя, оковали новыми стеснительными законами и погрузили Германию в прежнюю сладкую дремоту. Для наполнения свободного времени, чтоб отвлечь внимание от опасной игры в баррикады, Немцам в некоторой степени однако развязали язык и позволили под наблюдением полиции

собираться и, сколько душа пожелает, петь, стрелять и кувираться; но все забавы опостылили им; ежели они держали длинные речи, пели, стреляли и предавались прыганью, то это делалось только ради будущего блаженства; все помыслы их, все душевные желания сосредоточились в одной мечте: создать единую, большую, сильную Германию; во сне и наяву им только и грезилось чёрно-красно-золотое знамя.

Тем временем бразды правления в одном немецком государстве, издавна поставившем военное честолюбие в основание своего строя, попали в руки человека, соединявшего в себе три завидных качества: проницательный ум, несокрушимую волю и полное отсутствие ум и волю стесняющих предрассудков. Разом понял он ту огромную пользу, которую положение его позволяло ему извлечь из немецкой народной идеи для честолюбивых видов своего правительства, для собственного властолюбия и для выгодной постановки сословной партии, к которой он принадлежал по происхождению. Государство располагало притом многочисленной, отлично организованной армией. Столько сильных пружин, кстати в дело употреблённых, обещали несомненный успех; а наш государственный механик знал, как совладать с ними; умел терпеливо выжидать, морочить простаков, хитрецов запутывать в их собственные сети и, когда требовалось, безжалостно разить со всего плеча.

Внутреннее сопротивление его не пугало; два-три метких удара языком да штыком должны были опрокинуть ветхое здание разномысленного Союза, которого все связи давно уже были расшатаны общественным мнением. Рычагом служила идея национального объединения. Опасался он только одного соседнего иноязычного государства, которое имело положительный интерес, да и силу, пойти наперерез его замыслам; могущество этого строптивного соседа надо было сокрушить во что бы ни стало, и наверняка, не вдаваясь в рискованную игру нерассчитанных случайностей. Во главе оного государства находился хитрец, второй уже десяток годов пред озадаченною Европой в лицах разыгрывавший пословицу – «на то щука в море, чтобы карась не дремал». Пригляделся немецкий политик к ловкому хитрецу и тотчас узнал в нём не зубастую щуку, а простого карася, по жабры засевшего в болоте обмана. Добыча не могла уйти от ловца. Удер-

жался он, однако, от прямого налёта – показалось небезопасным, а пошёл на неё дальним, обходным, верно рассчитанным путём, чрез Дюппель, Алзен и Садовую. Заклятые противники его, не ведая, что творят, расчищали ему дорогу, битые враги обращались в покорные орудия, а обманутый, со всех сторон обойдённый карась сам полез на приманку.

Седан сокрушил на неправде основанную власть; целый ряд других неслыханных побед низвергнул самолюбивый, легкомысленный, заблуждениями упитанный, но при всём том грозный ещё народ в бездну несчастья и унижения. Не жалея ни чужих, ни своих, великий деятель чрез пылающие развалины, чрез потоки крови и слёз, провёл своего государя к ступеням желанного императорского престола.

Германия едина, велика, сильна, победоносна; миллиарды приливают; знамя одно – только золотую полосу заменили белой; все немецкие головы прикрыты одного рисунка островерхим шишаком; много поручиков с железными крестами; несколько дипломатов и консулов без места; в Готском календаре прибыло полку, один граф да один князь.

Кажется, чего больше остаётся ещё желать? – идеал достигнут, надевай, Германия, ночной колпак и ложись отдыхать на лаврах.

Но будет ли так? Силы развернулись, честолюбие разыгралось, им нужна пища. Французы не забиты ещё в конец, могут на ноги подняться; да, кроме того, близёхонько, руку стоит протянуть, какие-то «интересные» национальности позволяют себе шевелиться, дерзая не признавать безусловно над собою немецкого господства.

Чем же должно кончиться? – Чем?..

«Пассау, Пассау, ревизия ручного багажа!» – раздалось над моим ухом; замок щёлкнул, дверцы вагона растворились.

Вдали слышались громовые удары, сверкала молния, крупный дождь хлестал в открытые дверцы, в ночной тьме замирал острый свист остановившегося локомотива. Поручик с железным крестом чрез мои колени, не забыв, однако, ударить по ним железными ножнами своей сабли, ловко выпрыгнул. Увесистые госпожи собирали свои картоны, мешки, сумки, да мешочки. Полусонный, не совсем ещё очнувшись, полез я из вагона.

III.

Из всех вагонов, полусонные, шатаясь на все стороны, высаживая дам и поправляя им за ступени цеплявшиеся юбки, толкая соседей в бока зонтиками и мешками, бородатые и безбородые, молодые и седоватые кавалеры, вместе со своими спутницами, плелась вдоль скудно освещённого навеса ко входу на станцию. В дверях, поставленных под надзор полдюжины представителей австрийского таможенного ведомства, наблюдавших здесь невесту за каким делом, теснота и давка. Каждый старается проложить себе силой дорогу сквозь плотную фалангу впереди идущих, будто, опоздай он секундой, так его блюститель таможенного права прямо за воротник да и потянет к ответу за глупую неспешность. Дамы, которым безжалостно рвут и мнут оттопыренные платья, вспикивают; у кое-каких бороδοносцев вырывается недосказанное бранное слово. По длинному, почти не освещённому коридору проходят в пассажирские залы. В первой, заваленной уже ручным багажом всех величин и всевозможных видов, от простой корзины до щёгольского красного юфтенного чемоданчика, с блестящими бронзовыми наугольниками и патентованным замком, тускло горит один газовый огонёк. В полумраке, сгруппированные посемейно, или как случай свёл, сидят пассажиры, преимущественно из дальних стран, не благоденствующих под немецким скипетром, по причине полуночного времени не чувствующие поползновения на питья и на яства, которые в смежной, длинной, ярко освещённой зале хлопотливо разносят две плотные, краснолицые Баварки и хромоногий кельнер в засаленном длиннополом фраке. Он же кассир, *Zahlkellner*, личность, исключительно присущая в немецких гостиницах и при немецких буфетах. Кроме него никто не имеет право получать деньги от гостей. От этого скорая расплата делается невообразимо трудною операцией, постоянно сопровождаемою криком, спорами и бранью.

«Платить! платить!» – раздаётся со всех концов залы. Кельнер как угорелый мечется то в одну, то в другую сторону; кричат: «не хотите брать денег, так уеду не заплатив, ведь не прозевать же мне поезда из-за ваших крейцеров»; кто суёт деньги девушке в руки, а та не берёт. Забряцал звонок, раз, два, кондуктор громогласно возвещает направление отходящего поезда, пассажиры засуетились, забирают мешки, а кельнер продолжает бегать, глазами

отыскивать незаплативших, кричать и махать руками. Иному пассажиру это и на руку, но другой ведь не расположен отяготить своей совестью кружкой пива или недожаренным шницелем. К тому примите ещё в соображение равноценность монеты, перекладку австрийских на баварские крейцеры, талеров на гульден, и вы составите себе понятие о суматохе, сопровождающей отбытие из ресторационной залы толпы пассажиров, из коих половина не в состоянии объясниться на немецком диалекте и расплачивается монетой со всех дененных рынков земного шара. На узловых станциях эта сцена повторяется в течении суток раз десять, потому что Немцы, не в укор будь им сказано, в дороге страдают уму непостижимым голодом и едят и льют днём и ночью, не пропуская ни одного буфета, ни одной выставки пива и колбасок, где не имеется горячего.

И для нас наконец прозвонили давно желанный отъезд. Регенсбург, Швандорф, Нюрнберг, Эгер-Гоф, протяжно проголосил кондуктор, и вслед за его возгласом поднялась такая кутерьма, какой ещё не видывал, хотя на своём веку имел случай потолкаться по железнодорожным станциям всех европейских стран. Пока мы дремали в пассажирских залах, а счастливые владельцы немецких желудков, насколько требовала душа до ближайшего буфета, справлялись с душистыми соусами, с кофеем и с кружками пенистого пива, осмотрели сундуки и чемоданы, что до меня не касалось, потому что, благодаря своему направлению из Австрии да в Австрию, мой сундучок спокойно отдыхал в запломбированном, баварском таможенным аргусам недоступном, вагоне. На ручном багаже, которого никто не думал повясть, при входе ещё в залу были положены меловые кресты, означавшие: всё, дескать, в порядке, контрабанды не имеется; поэтому для вступления на баварскую территорию законного препятствия не существовало, и пассажиры не замедлили воспользоваться этим правом. Разом вся толпа хлынула к выходу и в тесных дверях спёрлась – ни тпру, ни ну.

Попало в тиски и моё грешное тело. В двух шагах от меня, гляжу, дама, не из числа одарённых роскошными формами, напрасно извивая свою гибкую талию, старается высвободить её из угловатых объятий двух или трёх чемоданчиков с оковкой.

Взгляды наши встретились.

– Графиня?

Она вскинула глаза к небесам. – Как? и вы здесь? Как хорошо в Т., рай земной! Много поклонов вам от ...

Сзади дружно подтолкнули, и мы вылетели из дверей, она налево, я направо, и навеки скрылась графиня от моих на мгновение очарованных взоров.

За дверьми другая картина: бесконечный ряд вагонов с расворенными дверцами под напором всеобщего приступа. Передовые захватили внутреннее пространство и защищают его противу натиска новых пришлецов. Все выгоды позиции на стороне обороняющихся, атакующие, однако, не унывают и храбро лезут на приступ.

Нет места! все места заняты! голоса из глубины вагонов; груди, не привыкшие уступать, юбки, не допускающие мысли прикосновения заслоняют зевающие бреши, не сомкнутые ещё рукой всемогущего кондуктора.

Им отвечают градом мешков, зонтиков и туго свёрнутых, ремнём перетянутых пледов.

– Первого класса? – второго класса? есть ещё место, вот здесь, скорее извольте садиться, – кричат кондукторы, один в голове, другой в хвосте поезда.

На поезде в семьдесят осей их всего двое; немецкие железнодорожные дирекции умеют соблюдать экономию.

Пассажиры, спотыкаясь, роняя кладь, бегут на голос кондуктора, и опять их отгоняют, – решительно нет места, битком набито, не на колени же вас сажать. В вагонах и около них так темно, что и разглядеть нельзя, правду ли говорят или лгут для того, чтобы на ночь иметь более простору.

Пред станцией, ходил высокий толстый Баварец, станционный повелитель. К нему бросились пассажиры, не находившие, где поместиться, все почти первоклассные, с требованием, чтобы для них прицепили лишний вагон.

Баварец и слушать не хотел. – Восемь человек в купе, и с этим баста! – заревел он на них густым басом.

– А когда восемь уже сидят, девятого не поместить. Куда же прикажите деваться, когда кондукторы не в состоянии указать место; мы вправе требовать, чтобы прибавили вагон.

– Восемь человек в купе, и с этим баста! – проревел он вторично. Баварец чувствовал всю важность свою как повелитель и как победитель.

Раздался третий звонок, а с полдюжины пассажиров, в том числе и я, всё ещё бегали от вагона к вагону, повсюду отвергнутые более счастливыми путешественниками. Неожиданно кондуктор схватил меня под локти и втолкнул в купе, на котором красовалась цифра I, швырнув кому-то под ноги мой дорожный мешок.

Красивая молодая женщина, с распущенною косой, перегородила мне дорогу, без того баррикадованную парой длинных ног в светло-серых панталонах; но в то же мгновение дверцы захлопнулись, замок щёлкнул и, повинувшись трубному гласу, поезд быстро покатился, постукивая по переводным рельсам.

Остались мы в нашем первоначальном положении: я, прислонившись спиной к дверцам, молодая дама с отталкивающими руками, плотно предо мной.

– Понимаю, – сказал я по-французски, – как вам должно быть неприятно появление среди ночи незнакомого гостя, но если вы, милостивая государыня, не чувствуете себя в силах превозмочь ваше негодование, то, прошу, сердитесь не на меня, а на кондуктора. Он, он один всему причиной, а его воля стоит выше наших желаний.

По мере того как развивалась моя речь, дама отступала, а светло-серые ноги отодвигались в сторону.

Я уселся в уголку; свободными оставались ещё три места.

Дама успокоилась, оглядела меня, и потом, поправляя платье, улеглась в противоположном конце. Выразительное, ещё очень свежее лицо не было лишено приятности, длинная, тёмно-русая коса составляла непосредственную принадлежность её головки, на мгновение из-под платья выглянувшая ножка была мала. Насупротив неё, свернувшись клубком, лежала прехорошенькая девочка лет четырнадцати, и одним глазком, из-под беленькой, через голову перекинутой ручки, плутовато глядела на меня, новоприбывшего спутника. Кажется, её очень забавляла сцена моего объяснения с маменькой – она готова была громко рассмеяться, но как благовоспитанное дитя удержалась, потянувшись только, зевнула, и поворотилась лицом к спинке дивана.

Длинные ноги в светло-серых панталонах принадлежали высокому усачу. Против него сидел лысый господин также с поря дочными усами. Говорили они промеж себя по-французски, но несмотря на слабый свет лампы, прикрытой синим шёлковым экраном, разглядел и расслышал я, что судьба меня свела с Венгерцами, от которых нечего опасаться невежливости. Высокий усач счёл даже приличным сказать мне несколько слов в оправдание негостеприимной встречи со стороны своей супруги, и помог мне уложить в более безопасное место мой, под ноги ему брошенный, мешок.

В вагоне случай сводить с разного рода людьми, и не с каждым из них одинаково приятно разделять принуждённо-близкое соседство. Французская поговорка: «*tous les gens comme il faut sont de la même nation*», т. е. «одного склада», справедлива только в половину. Во-первых, надо с точностью определить, кого следует разумеать под названием «*homme comme il faut*» – человека ли одетого по требованию господствующей моды, подёрнутого наружным лоском условных светских приёмов, по имени принадлежащего к верхним слоям людского общества, или только истинно просвещённого и благовоспитанного человека. Да и самая благовоспитанность обнаруживается не одинаково приятным образом в отношении к незнакомцу, отзываясь более или менее основными свойствами народного характера.

В вагоне, встречаясь с чужим человеком на короткие часы, для того чтобы потом расстаться навсегда, нечего углубляться в исследование его скрытых умственных и сердечных качеств; важно знать, будет ли он для вас удобным или беспокойным, приятным или неприятным соседом на то время которое, по высшей воле кондуктора, вы принуждены с ним разделять, помещаясь в самом тесно-рассчитанном пространстве. Много странствуя по странам, изборождённым рельсовыми путями, я привык тотчас же узнавать, с кем сижу, и к какому сословию, к какой народности принадлежат мои спутники, прежде, чем ещё они заговорили. Не только одни физиономии, но и покррой платья, телодвижения, усаживание, раскладка багажа, должны быть приняты в число пояснительных пунктов.

Французы, Италияыцы с первого начала вежливы и даже внимательны к незнакомцу. Русские и Венгерцы в этом отношении

подходят к ним ближе других. Англичанин холоден, формалист, бережёт своё собственное, да и не затрагивает чужого достоинства, и когда в незнакомце открыл собрата по воспитанию и по светскому положению, в таком случае сбрасывает свою ледяную броню и становится спутником, какого лучше нечего желать. Нельзя то же самое сказать о Немце. В вагоне, на станции, на улице, в кофейной, Немец-работник и Немец представитель учёности и интеллигенции одинаково бесцеремонно будут вам пускать в лицо дым от своих вонючих сигар, вас толкать в бока, и не извиняясь, ходить по вашим ногам. Никогда он не посторонится, даже для женщины, никогда не даст дорогу, а тяжёлым шагом идёт напролом, считая несовместным с достоинством немецкого человека кому-либо уступить место.

Высородный Немец, пожалуй, и не станет толкаться, но зато незнакомца он всегда готов в землю затоптать своим высокомерием. В его понятиях особа немецкого рода, записанная в Готском календаре, стоит на такой высоте, до которой никакая иноязычная знаменитость не может достигнуть во веки веков. Не советую незнакомому человеку обратиться к нему с вопросом или с просьбой – он не удостоит его ни малейшего внимания или ответить в высшей степени необязательно, в недобрый час даже очень грубо.

Существуют исключения, не каждый, однако, имеет счастье с ними встречаться.

Но хуже всего наделён тот, кому соседом на долю выпал Еврей-миллионер, особенно из молодых, заклеимённым баронским титулом. Пропитанный тщеславием от ног до головы, он крикливо и суетливо начальничает во всю дорогу с целью внушить вам высокое понятие о своём богатстве, о своей «noblesse», и под конец делается положительно неприятным, ежели вы не расположены обратить на него ваше особенное внимание.

Берегитесь также Молдавана, хотя бы он признавал себя князем или графом – титулы в Молдавии ни почём – закурит он вас не хуже любого немецкого доктора, и, сверх того, полчаса после первого знакомства величая «mon ami», свою хвастливую и немолкаемую болтовнёй доведёт до совершенного отчаяния.

Трикраты блажен, кому за кстати из кошелька урвавшийся гульден или звонкий талер далось счастье успокоить свою душу в пустом купе, где он один и сам себе господин.

Считающий за собой лишние гульденy и талеры всегда вправе надеяться на благосклонность непреклонного рока – у которого, как видно, сердце не камень.

Хорошенькая девочка спала детски спокойным сном; маменька прилагала весьма похвальное старание уснуть, но, видимо, не успевала в этом благом деле. Толчки и забота о дочери ей мешали; по временам она взглядывала на неё и протягивала руку, чтобы поправить платьице или пледом прикрыть ножки у спящей. Высокий усач в полголоса, по-французски, рассказывал низенькому, лысому усачу свои похождения, где бы вы думали? – в Крыму, в то время, когда судьба нас карала за наши прошедшие грехи.

Что за наказание! От Вены до Пассау в моих ушах только и звенели Шпихерн, Гравелотта да Седан; а от Пассау до ... глотай для русского вкуса далеко не лакомые пряники: Альму, Керчь, Инкерман, Камыш. Разве кроме вечной резни у людей нет другого интереса, ни у себя дома, ни в дороге. Да пожалейте же меня, господин Венгерец с длинными усами, ведь я еду в Карлсбад, Шпруделем размывать затвердение в печени, а для этого жизнеспасительного дела необходимо полное душевное спокойствие.

Кто бы, однако, мог быть усатый незнакомец, стал я придумывать, закрыв глаза и откинув голову назад. Генерал Т... – засветилось в моей памяти – и я не ошибся.

Много рассказывал он про холод, про голод, про дурные дороги, про неурядицу будто бы царившую в нашей земле, но когда он коснулся до моего свояка, русского солдата, как рублём подарил меня умница Т... От сердца камень отвалило. Готов был протянуть руку и сказать: правы, правы, господин многоопытный генерал, да удержался – пускай, мол, продолжает говорить – послушаю; а то с первого начала хотелось было уши заткнуть.

– При таких трудных обстоятельствах было нам ещё возиться с русскою обороной. Видали ли вы русское войско в деле? Нет? Так прошу не судить о нём опрометчиво. Храбры все – Французы, Немцы и Италиянцы, но русской стойкости они не имеют. Севастополь нам это ясно доказал. Работали одиннадцать месяцев, да с какими огромными средствами, да сколько народу уложили, да сколько денег издержали, а что заработали – груду развалин.

– Зачем не пошли вы дальше?

– Куда и для чего? Чтобы завоевать пустыню – русские всё бы сожгли и уничтожили – и при первой неудаче, в ней навеки сложить свои собственные кости. Слуга покорный – «le jeu ne vaut pas la chandelle!». Скажу вам, граф (Ага! Низенький усач был венгерский граф). Пускай газетишки трубят про бессилие России и натравливают на неё глупый народ; пускай, рассчитывая на богатую жатву для своего жалкого честолюбия, близорукие сабленосцы хвастливо вызывают её на бой – это нашему делу в подспоре, а нам самим всегда надо помнить, что Россию можно обойти только хитростью, а силой её не доймёшь. Можно её по окраинам слегка пощипать, при счастии даже армию разбить раз, другой, но принудить её покориться воле победителя – дело невозможное; разве двинуть против неё всю остальную Европу, да чем станешь кормиться в бесконечных русских степях, не траву же есть; варвары и ту, пожалуй, выжгут. Теперь обратимся к другой стороне того же самого вопроса, к нашим домочадцам и ближайшим соседям, не перестающим ожидать своего искупления от России, хотя в сущности Россия до сей поры не подавала им никакой положительной надежды. Ведь мы принуждены церемониться с нашими милыми Славянами, и терпеливо выносить их строптивое сопротивление только потому, что под боком Россия, а пред нею должны преклоняться, потому что Славяне за плечами. Прежде всего надо вогнать добрый клин в это огромное славянское дерево, раздвоить его навеки, тогда и с Россией можно будет потягаться, сделать попытку отодвинуть её подальше от себя. Дело сбыточное. Почаще только нашёптывай в России, кому следует, что все Славяне до костей проникнуты духом неповиновения, а Славян пугай русским кнутом, да на деле докажи им, что не от России, а совершенно от другой силы зависит признать за ними право самобытного существования или стереть их с лица земли. Не со вчерашнего дня люди ума дальновидного занялись этим вопросом, потому что они хорошо понимают, какой пирог для них испечётся, когда двадцати двум миллионам этих коршунов удастся свить себе тёплое гнёздышко под крылом у русского орла. Зубы поломаешь, Желудок не переварит такого полновесного блюда. Я знаю... успех верен... Железная воля... изворотливый ум нашего...

Последних слов я не дослышал; глубокий, спокойный сон сомкнул мои веки. Отрадно мне было сознавать, что Русские в силах за себя постоять. С другой стороны, хотя с грустью в сердце, но не краснея за своих, мог я мысленно перенестись к тому времени, о котором вспоминал Венгерец. Много, много погрешили мы тогда пред Богом, пред царём и пред людьми, но помину не будь нашим старым грехам; кровью своею искупили их сева-стопольские бойцы за русскую честь. Поэтому станем их помнить и почитать, и научим наших детей и внуков жить и умирать с тою же безусловною преданностью царю и отечеству.

Яркий луч утреннего солнца меня разбудил. В вагоне я оказался один; оба усаха и красавицы мои исчезли, где? – было мне неизвестно; а полагаю, в Швандорфе, откуда пути расходятся в разные стороны. Поезд подходил к Эгеру.

На Эгерской железнодорожной станции повторилось то же самое, что несколько раз в сутки повторяется на всех станциях. После получасового ожидания нас усадили в вагоны, с иголки, и медленно повезли по недавно открытому, вполне не достроенному пути. Местами страшно было глядеть, с какою смелостью мы скользили по высоким дамбам над земляными обвалами, размытыми весенним разливом реки Эгер.

Но пора бросить якорь – берег показался; из-за высокой лесистой горы проглянул длинный ряд красивых домиков, в которых год из году, меняясь почти еженедельно, гнездятся бесчисленные стаи перелётных посетителей карлсбадских целебных источников.

Поспешно собрав свои дорожные пожитки, я сел в коляску и со станции поехал в город отыскивать квартиру; дело нелёгкое, когда посреди лета Карлсбад переполнен иностранцами, налетевшими со всех концов земного шара, с севера, с юга, от берегов Нила и Волги, Невы и Ганга, из-за Океана, да из таких мест, о которых ведомо лишь учейшему географу, а мне, малоучке, и слышать не приводилось. Высокие дома унизаны жильцами с низу до верху, и надо родиться под счастливою звездой, чтобы, заранее не обеспечив себя, можно было отыскать хотя бы самое неприхотливое помещение. Люди богатые задолго до своего прибытия списываются с домохозяевами или извещают их по телеграфу о времени приезда, чем и налагают на себя приятную обязанность платить за квартиру вдвое дороже обыкновенной

цены, за которую привыкли её сдавать; мне же скучная начинка моего скромного кошелька не позволяла подобным образом роскошничать. Поэтому, сложив вещи в гостинице «Кёниг фон Ганновер» – карлсбадская трактирная жизнь мне не по сердцу, – не мешкая отправился я в поте лица добывать для себя скромный уголок в первом частном доме. Долго бродил я по городскому низовью, напрасно отыскивая глазами ярлычка на дверях с надписью «отдаются комнаты», потом стал подниматься в гору, на Шлосберг, и только очень высоко, выше чего одни лесные великаны манили под свою густую тень, на улице, помеченной «Гиршеншпрунг-штрассе», мне удалось найти чистенькую комнатку, в которой и устроил своё пребывание.

В Карлсбаде соблюдается обычай рано вставать; в начале шестого чающие движения воды начинают уже появляться у разных источников. Первые лучи утреннего солнца, озарившие на восток обращённые окна моей комнатки, меня разбудили; я взглянул на свет Божий и ахнул от удовольствия. Чудный вид представился моим обрадованным глазам: глубоко внизу городок, покрытый прозрачною пеленой раннего тумана, предо мной на полускате ярко освещённые верхи из тёмного гранита узорчато высеченной католической церкви, около которой светлоокрашенные дома и домики толпились, как весёлые внучата около задумчиво на них глядящего маститого деда; далее волнистые очерки гор, покрытых густым зелёным лесом – всё свежо, ясно, покойно и отрадно.

Через полчаса, послушный докторскому велению, я спускался уже по каменным ступенькам от моей улицы к Шлосбрунну. Длинная нить водопиип, словно гуси, мерно шагавших один за другим, с фарфоровыми и стеклянными кружками в руках или через плечо на жёлтых ремнях, спускаясь по мощёному склону от парка к ротонде, на дне которой маленькие девочки в алых рубашках Гарибальди разливали воду источника. В двух шагах от схода к колодцу стоял блюститель порядка, давно знакомая мне полицейская фигура; в длинном чёрном сюртуке и военной шапке, облокотившись на толстую камышовую трость. Пасмурным, испытующим оком оглядывал он мимопроходивших, дабы уважение они возымели ко вручённой ему власти в порядке и в должном повиновении держать это разноязычное стадо. На пло-

щадке, примыкавшей к ротонде и от которой многоступенная каменная лестница, осенённая двумя рядами стриженных лип, спускалась к Марктплацу, по-прежнему стоял небольшой столик, принадлежавший торговке козьим молоком.

Мы были старинные знакомые с этою благодетельною женщиной, и в прежние времена избавлявшею меня от скучной гусиной прогулки за водой. Слегка коснулся я до её плеча; она обернулась, узнала меня, приветливо кивнула головой, взяла мой стакан и тотчас, помимо очередующихся господ, нырнула в глубину ротонды. При первом движении её блюстителъ равноправия повернул голову в противную сторону и, прищурясь, стал смотреть в гору, будто какое-то необычайное обстоятельство потребовало от него обратить туда зоркость его полицейского глаза. Поворотил он снова свой лик к источнику, когда кружка, налитая целительною влагой, находилась уже в моих руках; значит, никакого нарушения порядка у него на глазах не происходило, он ничего запрещённого не видал и поэтому правым оставался пред своею совестью, пред законом и пред начальством. Благодаря такому простому маневру несколько посетителей Шлосбрунна, не скупившихся на магарыч, в два или три гульдена, молодой торговке, всегда выпивали назначенное число кружек в определённые промежутки, не подвергаясь по целым часам приятному хождению в ногу со товарищи.

Возле Марктбрунна и возле Мюлбрунна, куда я сходил поглядеть, нет ли между приезжими знакомых лиц, публика кишмя кипела так неугомонно пёстро, что ничего не разберёшь, и в толпе, пока глаз не приглядится, и самого короткого приятеля не признаешь. Не в одну, а уже в две шеренги, рядами, медленно передвигая ноги, шли здесь леди и джентльмены к водопою; им наперерез подвигалась другая непрерывная цепь страдальцев и страдалиц, направлявшихся к медицинскому оракулу, с приличною важностью восседавшему несколько в стороне от источника.

Подходящие поочерёдно наклонялись к преемнику Эскулапа, шептали ему что-то на ухо и с подобострастным видом ждали приговора.

«Прибавьте кружку Шпруделя», «убавьте полкружки Мюлбрунна», «сами виноваты, не послушались», «прошу, поменьше вина», «Гислибелю стакан-другой всегда полезно», — долетало до слуха публики.

Возле Шпруделя ещё несравненно больше народу, толпа гуще, только тут рядами не ходят. Колодезь круглый, со всех сторон можно подойти, и пять или шесть юных девиц безостановочно черпают дымящийся кипяток и разливают его в подставленные кружки под звуки музыки, начинающей каждое утро играть около Шпруделя, после чего музыканты переходят к Мюлбрунну, чтоб усладить слух и тамошней публики.

Пока я обходил источники, часы на католической церкви прозвонили восемь раз; со старинной башни на Шлосберге повторился звон, и публика волной хлынула вдоль Алте-Визе. Настало время завтрака. По дороге дамы и кавалеры заходили на Визе в разные пекарни запастись печеньем для кофея и продолжали путь, отягощённые белыми, голубыми и розовыми бумажными мешочками. В пекарнях горы сухарей и сдобных булочек всевозможных видов и названий мгновенно исчезали под руками голодной публики, спешившей наполнить свои желудки кое-чем посытнее и повкуснее тёплой водицы, которою они наливались с раннего утра. Люди постарше, потяжелее и вообще все неохотники до дальних прогулок, отделялись от ярых ходоков и, рассудительно выбирая места, усаживались под тенью деревьев за столики, выставленные пред «Золотою короной» и пред «Слоном». Затем раздавалось:

– Берта! Фанни! Мари! мой кофе! порцию шоколаду! пару яиц.

И Берта, Фанни и Мари летели накрывать красными салфетками столики, на которых вслед за тем с быстротой мысли являлся потребованный завтрак. Отлично вышколены и удивительно быстроноги карлсбадские кофейные фрейлины, грешно было бы жаловаться на них; в запуски с воробьями, подбирающими крохи, порхают они от столика к столику – никого не забудут, никого не обнесут.

Пошёл я к *Слону* почтение отдать фрау фон Мюллер – мадамой не смей назвать в Австрии последнюю мелочную торговку, и та в обиду примет – сказаться ей о своём приезде и для почину выпить у неё мою первую чашку кофею. Такой в Карлбаде соблюдается порядок, где фрау фон Мюллер занимает самое видное положение и вправе требовать от прибывающих соблюдения должного уважения к своей почётной особе. Много лет тому назад, когда я в первый раз заглянул в Карлсбад, проживал в нём

знакомый мне русский человек, исполнявший высокую придворную должность, значит, вполне знакомый с правилами высшего этикета.

– В Карлсбаде вы в первый раз? – спросил он меня. – Да. – А знакомы с фрау фон Мюллер?

– Нет.

– Так прошу позволения сегодня же ей вас представить. С Карлсбадом начинают знакомиться со *Слона*, а госпожа Мюллер его счастливая обладательница. Кофей отличный, не ошибаясь можно сказать, лучший в целом Карлсбаде, общество избранное, а она сама почтеннейшая дама, пользующаяся милостивым вниманием высоких и высочайших особ. Кроме того, она знает всех и знает всё, что делается в здешнем месте; за всякою справкой можете к ней обратиться, и всегда получите самое точное указание.

Насчёт неукоризненного состава общества, питающего привычку предаваться отдыху под защитой могучего *Золотого Слона* и услаждать свою утробу произведениями кофейной лаборатории госпожи фон Мюллер я сам имел случай убедиться как нельзя вернее: всё Русские, Англичане да богатые Американцы; а немецкого языка на половину «*Excellenzen*», потом «*Durchlaucht*», «*Erlaucht*», да иудейского племени отборнейшие биржевые магнаты. Немецкий люд помельче, из учёных или из коммерции, да Поляки без графского диплома, напуганные перекрёстным огнём громких титулов, которым оборонялся подступ к *Слону*, предпочитали селиться под сенью *Золотой Короны*, где беседа велась гораздо бесцеремоннее, а под шумок можно было перекинуть расписные листки направо, налево, разумеется, для одного невиннейшего препровождения времени.

Представил меня тогда знакомец мой госпоже фон Мюллер, а после того фрейлин Берте, просил их из уважения к нему не отказать мне в благосклонном покровительстве, и с той поры я имел счастье пользоваться неизменным расположением этих двух дам. Первое посещение моё, когда приезжал в Карлсбад, принадлежало фрау фон Мюллер; и никто кроме фрейлин Берты не подносил мне мой завтрак у *Слона*.

Отыскав хозяйку и раскланявшись с нею, на первый раз я поместился под маленьким стеклянным навесом, прикрывающим

узенький вход в кофейню и в верхние, приезжими занятые этажи высокого дома «Zum Elephanten». Тут стоит только два крошечных столика и возле каждого по два стула, для гостей, пользующихся особенным вниманием со стороны фрау фон Мюллер. Не каждому и не во всякое время удаётся обратить в свою пользу эти бережёные места, устроенные, собственно, для успокоения в ненастную погоду самой хозяйки с домочадцами.

Полная, как сдобный хлебец, белая и свыше всякого чаяния добронравная Берта приятно мне улыбнулась и нежным голосом опросила:

– Прямого кофеем или наоборот? – einen rechten oder umgekehrt? – Другой бы и не понял, а я знал, чего от меня хотят; не новичка же вопрошали.

– Прямого, – ответил я, и чрез две минуты Берта принесла мне вместе с сухарями от «доброго пастыря» прямую порцию, то есть кофеем больше, а сливок поменьше: кофеем меньше, сливок больше значит порция навыворот.

Прилежно принялся я завтракать, не теряя дорогого времени на оглядыванье проходящих; прежде всего мне надо было подкрепить телесные силы, а потом уже искать пищи для любопытства.

Порешив с сухарями, поглощавшими всё моё внимание, пока в желудке пустотой отзывалось, я зажёл папироску – привычка нехорошая, сам понимаю, но, сознаюсь в своей слабости, не в силах отстать – и принялся внимательно рассматривать через улицу предо мной сидевших поклонников *Слона*. В передних рядах чопорно справлялись с своим завтраком неподдельные, из-за пролива прибывшие леди и сёры – легко было узнать по туалету дам и по покрою бакенбард, ниспадавших на откидные воротнички у кавалеров; потом общество важно восседавших стариков, по ногам укутанных серыми пледами и толстощёких, надменно осанистых господ – прусские превосходительные и сиятельные; несколько весьма не дурных, шеголевато одетых, крикливо разговаривавших дам, в сообществе живого, красивого прелата, которого с виду, ежели бы не чёрная одежда да золотая цепь с крестом, скорее можно было принять за гусарского полковника – и не спрашивай – представительницы венского или грацкого общества; далее, в глубине улицы, прислонясь к рядам временных лавок, прехорошенькая девушка, возле неё толстая старуха

и несколько молодых людей – Русские, готов биться об заклад; да и язык, на котором они говорили довольно громко, ошибки не допускал.

А это кто же сидит на самом краю, за одним столом с большим бледнолицым стариком, обвязанным красною шалью? – лицо слишком знакомое – ба, да это он! я вскочил с своего места и прямо направился к крайнему столику.

– Узнаёшь меня? – спросил я у господина, в котором сам издалека узнал старого, давно невиданного школьника товарища.

– По голосу узнаю, а по лицу сразу бы не узнал – сильно, брат, переменялся, поседел. – И приятель, крепко пожимая руку, с участием вглядывался в мою, розами и лилиями действительно не украшенную, физиономию – Когда приехал? где остановился?

– Приехал со вчерашним утренним поездом, и вчера же поселился, Гиршеншпрунг-штрассе, у «Валтер-Скотта».

– Место мне знакомое; ежедневно прохожу по твоей улице; прекрасный вид с горы. А я живу Шлосберг, в «Городе Штеттине», значит, мы с тобою близкие соседи, и ты, надеюсь, часто будешь заходить. Впрочем, здесь и без посещений беспрестанно встречаешься; было бы только желание встречаться.

– Так с сегоднего же утра уладим наши встречи – где ты обедаешь? – у стола сойдёмся; а теперь прощай, время отдохнуть, Визе пустеет и от Постгофа начали уже возвращаться, пора домой.

– Позже станем вместе обедать, а теперь не могу, слово дал, обедаю с дамами.

– С твоим семейством?

– Коли бы с женой, так что бы помешало тебе усесться с нами за один стол, а то с чужими; недавно познакомился. Знаешь ты Марью Николаевну, графиню К.? – Нет – Так, пожалуй, сегодня попрошу позволения завтра тебя представить.

– Спасибо за предложение, а позволь от него отказаться. Я приехал сюда с намерением отдохнуть и полечиться – сам видишь, насколько мне это необходимо, а не заводить новые знакомства, от которых не всегда бывает легко и приятно, а когда они пришлись по душе, так после жалко расставаться. А теперь прощай.

– Погоди, погоди, вместе пойдём, дорога одна.

Приятель мой протянул руку старику, повязанному красною шалью, поднялся, и мы вместе поплелись на гору.

– С кем сидел ты? – спросил я дорогой.

– С кем? право, не знаю.

– Как же ты это якшаешься, на водах, публично, с совершенно незнакомыми тебе людьми?

– А почему же нет? – Русский, Сибиряк, старик, больной, говорить умно; случайно дня два тому назад возле сидели, услышал, как он разговаривал с другими Русскими – любопытно стало, да и подсел к его столу, с тех пор знакомы. Очень занимательные вещи рассказывает.

– Да наконец что же он такое? надеюсь, знаешь, как его зовут.

– Что он такое, тебе сказал, да и сам ты видел; а как его зовут и какой его характер – was für einen Character er besitzt – того не знаю и знать не хочу, с досадой ответил мой приятель. – Мало того, что видит пред собой человека неглупого и приличного; нет, подавай ещё звучную кличку да характер, который бы он пред людьми мог носить на показ, иначе знаться с ним неприлично, стыдно руку подать. Друг мой, с бесперчаточными разбойниками возился я в моей жизни, и не к худшему сорту людей, которым правила светского приличия не раз принуждали меня протягивать руку, принадлежали эти молодцы. Хотя короче моего живёшь за границей, а, кажется, в понятиях своих совершенно онемечился!

– Вижу, брат, жизнь тебя не изменила, остался, чем был на школьной скамье, когда однажды вздумал нам проповедовать, будто хороший сапожник, предохраняющий ноги покупателей от натира, несравненно полезнее и уважения достойнее плохого генерала, ведущего несчастных людей на бесполезную бойню. Помню, как тебя подслушали; и за твою проповедь трое суток продержали в карцере, на хлебе да на воде. Видно, мало тогда просидел.

Приятель добродушно улыбнулся.

– А, по-твоему, следовало бы совершенно перемениться, откинуть все те утешительные убеждения, которыми так сладостно питалась наша молодость и ногами и руками уцепиться за сухую практику жизни. Впрочем, прошу успокоиться, и я не гляжу более на вещи сквозь радужную призму детских иллюзий; но житейский опыт, иссушивший цвет моих лучших надежд, не успел, однако, до основания подточить корень моей живой веры в действительное существование добра между людьми. Не всех же

людей амбиция и животная жадность доводят до полного отречения от всякого чувства любви и сострадания к бедному, страждущему человечеству. Окинь свет беспристрастным взглядом, и посреди векового мусора, которым он завален, как много отыщешь недурного, именно там, где менее всего полагаешь найти. Дознавай только истинную суть всякого дела и по скорлупе опрометчиво не суди о ядре, которое под ней скрывается. Однако пора нам разойтись по своим берлогам; и Карлсбад имеет такие условные обычаи, которые не дозволяется нарушать без помехи для себя и для других. – За сим он своротил направо, а я пошёл прямо на гору.

А любопытствуете вы знать неизменную программу дневных занятий в Карлсбаде? – имею честь представить её на ваше благоусмотрение:

От шести, а кому угодно и раньше, до восьми часов утра наливание желудка многоцелебную горячую водой и безостановочное хождение.

От восьми до десяти завтрак; где кому заблагорассудится, – у себя дома, на Алте-Визе, или в Гартен-салоне, в Постгофе, в Фреиндшафтс-зале, не исключая Швейцер-гауза в других мелких кофейных заведений.

От десяти до часу отдохновение у себя дома и, кому приказано, приём ванны.

От часу до трёх обед, отнюдь не позже, иначе рискуешь остаться без еды или, что ещё хуже, кормиться объедками.

От двенадцати до двух рачителям светского приличия допускается ходить на поклонение к представительницам прекрасного пола, с полной уверенностью не быть приняты; потому что редкая красавица в это время не занята своим обеденным туалетом.

После трёх промежуточное восседание у *Слона* и у *Золотой Короны* с сигарой в зубах, чашечкой чёрного кофея на столе и большущей газетой пред глазами.

В четыре общее перемещение всего приезжего населения из города в Постгоф, Сан-Суси и в другие вышешпоименованные увеселительные места, где в тот день назначено музыке играть.

В шесть часов шествие обратно в город и полная свобода до десяти, когда каждый обязан одною ногой уже касаться своей постели. Возвращающиеся на квартиру позже десяти причисляются

к категории жильцов сомнительной нравственности, попадают на замечание у полиции и впускаются в дом лишь после продолжительного ожидания на улице. Двери у карлсбадских домов не снабжены звонками, для того, чтоб у квартирантов отнять всякое поползновение возвращаться после узаконенного времени. Домохозяева жалуются, будто одни Русские беспрестанно нарушают этот основной закон всякого порядка и нравственного благоприличия.

Экстренные удовольствия:

Дальние загородные прогулки пешком, в одноколках, запряжённых ослами, и в колясках, преимущественно в Гаммер, глядеть, как в формы тискают фарфоровую глину, и к Гансу-Гейлинген, удивляться ряду невысоких скал, будто бы имеющих какое-то сходство с человеческими фигурами, обращёнными в камень за их грехи; театр; заказные обеды в Постгофе и в Виндзоре, и танцевальные собрания.

Исключение из общего законоположения:

Право, прибыв в Карлсбад, начать и кончить своё телесное пользование и душевное наслаждение, считая от восьми часов утра до восьми часов вечера, не покидая из виду *Слона*.

Контингент обращающих в свою пользу это многопохвальное право преимущественно комплектуется из созерцательных сынов скверной Германии, которым вид *Слона* заменяет все прелести Карлсбад окружающей горной и лесной природы.

Не вижу повода мешать их удовольствию; оно выражает только всю невинную простоту их вкуса и их привычек.

IV.

Несколько дней сряду встречался я с моим приятелем только мельком, у источников, на Алте-Визе или в Постгофе, куда он часто направлял свою прогулку, всегда почти с незнакомыми мне дамами. Однажды перегнал я его возле *Сан-Суси*, неудачной ресторации, за год тому назад построенной на пути к Постгофу. И в этот раз провожал он высокого роста, несколько полную даму, лет за шестьдесят, отличавшуюся замечательно приятными чертами, не взирая на её лета и на страдания, мешавшие ей пользоваться прогулкой иначе как сидя в креслах на колёсах, которые сзади подталкивал карлсбадский комиссионер. По другую сторону

кресел шёл высокий мужчина, уже в годах, с чёрными усиками, в котором нетрудно было узнать бывшего, а может, и настоящего военного. Приятель на мгновение меня остановил.

– Сам поймёшь, – проговорил он, – что неловко было бы, покинув даму, пойти мне за тобой; жаль, однако, что видимся так мало; сегодня раньше вернусь из Постгофа: коли не имеешь в виду лучшего дела, приходи к *Слону* около шести часов, посидим вместе да поговорим.

В Постгофе играла музыка. Несмотря на пятнадцать гульденов, которые я уже заплатил за право входа в сад, в том числе пять на музыку, с меня взяли ещё тридцать крейцеров за право пить кофей и гислибель под звуки оркестра, управлявшегося Лабицким. Все столы и столики, расставленные под раскидистыми деревьями, составляющими существенную красу Постгофского сада, на галерее и в большом концертном зале были заняты многолюдными обществами гостей. Старые и молодые, красивые и некрасивые дамы, бородатые и безбородые, осанистые и больно невзрачные кавалеры столпились тут в одну сплошную массу, сквозь которую новоприбывающие с трудом продирались к инде проглядывавшим свободным местам. Говорили на всех европейских наречиях, между которыми, однако, чаще всего пробивались звучные ноты русского языка. Девушки, прислуживающие в Постгофе, как на подбор одна милевиднее другой, в лёгких белых и розовых платяцах, с быстротой ветра переносились от одного стола к другому, из залы в сад, из сада обратно в дом, где жарилось, перемалывалось, кипятилось и разливалось всё потребное для приготовления напитка, на который публика не переставала возобновлять свои повелительные требования.

С трудом добился я столика, за который уселся в стороне, одинокий, на свободе наблюдать за происходившим вокруг меня. Во множестве гостей издалека показывались и некоторые мои знакомые, но так как я их не отыскивал, то и они будто меня не замечали; каждый был слишком занят тем кружком, в который уже попал или в который домогался попасть, покоряясь влечению сердца, себялюбивого расчёта или щепетильного самолюбия. При большом стечении публики, когда мне позволено уединиться, люблю следить за движением толпы, угадывать, к какой народности, к какому сословию принадлежат мелькающие предо мной

живые куклы, какие пружины заставляют их двигаться в ту или в другую сторону, и потом, если можно, поверять мои догадки. Эта забава, наравне со всякою другою забавой, помогает мне убивать время, с которым для нас иногда бывает так трудно справиться, не предаваясь раздирающей скуке.

Прикатились кресла с дамой, которую провожал мой приятель, и остановились возле пустого стола пред кофейным домом. Вслед за ними проехало мимо меня другое кресло и бросило якорь у того же стола. Сидела в нём хорошенькая, быстроглазая брюнетка, лет двадцати, не более, страдавшая, как я после узнал, болью в ноге, не позволявшею ей ходить. Провожали её молодой человек в матросской шляпе – супруг, граф Б*, кто-то мне повестил, и австрийский уланский офицер в своём не благообразно короткополом чекмене, на котором позади, под перехватом, светились возле золотой бахромы две крошечные пуговицы, обозначавшие, что он, по праву восьми предыдущих высокородных поколений без малейшей примеси мещанской крови, обретается в звании камергера двора его величества. Через четверть часа трети перекатные кресла, в которых в полулежачем положении покоилась внимание всего Карлсбада привлекавшая красавица польского имени и австрийско-немецкого происхождения, также причалили к сказанному столу. Следовали за ними уже не один и не два, а целый хвост по последней моде одетых поклонников различных возрастов, начиная от волос с сильною проседью до гладкого, розового личика, на котором едва начинал пробиваться первый пушок возмужалости. Пока я занялся подробным изучением кружка, сомкнувшегося около замечательного треклесья, недалеко за моими плечами успели поместиться несколько новоприбывших слушателей музыки. Слова два, громко сказанных по-русски, заставили меня повернуться назад, и я увидел господ, нет, я и не заметил их, а всё моё внимание невольно сосредоточилось на одной женской головке, возвышавшейся над гибким станом, прелести которого даже нынешняя уродливая мода не в силах была исказить. Долго поглядывал я то направо, то налево, сравнивая двух красавиц, соседством которых меня наградила щедрая судьба, и кончил тем, что переменял положение своего стула, чтобы ни на мгновение не терять из виду послепришедшей. Своё родное как-то ближе к сердцу.

Пожилая дама в чёрном платье оставила сад до окончания музыки. Приятель мой, уходя за нею, на несколько минут своротил в сторону, подошёл к большому столу, около которого помещалось довольно многочисленное общество, раскланялся с некоторыми дамами, сказал слова два и потом поспешил догнать свою даму. Верный моему призванию точного наблюдателя, не упустил я из виду и этого, кажись, весьма маловажного обстоятельства. Захотелось мне угадать, к кому сворачивал мой приятель. Сколько позволялось издали разглядеть, по лицам, по невычурному вкусу тёмных дамских туалетов – Немки любят яркие цвета, – по приёмам, должно было полагать: Русские, лучшего круга московского или петербургского общества. Помня, однако, приглашение товарища моего, в свою очередь я поднялся и по кратчайшему пути, мимо русской церкви, прежде его дошёл до *Слона*.

Не успел я выбрать и занять выгодное место на краю, в первом ряду столиков, чтобы ближе видеть проходящих, как с другой стороны, от Саксонского зала, подкатились кресла с чёрною дамой. Высадили её у входа в дом к *Слону*, и вслед за тем приятель отыскал меня глазами и уселся на скамье возле меня. Берта расставила пред нами кофейные приборы, и я не теряя времени приступил к расспросам, которые давно заготовил в своём уме.

– Во-первых, чтобы после не забыть, прошу мне поведать, что за дама, которую ты провожал до Постгофа и которую теперь подвезли к *Слону*, да кто ещё с вами шёл. На службе всю молодость я провёл во глубине России, потом жил в деревне, а теперь уже много годов скитаюсь за границей, по докторскому велению проживая то тут, то там, пользуясь то здешними, то иными водами: поэтому мало кого знаю из лиц, принадлежащих к московскому, а ещё менее к петербургскому обществу.

– Дама, о которой спрашиваешь, известная наша красавица прошедшего времени; имя её, полагаю, доносилось встарь и до твоего слуха; теперь зовут её княгиней N; что она сильно страдающая женщина – видишь сам; а я от себя могу ещё прибавить: женщина ангельской доброты. Заметил ты какая у неё добродушная улыбка? есть признаки, редко обманывающие насчёт душевных качеств.

– А господин, который возле шёл?

– Брат её, генерал, бывший Севастополец – и не из трусливых.

– К кому ты подходил в саду, на обратном пути?

– К столу, около которого находилось в сборе чисто-русское общество, без всякой иностранной примеси, поклониться княгине N.

– А ты с нею коротко знаком? говорят, она неприступно горда, своенравна, хотя умеет быть увлекательно любезна, когда ей придётся по нраву.

– Знаком не коротко, а насколько нужно, чтобы знать её светские качества. Может, она и горда с теми, кто вызывает её гордость и потворствует ей из какого-либо расчёта. Она так умна, что тотчас это поймёт. Я на неё жаловаться не смею, потому что на себе никогда не испытывал приписываемых ей не совсем приятных свойств. Напротив того, её приветливость и её тонкий такт всегда производили на меня самое приятное впечатление. Люблю сына её, хороший человек, и дельно понимает вещи.

– Говорят, в молодости он страшно повесничал.

– Говорят, это справедливо; но я познакомился с ним, когда он уже остепенился. Впрочем, по-моему, лучше начать повесой, а кончить дельным и благородным человеком, чем начать с притворного благонравия и потом, в зрелые годы, перейти к отвратительному ханжеству. И между нашими товарищами, помнишь ли, не один шалун в последствии стал человеком, а сколько благонравных позже впали в совершенное ничтожество или поддались самому грязному соблазну. Что молодость шалит и дурачится, в порядке вещей: не с кантовскою же философией в голове на свет родятся дети.

Публика тем временем возвращалась с музыки и непрерывною цепью, то гуще, то реже, проходила по Алте-Визе, почти задевая наши столики полами и юбками. Около нашего столика поместился ещё знакомый моего товарища, полурусский господин из остзейских уроженцев, человек порядочный во всех отношениях, сверх того, знавший все хотя бы несколько замечательные личности между приезжими, особенно немецкого происхождения. Кого из проходящих не знали ни я, ни мой товарищ, того наверное он в состоянии был нам назвать.

Проплыла дама в лучших летах, неопровержимо солидного здоровья, и с нею хорошенькая девушка с распущенными по плечам волнистыми светло-русыми волосами, в белом платье, на котором позади горел ярко-алый бант огромной величины. Обе они

бросились нам в глаза, дочь своим цветущим видом; маменька роскошною полнотой форм. Приятель мой не умел их назвать; Остзеец помог: госпожа Х., из Граца, с дочерью; недавно приехали; из богатого дома; весь день можно видеть на Визе.

– По Визе, – заметил приятель, – все принуждены проходить по несколько раз в течение дня, а беспрестанно гуляют по ней только те дамы, которые приехали не лечиться, а себя казать, и по три раза в день меняют туалет. Приятное занятие, но дурной расчёт. Скоро приглядятся и до цели своей, пожалуй, не догуляют. Помнится, года три сряду приезжала сюда из нашей родной стороны некая госпожа: две дочечки, просто загляденье, разодетые, расфранчённые, в курточках, облитых золотом – видно за версту. В первый год все останавливались полюбоваться красивыми детьми, на второй, встречая, оглядывались на девочек, а на третий и смотреть на них перестали. Жениха не добыли и приезжать перестали. Вот эти переряжаться по три раза и гулять по Визе не станут, – прибавил он, указывая на двух проходивших дам, видимо мать с дочерью. Высокая девушка была одета весьма просто, в дикого цвета фуляровое платье без цветных бантов. Когда они поравнялись с нами, приятель, да и Остзеец, встали и поклонились.

Дама постарше прошла мимо, не заметив, что ей кланялись; сделав уже шага два, девушка обернулась и ответила лёгким наклонением головы.

– Кто такие? – спросил я; несколько раз случалось встречать на горе; почти всегда в тех же платьях, как сегодня.

– Довольно богаты чтобы не иметь нужды хвастать пред людьми числом перемен, которые возят за собой; – княгиня Z с дочерью.

– Какая гордая, и головой не кивнула на ваши поклоны.

– Ошибаешься, мой друг; вернее будет, ежели скажешь, как плохо она видит. Слишком она умна, слишком благовоспитанна и слишком добродушна для того, чтобы не ответить заведомо не только на наш, да и на чей бы то ни было поклон. Видел, дочь тотчас поправила невольную ошибку матери. Прекрасно воспитана и, сказывают, предобрая девушка.

Согласен, что в этот раз ошибся; а ведь случается, однако, что дамы высшего общества позволяют себе не обращать должного

внимания на вежливости, которые им делают некоротко знакомые. Неприятно, да и обидно, коли поклонись, и не ответят из неуважения.

– Знаешь, что бы я сделал в таком случае!

– А что?

– Заглянул бы в чашку, которая стоит предо мной – свернулись сливки? – нет! – значит, беда не велика.

– Завидую твоей философии!

– Не философия, мой друг, а просто опытная оценка светской суеТЫ.

Шёл видный господин с проседью на густых бакенбардах. Приятель мой привстал, намереваясь подойти, но проходящий предупредил его, подошёл к столу, очень вежливо поздоровался и пошёл дальше, переступая с некоторым трудом.

– Кто это?

– Ужели не узнал? непременно видел его когда-нибудь, только не в гражданском платье. Одним словом: это один из тех, про которых много говорят, которых часто бранят зря и которые несравненно лучше молвы, которую распускают на их счёт.

– А ты с ним коротко знаком?

– Нет, я нередко встречался с ним по службе и всегда оставался доволен его внимательностью. Умён, способен; никому зла не делает, хотя бы мог, и со всеми вежлив; а тем, что ему хорошо живётся на свете, разве он что-нибудь у вас отнимает. Хаять человека за это одно или ниже ему кланяться, значить в одинаковой мере ронять своё достоинство.

Появилась целая гурьба в голубые, жёлтые, тёмно-красные платья, полосатые бурнусы и яркие шали наряженных барынь, кавалеров, будто выпрыгнувших из выставочной картинки мод у ближайшего портного. Трещали они языками, ровно стада встревоженных гусей. Один из молодых чернобородых полой своего модного пальто едва не смёл чашки с нашего стола и забыл извиниться.

– Нечего спрашивать кто и откуда; пахнет биржей и еврейским духом, – сказал товарищ, провожая их насмешливым взглядом. – Предоставляю вам, господа, судить о приятностях общества, в котором эти рыцари кредита захватили первенство; к несчастью, они расплзлись по лицу всей земли, и нигде не укроешься от их нахального вторжения.

Затем показались два господина, один повыше и попрямее, другой пониже и покруглее. Говорили они очень громко: старше... несправедливость... производство...

– Русские, кто они?

– Разве не расслышал: производство, несправедливость, – два генерала, гвардейский и армейский.

– А дальше?

– Разве тебе этого мало?

– Значит, так себе, из плохеньких.

– Плохих не знаю. И они, коли дойдут до дела, пожалуй, лицом в грязь не ударят. Не надо только человека заставлять на флейте играть, потому что горазд на цимбалах.

– Карлсбад, – обратился я к моему приятелю, – имеет свойство сильно раздражать нервы у всех вкушающих целебность его источников, а на тебя, кажись, производит совершенно противоположное действие. Встарь, сколько помню, ты не прочь был порядочно отделать того или другого, а нынче от тебя ни одной едкости не услышал. Намедни не мог довольно похвалиться своим Сибиряком, повязанным красною шалью, а сегодня что княгиня, что генерал, то и золотое яблочко да алый цветок; будто, с какой стороны ни гляди, и родимого пятнышка не усмотришь.

– Дело не в том, что без пятнышка – и на солнце пятна бывают, а дело в том, что в продолжение жизни столько чёрного насмотрелся, что теперь, где вижу больше свету, тени даже замечать не хочу. В моих глазах ни Сибиряк, ни княгиня такая-то, ни генерал такой-то не мешают друг другу иметь свои хорошие стороны, да и то, что первый из них принадлежит к многочисленной семье разночинцев, а прочие особы сановные, отнюдь не мешает каждому воздавать должное. *A tout seigneur tout honneur*. Чтобы вполне оправдать справедливость моего воззрения, прошу пригляднуться к подходящему теперь господину. Ничего особенного не замечаешь? – спросил приятель.

– Ничего, кажется, что бы стоило заметить? Всё прилично в нём, холодно и важно. Длинное пальто застёгнуто до шеи, шагает мирно, голову держит высоко, рассеянным взглядом чего-то ищет на воздухе; а может, надписи на домах читает, хочет знакомого навестить.

– А теперь?

– Поравнявшись с теми двумя столами, за которыми сидят прусские господа, он быстро к ним повернулся; сладкая улыбка заиграла на лице, шляпа на два дюйма отделилась от головы. От столов ему кивают.

– К этому прибавлю с моей стороны, что ровно четыре года тому назад он делал совершенно противное: проходя мимо тех столов рассеянно глядел в даль, а поравнявшись со мной – давно имею привычку занимать его место – приятно улыбаясь, посылал мне поклоны. И теперь не угадываешь?

– Признаюсь, ничего не понимаю.

– Вижу, надо пособить твоей недогадливости. Могу тебе сказать, кто он, потому что знаю его. Это опытный дипломат, к сожалению, только представитель одного из владений, отживающих свой век. Погребальная церемония расписана уже по пунктам.

– В списке приезжих не заметил министра такой державы.

– И не отыщешь, потому что он не прописал своего «характера», проживая здесь инкогнито. Надо же поберечь спокойствие европейского политического мира, который легко бы мог встревожиться вестью о неожиданном приезде его в Карлсбад, где уже собраны другие дипломатические знаменитости, которых имена ты наверное не пропустил без внимания. В настоящую минуту он очень озабочен зародившимися в его голове чрезвычайно важными вопросами этикета, подобающего ему соблюдать во время своего «инкогнито»; дело идёт о визитах, о месте и о поклонах. Пока не сладил с этою умственной работой, мой представитель предпочитает пить воду у себя, обедать дома, отыскивать уединённые прогулки и, завидя знакомого, особенно не равного «характеру», рассеянно глядеть по сторонам, дабы не наткнуться на казус, могущий нанести ущерб его представительному достоинству, хотя оно уже на самом отходе. Заметил, как ловко проламинировал он мимо нас? А что касается до поклона прусским господам, так это не в пример другим. Кто им теперь не кланяется!

– Простоват он, что ли?

– Помилуй Бог, какой ты вздор говоришь! между дипломатами простоватых нет, да и быть не может; какие же то были бы дипломаты. Напротив того, названный господин принадлежит к числу самых тонких и самых деятельных органов своего министерства, глазами ловить слова налёту; воробей мимо не пролетит,

чтобы не знал, куда и зачем; что час, то у него телеграмма, что день, то депеша. А депеши его, говорят, просто на удивление: читай как угодно, с начала, с конца – смысл всё один. Сам сознайся, на это потребен талант не вседневный.

– Удивительно! можем ли мы, однако, похвалиться такими же способными субъектами.

– Надеюсь! не совершенные же мы глупцы; потягаемся ещё с кем угодно! Темнеет, однако, и становится свежо, пора домой; ламповщик хлопчет уже около второго из трёх фонарей, осуждённых освещать Алте-Визе; предоставим любознательным испытателям природы, при тусклом огне их, на свободе делать свои наблюдения над бытом ночных бабочек, тайком залетающих и в здешнее, одной тьме посвящённое место.

Несколько дней спустя мы встретились у источника. Приятель также принялся пить Шлосбрунн, потому что у нижних источников подступ совершенно загородили. Выпив последний стакан, он позвал меня вместе идти завтракать в Постгофе, чему способствовали ясное утро и благотворная теплота, о которой так долго напрасно вздыхали карлсбадские посетители.

– Там ждут нас, прибавил он.

– Кто, дамы? – спросил я испугавшись.

– Нет, один или двое Русских, Москвичи, прекрасные люди; останешься доволен, когда с ними познакомлю.

Пошли мы горой, по моей улице. В лесу, недалеко от извилистого спуска к нижней дороге, пролежавшей по берегу речки Тепелы, встретила нас одинокая, очень молодая дама, в сереньком бурнусе. Приятель поклонился, она протянула ему свою маленькую ручку. Из-под синего вуаля проглядывало самое милое, самое симпатичное женское личико, какое мне когда-либо удалось видеть.

– Совершенно одни, – сказал он, – где же, княгиня, ваш обыкновенный провожатель в горах?

– К сожалению, лишилась его; третьего дня уехал. Впрочем, я привыкла гулять и одна; в здешнем месте ничего не рискуешь.

– Позвольте мне предложить себя в спутники на вашу первую будущую прогулку.

– Рада буду, – и молодая дама повернулась на дорожку, поднимавшуюся выше в гору. Когда она удалилась на несколько ша-

гов, я не удержался засыпать вопросами моего приятеля: кто она, откуда, почему её нигде не удаётся видеть.

– Кто она? – вдова, княгиня **, почему до сей поры тебе не удавалось её встретить? потому что она не любит часто показываться в модных местах, а поутру и вечером гуляет по горам, чаще всего совершенно одна. В Карлсбаде нет посетителя, который бы в такой мере исходил окрестные горы и леса; она может служить в них самым верным проводником.

– Какое привлекательное создание!

– Не женщина, а жемчужина, – прибавил приятель.

– Ты ею совершенно очарован.

– Как и каждый, молодой или старик, кому удалось пробить с нею хотя бы не более получаса, разве у него вместо головы на плечах сидит деревянный болван, а наместо сердца чёрствый сухарь.

В Постгофе просидели мы часа полтора под деревьями, занимаясь прилежным истреблением вкусных произведений карлсбадской швейцарской пекарни, распивая кофей, который нам подносила высокая, белокурая, Юноной глядящая, фрейлин Матильда, и рассуждая о том и о сём, что попадалось на ум и на глаза. Приятелю можно было сказать непритворное спасибо за людей, с которыми он меня познакомил: во всех отношениях симпатичного, добросердечного Ш, и широкой руки заводчика *, человека делового и дельного.

На обратном пути встретилось нам общество русских дам, провожаемых молодым человеком, обращавшим на себя невольное внимание, именно чем – нельзя было сказать с первого раза. Походка и манеры обнаруживали русского военного, из категории хорошо воспитанных. Приятель поздоровался с ним мимоходом.

– Право, совестно, до такой степени я раззнакомился теперь с русским обществом, – сказал я, обратившись к приятелю; – опять принуждён спросить, кто такой.

– Не удивительно, что его не знаешь, молодой человек, выступивший на сцену когда мы её уже покинули; я сам познакомился с ним только в здешнем месте, да и то очень недавно. Человек он имеющий пред собою блистательную будущность, да, кажется, и стоит того.

– Почему так?

– Во-первых, потому, что молод, нас с тобою переживёт, а во-вторых, ещё потому, что попал в отличную колею.

– Но почему же ты полагаешь, что он стоит того, прошу объяснить, когда сам рассказываешь, что едва познакомился с ним?

– По-настоящему только раз имел случай долее с ним поговорить, но в один этот раз услышал от него несколько отрывистых замечаний, на которых позволяю себе основывать моё заключение о нём.

– Разве по нескольким словам можно сделать верное заключение о чувствах и об умственном направлении человека?

– Иногда гораздо вернее, чем из длинных речей. Длинные речи готовятся умом или памятью и нередко выражают только чужие заученные мысли; а слово, невольно вырвавшееся из сердца или из головы, разом обнаруживает человека. Случилось мне однажды, говоря об австрийских делах, указать на опасность, угрожающую империи от себялюбивой борьбы венгро-немецкой партии против справедливых требований славянских народностей, Русинов, Чехов, Сербов и Хорватов. «Да разве эти дрянные народы, у которых нет даже порядочного дворянства, подобного тому, какое видим в Вене и в Пеште, входят в расчёт», – отозвался некий благовоспитанный молодой человек. Более не требовалось для того, чтоб определить точным образом состояние его мозга и направление данного ему воспитания. Другой раз госпожа высокого немецкого происхождения принялась укорять меня в опасном либерализме, кажется, по поводу того, что встретила раз с моим доктором, рука об руку, не будучи, однако, в силах пояснить, что собственно разумела под словом «либерализм». В объяснении моем, что нисколько не считаю опасным своего «либерализма», удерживая его в границах должного уважения к правам всех и каждого, начиная от главы государства до последнего нищего, я был прерван со стороны близь сидевшего высокородного «юнкера» вопросом: «Позвольте узнать, какие же права имеет нищий?» Не удержался я ответить: положительно знаю за ним одно, Богом ему дарованное право, дышать общим для всех воздухом и греться на том же солнце, которое светит для вас и для меня; полагаю, из этого проистекают ещё и некоторые другие, незначительные права. Не вправе ли я был тут же про себя поду-

мать: любезнейший, в корпусные тебя произвести могут, пожаловать в церемониймейстеры, даже в министры, но никогда не сделают из тебя не только государственного, но и просто сносного человека. Вот теория, на основании которой позволяю себе иногда по двум словам судить о целом человеке.

Часто после того собирались мы по утрам в Постгофе; кружок наш с каждым днём связывался теснее. Отрадно для того, кто принуждён жить на чужбине, сойтись с людьми, которые не только говорят на родном языке, но чувствуют и думают, как его с детства приучали думать и чувствовать. В России снежно, в России холодно, за границей теплее; устарелые кости просят тепла, а сердце тянет назад, в холодную сторонушку, где живут те, с кем вырос и с кем в продолжение многих годов пополам делил всё, что людям посылает переменчивая судьба. К чужому, красивому месту скоро привыкаешь, до того, бывает, что трудно оторваться; но не скоро свыкнешься с людьми. Примеры сближения, основанного на обоюдной симпатии встречаются очень редко; чаще всего случайный интерес создаёт непрочную связь; миновал этот интерес, и от пришлеца из чужой стороны отворотятся, будто никогда его не знавали. Ничего другого мы не вправе требовать от своих заграничных друзей: чужой чужому всегда остаётся чужим.

V.

Много о чём успели мы переговорить в течение коротких часов, которые нам дозволено было вместе проводить под тенью прекрасных деревьев, привлекающих в Постгоф, наравне с хорошим кофеем, всю заезжую публику. Понято, что преимущественно нас занимали русские дела: земство, судебные учреждения, наши железные дороги, пароходство по Волге, наконец, живой вопрос касательно общей воинской повинности. Приятель мой, горячий защитник гражданских и военных реформ последнего времени, нисколько не сомневался в удачном решении этого вопроса и не соглашался только с некоторыми подробностями проекта, в то время опубликованного в русских газетах. Но и в этом случае он не высказал решительного мнения, отозвавшись незнанием обстоятельств, установившихся в России с того времени, как её покинул. Вообще он более слушал, чем говорил, беспрестанно по-

вторая, как счастлив, что наконец сошёлся с Русскими, не страдающими хроническим недугом безотчётно удивляться всему чужому, безусловно порицать своё и рисовать наше положение такими чёрными красками, от которых нервного человека тотчас может поразить ударом. Издавна, со школьной скамьи можно сказать, я был знаком с его раздражительным, неровным характером, проявлявшемся в своём настоящем виде только в особенно важных случаях. Знал я также, что на него находят полосы непреодолимо упрямой молчаливости, заставлявшей не знавших его полагать, будто ничего на свете его не занимает, а между тем в глубине души у него кипело. Надо было в таком случае коснуться только до одной живой струнки, и он вдруг встрепенётся, заговорит и уже никак не в силах остановиться, не высказавшись до конца. Поэтому не мешал я ему отмалчиваться сколько душе угодно, ожидая случая, который и выдался в Постгофе совершенно напоследях.

Утро было холодное, небо покрыто облаками; привычка собираться в Постгофе побудила нас, однако, несмотря на угрозу погоды, помимо *Слона* отправиться в дальнюю прогулку. В Постгофе, опасаясь дождя, мы поместились не в саду, а в задней комнатке кофейного дома, в углу, за круглым столом, издавна поступившим в бесспорное владение посетителей из Русских. Самая комнатка, коротко знакомая многим соотечественникам нашим, редко навещалась Немцами, предпочитавшими в дурную погоду располагаться в соседней, более просторной и роскошнее убранной комнате, в которой обыкновенно давались заказные обеды. Едва мы успели приняться за завтрак, поданный нам величественною Матильдой, как на дворе хлынул проливной дождь. Сад мигом опустел, концертная зала наполнилась народом; да и в соседней комнате слышались громкие голоса, топот сапог и шурканье столов и стульев. В это время вошёл к нам, весь мокрый, Остзеец, вместе с другим чопорным господином, которого откомендовал: господин N, министерства ***, из ***, вследствие чего мы не замедлили пригласить их к вашему столу. Нетрудно в новопривывшем было узнать то, что у нас называют петербургским Немцем. Выражался он по-русски довольно правильно, но в произношении просачивался у него лёгкий нерусский оттенок.

Присутствие незнакомого лица отозвалось на разговоре. Вяло поговорив о погоде, о источниках и о докторах да повторив ежедневную жалобу кто на свой желудок, кто на кружение в голове, а кто на тягость в ногах, перешли к газетным известиям.

– По последним сведениям, – сказал N, – Немецкий император положительно едет в Гаштейн, где должно состояться свидание с ним императора Франца-Иосифа. Фон Бейст всеми мерами старается устроить между ними искреннее сближение.

– Поздравляю с искренностью чувств, особенно с австрийской стороны, – подхватил я, – желал бы невидимкой заглянуть под рёбра, когда станут обниматься.

– Речь идёт не о сердечных чувствах, а об обоюдном интересе, – сказал приятель. – В умной политике нужда и расчёт повелевают, а чувства смиренно повинуются.

– Чтобы в таком случае слегка не задели наших интересов.

– Непосредственно – нисколько, на то есть важные причины; косвенно – без всякого сомнения. Полагаю, однако, что ухищрения фон Бейста не скоро отзовутся на наших плечах, разве случится что-нибудь особенное, чего никто не в силах предугадать. Любопытно знать, кто будет провожать австрийского императора на свидание; некоторые из приближённых к его особе мне знакомы, да знаю и некоторую любовь, которую они питают к господам Пруссакам.

– Позвольте мне в этом случае удовлетворить ваше любопытство, – с важностью возразил петербургский уроженец и, медленно называя, насчитал целый ряд громких имён из среды австрийского придворного круга. Взглянув пристально на моего приятеля, он тут же прибавил: – Кажется, не в первый раз имею честь... однако где бишь?... только не в обществе, в котором постоянно бываю, в таком случае память не изменила бы... да, да, теперь припоминаю... в русской церкви, по случаю молебствия... в мундире тогда изволили быть, поэтому сразу не признал.

– Не ошиблись! Некоторое время прожил в Вене, мало в обществе, больше на открытом воздухе, что не мешало мне, однако, знать кое-кого из поименованных вами господ. Поэтому сомневаюсь, чтобы граф N, который имени прусского слышать не может, охотно согласился быть свидетелем предполагаемого свидания. Наверное отпросился под благовидным предлогом.

– Позвольте мне знать вернее; непременно будет находиться в свите, ещё раз беру смелость повторить. Проездом чрез Ишль виделся со многими коротко знакомыми мне лицами из высшего круга; они хорошо знать должны, и от меня не скрыли бы. Пользуюсь, не из хвастовства будь сказано, их лестною доверенностью. Да-с, в разных европейских столицах перебивал, а подобного венскому обществу нигде не встречал. Настоящая, коренная аристократия, проникнутая чувством своего достоинства; нам бы недурно было взять пример; да удастся ли? – Тут окинул он сидевших около стола вопрошающим взглядом. – Ежели позволено откровенно правду сказать, ведь у нас не существует самостоятельной аристократии, как должно сознающей свои аристократические обязанности. Готовы знаться с кем ни попало, женятся Бог весть на ком, по сердцу, говорят, даже смешно; какое тут сердце, когда дело идёт о сбережении чистоты родословной. И в Англии теперь аристократия не то, что была в старину; много плебейской крови прибыло. В Австрии же совсем не то: не угодно ли представить восемь поколений без укора, иначе во дворец ни-ни, хоть звёзды с неба хватал, хоть саму Австрию спасать помогал. Вот, например, Одоннель нож отвёл, а как женился на барышне без имени, так не угодно ли к себе в деревню, на покой; а ещё граф. В бароны, правду сказать, много денежных тузов попроизводили; но в нашем кругу их никогда не встречал.

– Однако в добрый час ни князья, ни герцоги не брезгают у них пообедать, поплясать да деньжонок позанять.

– Ну, пожалуй. Не отравой же они кормят, да ради популярности, в наш век либерализма, надо же в некотором роде уважить их звонкую добродетель.

Господин расхохотался над собственной остротой, и вдруг, ни к селу, ни к городу, спросил:

– А знаете вы княгиню Лори N?

– По имени, даже с виду, но короче знать не имел счастья.

– Какая обаятельная женщина! Не молода, но всё ещё прекрасна; тип истинного аристократического величия. Какой дворец, какая ливрея, какие экипажи, во всём какая великолепная представительность! Не знаю за что, – господин скромно опустил глаза, – княгиня жалуется на своим особенным вниманием, которым, признаться, не любит щедрить. Часто пользуюсь честью

у неё бывать, и каждый раз открываю какую-нибудь новую сторону её истинно княжеского быта. Представлю вам один пример. Однажды повстречались мы в манеже. Княгиня, – сами посудите, какая удивительная женщина, внучат имеет, а ещё страстно предана верховой езде, и на лошади картинка, – на полном галопе послала мне: «Прошу сегодня со мной отобедать, запросто!». Отправляюсь в шесть часов: было зимой, вхожу на лестницу, по ступеням расставлены, в бархатных ливреях, напудренные лакеи; прохожу чрез одну, чрез другую, чрез третью залу, освещены ярче дня. Признаться, смущение овладело мною, думаю, что за обед запросто, видно, будет много гостей, а я даже крестика на шею не надел; что в белом галстуке, само собой разумеется. Распахнулась портьерка пред будуаром, княгиня в туалете, протягивает мне ручку, а я гляжу всё на двери: когда же явятся прочие гости? Чрез мгновение метрдотель возвещает, поклонившись в пояс: «La princesse est servie». Встаём; спрашиваю с удивлением. «А прочих ожидать не станем?» – «Кого? Разве вам меня одной недостаточно? А я так довольствуюсь моим одним дорогим гостем». – «Всегда любезны и остроумны, – говорю, целую руку, – но освещение, ливрейные слуги на лестнице заставили меня полагать, что зов “запросто” имел только значение любезной шутки». – «Освещение, прислуга, этот вздор ввёл вас в заблуждение? Так помните отныне, что княгиня N иначе за стол не садится, ежели бы даже никто не разделял с нею её скромного обеда». Вот это так называю жить по-княжески! – Господин с трудом перевёл дыхание.

– Да, да, – сказал приятель, благоговейно слушавший вещавшего, как бы громко размышляя, – под счастливою звездой надо родиться для того, чтобы в венском обществе достигнуть успеха таких колоссальных размеров; глаз на глаз обедать с княгиней N, да ещё при полном освещении и всей ливрейной прислуге на ногах; в некотором роде это стоит Седана. А вот есть же на свете люди, которые не совестятся то и дело кричать: в венском обществе к иностранцам невнимательны, нелюбезны; никак не сойдёшься с Венцами на дружескую ногу!

– Знал бы, кто позволяет себе жаловаться на венское общество, так тут же, при вас... – Господин покраснел до ушей и принял вид, будто ему нанесли личное оскорбление. – Не знаю, как других, а меня всегда отлично принимали, Жаловаться не смею; разумеется, зависит от того, как себя поведёшь.

– Понимаю теперь, вас принимали так отлично за ваше благонравие, а те, которые мне жаловались, не имели должного христианского смирения; совершенно дельно, начинаю уважать венское общество.

Господин сразу не понял, а потом в недоумении стал глядеть на моего приятеля, стараясь сообразить, следует ли ему сердиться или нет, но, встретив равнодушный, ничего не выражавший взгляд его, счёл за лучшее глотком кофея залить свою скрытую досаду.

Чтобы разговору дать другое направление, перешёл я к французским делам.

– Партизаны Луи Наполеона опять начинают всплывать на поверхность и непроскительным образом мутить во Франции едва возникающий порядок. Надеюсь, происки их останутся без успеха. Домогательство снова водворить во Франции власть, поставившую её в самое несчастное положение, доказывает только верх бесстыдства, до которого слепой эгоизм в силах довести людей, для которых слово «отечество» существует в одном смысле дойной коровы. Даже Базен возымел надежду себя оправдать, как и чем – непостижимо моему слабому уму. Сто семьдесят тысяч и такую крепость, какова Мец, сдать двухсоттысячной неприятельской армии; да это не допускает и тени оправдания.

– Голод принудил, – подхватил чопорный господин, – всех лошадей поели.

– Зачем досиделись до того, что есть нечего стало.

– А что же было ему делать?

– Пробыться, оставив в крепости сколько нужно для обороны.

– Возможности не было. Сам Мольтке сказал: западня готова, и не уйти ему.

– Преклоняюсь пред таким авторитетом, – вмешался приятель мой, – но смею полагать, что в одном только случае приговор Мольтке мог послужить к оправданию Базена и прочих французских генералов, засевших в Меце.

– Очень любопытно знать этот случай.

– Когда Базен и прочие генералы, один за другим, сложили бы свои головы в попытках опровергнуть непогрешимость Мольтке – тогда бери крепость, забирай солдат; мёртвые остались правы. А то, кажется, все они, начиная с Базена, обретаются в добром здравии и поэтому нет им оправдания.

– А ежели высшие политические соображения?

– Политика для меня китайская грамота, ничего в ней не понимаю, сужу умом солдатским.

– В таком разе, думаю, найдёте в вашем уме лёгкое оправдание для злополучного маршала. Что если, примером сказать, он имел Луи Наполеона, своего пленного императора, приказание действовать таким образом. Положим, такой пассаж случился бы с нами: государь в плену, вы командуете армией и получаете от него приказание во что бы то ни стало сберечь его последнюю надежду, «преданную ему армию», как изволили бы вы поступить?

Замысловато улыбаясь и потирая руки, господин глядел на моего приятеля: знай, не с простаком дело имеешь – подвёл тебя к обрыву.

– Вопрос ваш, милостивый государь, ни с какой стороны к делу не подходит, – сказал приятель мой не заминаясь, – следственно, освобождает от прямого ответа. Во-первых, у нас подобный пассаж не может случиться во веки веков; до плена государева пришлось бы стереть с лица земли, до последнего человека, всю русскую армию, а это есть дело зубастое; во-вторых, видно каждому, кроме «преданной армии» за него стоят ещё семьдесят миллионов не менее преданного народа; и в-третьих, ровнять государя Русского с Луи Наполеоном значит посягать на здравый смысл и не понимать разницы, существующей между законностью и беззаконием. Подобное посягательство можно принять за личную обиду.

Господин смешался; но самолюбие не позволяло уступить.

– Однако что ни говори, Луи Наполеон всё-таки был настоящий император; восемнадцать лет владел Францией.

– Вольно Французам было его терпеть.

– К сожалению, мы смотрим на вещи с разных точек зрения.

– Не удивительно, разных министерств и разно понимаем. Но погодите, в последние годы много сору у нас подмели, выметут и эту разновзглядность, как каждого, прежде чем в камергеры, да в посланники, годика два заставят походить под такт барабана. Представить себе не можете, в какую удивительную гармонию умы приводить приятный звук телячьей шкуры. Спросите у господ Немцев; они скажут.

– Не сходимся во многом. Согласитесь, однако, что после падения Наполеона одно французское безумие могло продолжать

войну против неодолимой германской силы. Смыслу нет у Французов; после таких уронов, как Вёрт, Гравелота и Седан ещё лезть на драку есть прямое преступление, и хорошо делали Прусаки, когда поступали с ними как с бунтовщиками: вешали и расстреливали франкфиров.

– Ваши слова служат новым только доказательством, как розно мы смотрим на вещи. По-моему, до Седана война для Франции действительно имела значение самой бессмысленной ошибки, и только после Седана получила смысл, достойный народа. Оборона родной земли против вторгнувшегося неприятеля – дело святое; не дело народа в таком случае рассуждать, кто прав и кто виноват, а защищать свою честь и Богом дарованное ему достояние.

– Но без армии, без офицеров, без генералов – все в плену, надеяться на удачу, имея против себя многочисленную, отлично организованную, прусскую армию, всё-таки есть верх безумия. Результат это доказал.

– Полный успех остался за Немцами, спорить нечего, и Французы дорого заплатились за свой порыв, но они спасли свою честь, а честь народная великое дело. Пока она жива, ничего ещё не потеряно, а погибла, так и народ погиб безвозвратно.

– Но коммуна, коммуна! не в конец ли погубила она честь Французского народа, который вы изволите так горячо защищать? – с язвительною улыбкой возразил собеседник.

– Совершенно справедливо: коммуна, как дикий зверь, проревела свои сатурналии. Но позвольте спросить вас, объехавшего все европейские столицы, ежели не в одних салонах «à la renaissance» изволили изучать состояние умов, что случилось бы в Берлине, Мюнхене, Вене и разных других пунктах, когда вместо немецких побед Французам бы удалось в летописи своей военной славы записать вторую Иену? Быть может, не менее чем в Париже расходилась бы чернь. Изволите ли знать, что такое значить коммуна которой добивался французский рабочий народ – слово придумано недавно, а вещь далеко не новая – в переводе на обыкновенный язык оно значить: подавай хлеба, подавай дешёвый кров, подавай забаву. За полтора века почти до нашей эры в Риме уже народ кричал – *panem et circenses* – кровь лилась ручьём и развалины дымились. В людях, какого бы ни было языка и пле-

мени, не исключая и немецкого, сидит зверь. Пооблизила его наша цивилизация, как корова своего телёнка, гладок он с виду, ручным прикидывается, а в сущности остался тем же диким зверем. Что случилось в Париже, может случиться и у других. Поэтому позволено только жалеть Французов, а не осыпать их ругательствами. Что же касается до продолжения войны, после первых страшных неудач, то, думаю, мы сами в подобном случае иначе бы не поступили.

– И впутались бы в безвыходное положение. Можем тягаться с кем угодно, только не с Немцами. Прошу извинить, мы все свои здесь, правду можно говорить откровенно: какую же армию, каких офицеров, каких генералов, какое вооружение в силах выставить мы, у кого всё больше существует на одной бумаге, против такого высокого могущества интеллигенции и мудрой организации? Сунемся, так не дай Бог как побьют нас.

Приятель мой в свою очередь потерял терпение: краска бросилась в лицо, глаза засветились. Опасаясь взрыва, я под столом толкнул его ногой, чтобы несколько образумить, но он только взглянул на меня сердито и заговорил со злостью.

– Откуда изволили это взять? Как я понимаю дело, покуда нас не задели, ни с Немцами, ни с прочими соседями ссориться нам не следует. Всегда готовы были жить со всеми в мире и в добром согласии. Немецкой славе мы не завидуем, имеем свои страницы в истории, и их самих не раз приводилось выручать из беды, хотя нам благодарностью за то не платили; за хлебом к ним не пойдём, своего довольно. Чего же нам у них искать? Пускай живут себе, как любо им; объединяются, сколько душе угодно, только в своих собственных границах, не проповедуя заносчиво, что доколе звучит немецкий язык – всё немецкая земля. Этим путём можно уйти маленько далеко. А станут мешаться в наши семейные дела, так сумеем отстоять свою землю да свою вольную волю. Не от вас первых слышу: нет у нас того, нет у нас другого; войско, ружья на одной бумаге; офицеры, генералы дела своего не понимают, куда нам тянуться за другими; есть и такие, что, одурев от чада, которого наглоотались в заграничных палацах, воймя воют: горемычные мы, навеки осуждены у них учиться и перенимать и всё-таки недоучками оставаться; остаётся только пасть на колени да просить прощенья в том, что на свете живём да смеем Русскими

себя называть. А я вам доложу: есть кое-что у нас и не на одной бумаге, а на деле; и коли лично не заметили, так потому, что сами изволили всё в бумагах читать, не устаивая выглянуть за окно. Чего же недостаёт, то из земли вырастет, когда вражья нога ступит на Русскую землю; и ежели бы пришлось попятиться на миг, то, все знают, отдадим один песок да глину, – засылай они своих мертвецов, а не дадим чужому ни одного колоса нашей жнитвы, ни одной живой курицы. После того милости просим к нам пожаловать, с честью примем, с честью выпроводим дорогих гостей; мы же, надеюсь, к ним не пойдём, коли сами силой не потянуть.

Разговор прекратился; молчание водворилось за нашим столом.

Новому знакомцу стадо неловко. Он выглянул за окно, заметил, что дождь уменьшился, чем намерен воспользоваться для передачи поклона от княгини N. пользующемуся водами графу P.; раскланялся с достоинством и вышел из комнаты.

– За что вы его так строго отхлестали? – сказал добросердечный Москвич; – не твёрд в правилах, совершенно справедливо, а всё-таки можно было помягче дать наставление.

– Стоил того, – ответил приятель мой; – знакомы мне эти амфибии: Русский по вышитому воротнику министерского мундира, сердцем Немец, душой лакей, готовый чваниться пред каждым, кто победнее да чином пониже, червяком извиваться пред всякою знатью, не разбирая, своя ли, или чужая, было бы только кому поклониться; поклонами он живёт.

– Вы, кажется, – заметил Остзеец, – больно Немцев не любите и, главное, поэтому так беспощадно его укоряете.

– Безрассудной ненависти ни к кому не питаю; стараюсь каждому, в чём следует, отдать справедливость; но признаюсь, откровенно, могу любить только тех, которые нас любят и нам также отдают должную справедливость. А разве Немцы нас жалуют? Чем выражается их любовь? Возьмите в руки любую немецкую газету, и вы ясно убедитесь в справедливости моих слов. Везде сарказмы, брань и открытое пренебрежение ко всему русскому. Не говорите, что немецкая пресса в еврейских руках, поэтому не выражает настоящего общественного мнения. Евреи люди умные, угощают абонентов по вкусу их, на рынок шлют только тот товар, на который спрос имеется, иначе читать не станут и банкротство неизбежно. Наши русские газеты никогда против Немцев не

допускали себе и сотовой доли тех ругательств, которыми немецкие газеты нас осыпают при каждом удобном случае; станем держать себя, как они держатся в отношении к нам, гордо, неприступно, и поверьте, во мнении их мы выиграем на сто процентов, будут нас уважать и без понуждения штыком да пушкой, которыми в последнее время народы привыкли зарабатывать любовь и уважение совокупно со звонкою монетой. Засим прощайте, господа, завтра еду, прошу лихом не поминать!

– Как? так неожиданно скоро, – заговорили все разом, – придётся провозжать.

– Спасибо за любезное намерение, уверен в вашем добром расположении, но признаюсь, не люблю проводной церемонии. Даже знакомых мне дам не ходил провозжать, а просто отправлял к ним букеты при визитной карточке. Должно быть, очень неловко для дамы: надо усаживаться в экипаж, укладывать дорожные мешки, картончики, думать, как бы «Мимишка» под колесо не попала, как бы горничная чего не позабыла; а тут пришёл мало-знакомый господин, рассыпается в комплиментах, в уверениях; надо улыбаться, отвечать любезностями...

На другой день, после полудня, пред подъездом у моего приятеля стояла коляска. Один я, по званию старого школьного товарища, пришёл его проводить. Привязали сундук позади экипажа. Домашние девы-прислужницы, с хозяйкой во главе, приседая, желали ему счастливого пути и возвращения на будущий год, непременно к ним на квартиру. По приятному выражению, игравшему на их физиономиях, было видно, что он не поскупился на магарычи. Кучер подвязал тормоз и стал спускаться под гору, к Марктплацу, заставленному огромными почтовыми каретами, частью поглощавшими, частью изрыгавшими массы клади и пасажиров; мы сами пошли пешком.

На полугоре повстречались мы с дамой в сереньком бурнусе, личико под синим вуалем, шла она в гору, и вела за руку хорошенького мальчика, в бархатной курточке.

Приятель подошёл и простился с нею; она опять протянула ему свою маленькую ручку.

– Вы уезжаете, кончили курс? Желаю доброго пути, может, случится когда-нибудь, ещё увидимся.

Приятель молча поклонился. Когда она отошла на несколько шагов, язык у него развязался: – Как естественна, как искренна во всём, что делает и что говорит, как хороша, и как мила; право, не мог лучшей встречи пожелать в минуту отъезда; смотрю на неё как на счастливое предзнаменование – доеду до места без разбитой головы и без поломанных рук и ног.

– Зачем ты ей это не сказал?

– Затем, что женщинам её ума того не говорят; думать позволено и сказать своему приятелю, это не подлежит законному запрету.

Дня два после того и я спускался с той же горы, шагая следом за коляской, позади которой колыхался мой дорожный сундучок.

Приводится по: Русский вестник. 1872. Том 82. № 1. С. 303–360.

ВОСПОМИНАНИЯ

I.

Приезд в Вену. – Обязанности военного агента. – Инструкция, данная мне в Петербурге. – Совет Е. П. Ковалевского. – Приказание императора Александра Николаевича. – Этикет австрийского двора. – Затруднения в представлении австрийскому императору. – Аудиенция. – Впечатление, произведённое на меня императором. – Обед во дворце. – Представление императрице. – Затруднительное положение. – Графиня Велден. – Обед у князя Эстергази. – Последствия моего донесения государю императору. – Вена летом. – Пратер.

В Вену я приехал 1 августа (20 июля) 1866 года, на смену графа Эрнеста Штакельберга, получившего назначение занять место посланника в Турине. До того ещё князь Горчаков, бывший посланником при австрийском дворе, был назначен министром иностранных дел; нашим венским посольством временно заведовал, в звании поверенного в делах, Виктор Петрович Балабин. Генерал граф Штакельберг имел приказание дожидаться в Вене моего приезда, познакомить меня с делами, касавшимися до моей обязанности, и представить тем высшим австрийским лицам, с которыми мне следовало сноситься по званию военного агента. В первый же день моего приезда я явился к Балабину, правившему посольством, при котором мне следовало числиться косвенным образом; а потом пошёл к Штакельбергу, знакомому мне ещё со времени его адъютантства при князе Чернышёве. Штакельберг находился на отъезде; жену свою (красавицу француженку, про которую я много слышал, но которой никогда не имел удовольствия встретить) уже отправил вперёд в Италию; поэтому, не теряя времени, повёз он меня к обер-гофмейстеру двора, князю Карлу Лихтенштейну, и к первому императорскому генерал-адъютанту, графу Грюнне, главным представителям двух ведомств, придворного и военного, а касательно дел мне объявил:

– Механизм австрийской армии, её организацию и воинские уставы вы найдёте у любого книгопродавца, а затем смотрите, на-

блюдайте и поступайте по собственному разумению; иного вам сказать не имею.

Лежала на мне, как на каждом военном агенте, одна исключительная обязанность следить за техникой и всяким новым усовершенствованием военного дела в предназначенном государстве. В Петербурге по этому предмету мне была дана весьма подробная инструкция, видимо, составленная с полным пониманием специальной стороны важнейших военных вопросов, но без потребного знания заграничных порядков, почему и содержала много неудобноисполнимого. Умный Егор Петрович Ковалевский, управлявшей в то время азиатским департаментом в министерстве иностранных дел, которому я её показал, только заметил:

— Весьма почтенный канцелярский труд; вам же советую: приехав в Вену, сдайте вашу инструкцию в посольство под замок и потом в неё не заглядывайте, а поступайте, как позволять обстоятельства. В чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Так я и сделал.

Лучшее наставление дал мне, когда я откланивался, покойный государь Александр Николаевич, и во всё моё пребывание за границей я твёрдо помнил его разумное приказание:

— Зорко следи за каждым улучшением по военной части, береги при этом достоинство русского офицера, и сам ни словом, ни делом не задавай чужого самолюбия. Никогда не теряй из виду, что все военные, какого бы ни было языка и знамени, между собой товарищи по долгу охраны спокойствия и государственной безопасности, и при честном исполнении своей обязанности заслуживаю всякого уважения, хотя бы от того страдал наш собственный интерес.

На представлении моем Лихтенштейну и Грюнне дело не должно было остановиться; чрез них мне только открывалась дорога ко двору и войску, а главное дело оставалось ещё впереди. Следовало мне сперва представиться императору, императрице, эрцгерцогам, высшим лицам военного звания, и потом уже знакомиться с дипломатическим корпусом и с обществом. Для представления членам австрийского царствующего дома, начиная от императора до младшего эрцгерцога, следовало испрашивать аудиенцию. Казалось, в таком случае ближе всего мне было действовать чрез посольство, а тут-то и зарождался нескончаемый ряд

затруднений. Наш министр, князь Горчаков, был отозван; посольством заведывал «поверенный в делах», а по австрийскому придворному этикету того времени (отменённому впоследствии) чины иностранных миссий, ниже министра, не пользовались доступом ко двору; поэтому Балабин, сам не будучи лично представлен императору, не имел возможности прямо действовать в мою пользу, и ему бы пришлось повести дело чрез австрийское министерство иностранных дел, путём не довольно спешной дипломатической переписки. Мне же требовалось как можно скорее явиться императору – узнать, каким образом я буду принять им, что в некотором смысле могло послужить указателем меры добрых отношений, какие он располагает восстановить с нами после открыто неприязненного положения, которое австрийское правительство занимало против России во время восточной войны. Отчасти с такою целью мне и было приказано отправиться в Австрию ещё до коронации государя императора и до назначения в Вену русского посланника в замену князя Горчакова.

К счастью, мне открывался весьма удобный способ миновать этот, придворным этикетом поставленный, камень преткновения. В Австрии, как и в Пруссии, все носящие военный мундир, свои и чужие, пользуются одинаковым правом прямо являться к царствующему лицу, испросив волю его, в Берлине чрез городского коменданта, в Вене чрез первого императорского генерал-адъютанта. Говорю – первого потому, что в Австрии при императоре состоят всего два генерал-адъютанта, первый и второй, облечённые в это звание только на время исполнения генерал-адъютантской должности. Получив другое назначение, они теряют и звание своё наравне с флигель-адъютантами из штаб и императорскими адъютантами из обер-офицеров армии. На основании того военным принадлежащего права я письменно обратился к графу Грюнне, к эрцгерцогским адъютантам, обер-гофмейстерам императрицы и эрцгерцогинь, с просьбой доставить честь явиться их величествам и высочествам; и, могу сказать, неожиданно скоро получил мною просимые уведомления. Одно представление императрице было отложено по причине её недавних родов, бывших 12-го поля того года, дня рождения старшей императорской дочери, эрцгерцогини Гизеллы.

Император Франц-Иосиф принял меня в Бурге (венском дворце) в особой аудиенции, как военного, с обычной военной обста-

новкой, без содействия придворных чинов. Встретил меня лестнице и провёл по залам императорским адъютант, доложил обо мне флигель-адъютант. Минуту спустя очутился я глаз на глаз с австрийским императором, которого, по общему небеспричинному настроению, существовавшему у нас во время восточной войны, привык считать нашим закоснелым недоброжелателем – и принуждён был значительно смягчить представление о нём, сложившееся под влиянием недавней политической распри, так далеко оттолкнувшей Россию от Австрии. Первое впечатление, которое на меня произвёл молодой двадцатилетний император, было, хотя не обаятельно, чему противилась его видимо холодная натура, но во всех отношениях удовлетворительно. Стройного роста, приметно сдержанный в речах и приёмах, глядел он несколько застенчиво, говорил медленно, взвешивая каждое слово, и внимательно прислушивался к ответам. Милостливо протянув мне руку, – имел он обыкновение, как я позже заметил, из дипломатического корпуса давать руку одним послам, военным же делал эту честь, кому захочет, не разбирая, какого чина, – после обязательного расспроса о здоровье государя и государыни, он слегка коснулся моей прежней кавказской службы и потом перевёл разговор на предмет, о котором неловко было бы промолчать пред русским офицером. Заговорил он о нашей последней войне, причём с должным приличием, осыпав горячею похвалою наши войска за славную Севастопольскую оборону, ни единым словом не коснулся общего хода военных операций, которыми, как известно, нам нечего было особенно гордиться. Заключил император извещением, что касательно цели моего пребывания в австрийских пределах им отдано приказание ничего не скрывать, и мне следует только обращаться к графу Грюнне за получением потребных мне военных сведений. Тогда же показалось мне, – думаю, мало ошибаюсь, – что император Франц-Иосиф в своих действиях против нас во время войны, да и позже, гораздо более подчинялся так называемому «raison d'état», чем своему собственному чувству, которое его, тогда ещё абсолютного монарха, непременно должно было склонять на сторону России. Мне самому в продолжение моего долгого пребывания в Вене не удалось подметить в нём ни малейшей тени нерасположения ко мне как к русскому офицеру, озабоченному одним исполнением

своих служебных обязанностей, помимо всяких посторонних соображений. Бывали минуты официального охлаждения, но всегда по поводу какого-нибудь политического разногласия между двумя правительствами, а император Франц-Иосиф тем временем при случайных встречах лично продолжал относиться ко мне равно внимательно.

За обеденным столом, к которому я был приглашён скоро после аудиенции, австрийские генералы, следуя императорскому примеру, наперерыв старались своею приветливостью произвести на меня самое приятное впечатление. Не знаю, какого рода чувства они таили в глубине сердца, но формы самой утончённой вежливости были строго соблюдены; и больше того никто не вправе требовать от чужих, да и от своих, когда отношения не скреплены непритворным дружелюбием, возможным только между людьми, связанными одинаковым интересом. Бывают исключения – сам испытал – но часто ли встречаются они, эти случаи безрасчётного доброжелательства, пусть каждый спросит самого себя.

В конце августа (по григорианскому календарю, которого и впредь стану держаться), вместо просимой мною аудиенции меня пригласили в Лаксенбург к императорскому столу, где перед обедом состоялось моё представление императрице, которая, считая не больше девятнадцати лет, находилась тогда в полном цвете красоты, на мой взгляд нимало не уступавшей прославленной красе позже мною виденной супруги Луи Наполеона. Императрица Элизабет казалась даже несравненно привлекательнее. Высокая, стройная, грациозная, отличалась она нежно обрисованными чертами лица прозрачной белизны, на котором в то время лежал ещё оттенок томной бледности от недавней болезни. Опустив ресницы, будто робея, подошла она и заговорила по-французски шёпотом, так тихо, что я слова не мог разобрать, и мне пришлось отвечать ей почти наугад. При ней находившаяся фрейлина, – в Австрии они носят название дам, «Hofdame», не смотря на своё девичество, – графиня Ламберг, спросила меня, когда мы пошли в столовую:

– Императрица говорить непростительно тихо; успели вы слышать, о чём она вам говорила?

– Ничего не расслышал.

– Как же вы отвечали?

– Наугад, – надеюсь, боги меня уберегли от да или нет, сказанного невпопад.

– Надо было, не расслышав, переспросить.

– А от этого меня удержала счастливая догадка, хотя только начинаю проходить школу придворного этикета, ведь я до сей поры при дворе никогда не служил.

За столом мне пришлось сидеть по правую сторону от императрицы, возле которой место занимал эрцгерцог Максимилиан, между баронессою Велден, облечённой в звание воспитательницы новорождённой эрцгерцогини, и графинею Ламберг. Разговор вела со мной баронесса Велден по-французски. Посреди обеда эрцгерцог Максимилиан наклонился к ней и довольно громко сказал несколько слов, после чего она по-немецки обратилась ко мне с вопросом, слышал ли я, что изволил сказать его высочество.

– Нисколько, я с намерением уклонился в другую сторону, когда он с вами заговорил.

– Эрцгерцог, – сказала она, – заметил мне, почему я говорю с вами по-французски, когда вы по-немецки говорите не хуже нас; бросим теперь французский язык.

Это послужило мне уроком при дворе всегда говорить по-немецки, разве сам император или кто из эрцгерцогов заговорят на другом языке.

По окончании обеда отбыли мы обычный «cercle», заключающийся в расстановке приглашённых по старшинству и званию вокруг приёмной комнаты, после чего их обходят сперва император, а потом императрица, обращая к каждому несколько милостивых слов, и, совершив круг, раскланиваются, что и служить сигналом расходиться по домам.

Прогуляв несколько времени по тенистому Лаксенбургскому саду, к вечеру вернулся я в город. Не стану распространяться в описании Лаксенбурга и его окрестностей. Какой турист, побывав в Вене, не полюбопытствовал взглянуть на Шёнбрунн и на Лаксенбург, эти две императорские загородные резиденции, и по южной железной дороге не проехался в Баден и Фёслау, служащие летним купальным притоном для значительной части венской публики? Видавшему нечего рассказывать, он сам испытал, в котором из этих мест живётся приятнее и дешевле; а кто не видал,

того Бедекера красная книжечка и ряд весьма дешёвых фотографий лучше моего рассказа познакомят с Лаксенбургом, Баденом, Фёслау, Мёдлингом и прочими истинно живописными окрестностями весёлой Вены.

Благосклонный приём со стороны императора и приглашение в Лаксенбург, выходявшее из ряда обычного почёта, оказываемого лицам иностранных миссий, имели полное значение дружелюбной демонстрации в угождение приславшему меня русскому государю. По обязанности моей я не замедлил донести обо всём, как было, и скоро после того имел удовольствие узнать, какое благоприятное впечатление произвёл мой рапорт. В конце сентября вернулся в Вену князь Павел Эстергази, присутствовавший в Москве на коронации государя Александра Николаевича в звании австрийского экстраординарного посла. Скоро после того мне принесли визитную карточку от князя, и вслед за тем я получил от него приглашение к обеду, на который явился, решительно не понимая, из-за какой благодати Эстергази меня жалует такою внимательностью, когда сам я ещё не успел побывать у него. Дело тут же объяснилось. Встретил меня князь Эстергази неожиданным приветствием:

– Я обязан вам благодарностью, вы оказали мне чувствительную услугу.

– В первый раз имею честь видеть вас – не понимаю, чем мог услужить вашей светлости.

– А вот чем вы мне услужили. Во время коронации, на первых порах, откровенно говоря, моё положение было далеко не завидно. Государь и вслед за ним московское общество заметно холодно относились ко мне и к моему английскому коллеге. Исключительною внимательностью пользовался один Морни; императрица ваша с ним открыла первый большой бал. Несколько дней спустя, государь подошёл ко мне на другом бале и в самых лестных выражениях высказал мне свою признательность за ласковый приём, которым вас отличили при нашем дворе. «Донесение, полученное мною по сему случаю от моего полковника, – сказал государь, – очень обрадовало меня, прошу, передайте это вашему императору». С той поры моё положение совершенно изменилось, и мне остаётся только хвалиться милостью вашего государя и гостеприимною внимательностью русского общества. Этим обязан я вашему донесению.

– В таком случае я исполнил только свой неременный долг, сообщив чистую правду.

Затем во всё время моего пребывания в Австрии я продолжал пользоваться добрым расположением князя Эстергази, и в доме у него провёл немало приятных минут. Значит, говорить правду не всегда же приносить одни горькие плоды.

Остановился я в «Штадт Франкфурт», не самой видной, но, положительно можно сказать, лучшей венской гостинице того времени. Несмотря на небольшой размер комнат, в которые только вскользь проникали солнечные лучи поверх крыш противоположных высоких домов тесной «Шпигель-гассе», эта гостиница служила любимым пристанищем австрийских магнатов, всегда была переполнена приезжими, что и принудило меня довольствоваться очень непросторным, зато более светлым номером, на высоте третьего этажа. Позже, до приезда жены, остававшейся в России, пока успею оглядеться в новом месте, переместился я в меблированную квартиру в частном доме, откуда и повёл свои первые наблюдательные прогулки по городу и его окрестностям.

Летом в Вене хоть шаром покати, не увидишь ни единой души высшего круга – по улицам шныряют одни мелкие чиновники, торговцы, лавочные барышни, да рабочий народ хлопочет около домов и мостовой, требующих вечной починки. Двор переезжает в Шёнбрунн или Лаксенбург, аристократические фамилии проводят лето в своих поместьях, военные в лагере, дипломатический корпус рассеян по ближайшим окрестностям, зажиточное купечество, особенно еврейского происхождения, заселяет Баден, Фёслау и Брюль, возле Мёдлинга. Поэтому мне не с кем было знакомиться; тратить время на визиты не представлялось ни малейшей нужды, и я весь свой досуг отдал изучению города и народной жизни. А тут в Вене есть к чему приглядеться. Пред всеми германскими городами, кроме Берлина, в последние годы ушедшего далеко вперёд, Вена отличается своим живым уличным движением, неутомимой гонкой за наживой и за удовольствиями. «Ein profitables Geschäft machen» – мысль, не покидающая его ни днём, ни ночью, подгоняет сына ветхого завета; «sich unterhalten» стоит на первом плане у крещёного коренного венца. Прекрасный пол идёт тем же путём, который ему указываешь мужья, отцы и братья, и грешно было бы не любоваться венками; так много встре-

чаешь между ними красивых лиц, прелестных талий и ножек, обутых не хуже, чем в Париже и в Варшаве.

В Германии ходить всем известная поговорка: «In Sachsen, wo die schönen Mädchen wachsen».

Очень несправедливо! Северная Германия не вправе хвалиться красавицами; именно в Саксонии редко встречаются женщины стройного склада; кроме того, они сплошь и рядом наделены природой не весьма красивыми ножками. За малым исключением ноги велики, широки и плоски – от этого далеко не привлекательная утиная походка. В Австрии же повсюду встречаются замечательно красивые женщины самых разнородных типов, по причине разноплеменности её населения. Миловидные и неглупо-бокодумные, жадные на всякую забаву, наряжаясь и кокетничая, беспечно рассевают они цвет своей молодости по гладкому паркету или по скользкой мостовой, кому как судьба указала, и тем придают всем общественным слоям мягкий оттенок мало чем возмутимого благодушия, составляющего известную австрийскую «Gemütlichkeit».

Поэтому, кажется, вернее было бы вместо Саксонии пометить Австрию поговоркой:

«Das gemüthliche Österreich, an feschen² Mädchen so reich».

Среди мужского населения такое благодушие, однако, весьма обманчиво: неосторожно было бы полагаться на него без всякой оглядки. Низший класс вообще очень груб, ленив, не отличается понятливостью и пропитан злостью, доходящею до свирепости по самому малому поводу. Много тому способствует опьянение от тяжёлых пивных паров. В середине города пьяных почти не встречаешь – полиция тщательно их подбирает; зато в кабаках и в пивных, по городским окраинам, дня не проходить без драки, и редкая драка обходится без увечья и убийства. Австрийский простолудин постоянно прячет в карман складной ножик, так называемый «Taschenfeitel», и чуть не в силах одолеть своего противника палкой или кулаком, хватается за этот инструмент и колет куда попало. И не только в минуту раздражения способен он по-

² «Феш» – местный венский термин, для которого на русском языке нет подходящего слова, и французский «шик» не то выражает; «феш» означает живую, бойко-щеголеватую, всегда весёлую красотку.

работать ножом, а из-за бездельного спора, из-за бранного слова готов подкараулить обидчика и всадить ему ножик из-за угла, после чего с тупоумным равнодушием отдаёт себя в руки полиции, коли не успел бежать, иной же раз отбивается, как разъярённый зверь, пока не успеют его скрутить. Более благонадежная «гемютлихкейт» положительно начинает проявляться только в народных слоях, уже получивших лёгкий образовательный лоск, ежели притом некоторый достаток позволяет жгучий вопрос о дневном пропитании заменить вопросом о препровождении времени, наполняя его удовольствиями, в Вене столь легко доступными каждому, у кого в кармане не царит совершенно безотрадная пустота. Тут венский уроженец раскрывает наблюдателю широкое поле для изучения своего бытового направления, имеющего главною целью уже сказанное «sich unterhalten», т. е. пожить в своё удовольствие.

Высшее венское общество, как везде, страстно предано театру и балету. В этом отношении, с небольшим, местным, едва уловимым оттенком, Вена представляет ту же яркоцветную картину великосветской жизни, какую можно видеть в Париже, Петербурге, Берлине. И знаменитый Пратер, зимой и летом служащий ежедневно местом прогулки для венского общества, мало чем отличается от прочих загородных столичных гульбищ, доставляющих удовольствие себя показать и поглазеть на публику – вся разница в том, что в Пратере более попадаетесь красивых женщин, чем кровных лошадей, которыми Лондон и Петербург богаче Вены. Поэтому нечего рассказывать, как и где венское привилегированное общество проводить своё время.

II.

Конкордат. – Его значение для Австрии. – Его создатели. – Внутреннее состояние Австрии. – Министр Бах. – Поездка императора Франца-Иосифа в Венгрию. – Общее недовольство. – Результаты близорукой политики. – Смотри венскому гарнизону. – Несчастный случай со мной. – Придворный обед. – Австрийские войска. – Императорская свита. – Венское высшее общество. – Голландский посланник Геккерн. – Его злой язык. – Графиня Елена Эстергази. – Графиня Батиани и её похождения. – Камергер Полянский.

Австрию застал я в полном цвете «конкордата», заключённого с папой, 18-го августа 1855 года, ради утверждения за католической религией, как значилось в тексте, тех преимуществ, какими она должна пользоваться по воле Господней и по церковному закону. Первый шаг к этому договору был сделан ещё при жизни министра-президента, князя Феликса Шварценберга, отменой Иосифом II установленного «*Placetum regium*», которым запрещалось без воли правительства обнародовать какие бы то ни было папские постановления. За сим уничтожались конкордатом все другие, позже изданные, церковную власть стеснявшие законы. Епископам открывалось неограниченное право по всем церковным делам прямо сноситься с папой, запрещать Риму неугодный книги и газеты, авторов подвергать публичному порицанию, руководствовать преподаванием во всех учебных заведениях, не исключая университетских лекций, каждого нарушителя церковной дисциплины карать церковным наказанием, каковое, по старым австрийским законам, сверх того, сопровождалось потерей разных гражданских прав. Праву церкви учреждать новые мужские и женские монастыри и приобретать движимое и недвижимое имущество не ставилось никакого предела. Все дела, касавшиеся до брака, коли одна сторона принадлежала к римской церкви, исключительно отдавались на суд католических консисторий, имевших безапелляционное право по своему усмотрению дозволять и запрещать такого рода смешанные браки, равномерно разрешать бракосочетание католиков, состоявших в степени родства, недозволенной каноническим законом. Хотя брак католического с не католическим лицом прямо был объявлен делом, противным воле Божией и закону природы, но допускался за положенную плату, послужившую обильным источником обогащения папской казны. В довершение всего доход с восьмидесятимиллионного фонда – «*Religions und Stndienfond*», – составленного Иосифом II из имущества семисот им упразднённых монастырей на содержание приходских священников, школ и разных благотворительных заведений, был отдан в полное распоряжение епископов и таким путём поступил в непосредственное ведёте римской курии.

Такие постановления конкордата, отодвинувшие Австрию в отношении веротерпимости ко временам Фердинанда II, невыносимым гнётом легли на всё разноплеменное католическое и не-

католическое население империи, а само правительство лишили симпатии всего просвещённого, в особенности же протестантского, мира. Сочувствовало конкордату одно высшее дворянство, иезуитским воспитанием и сословным интересом крепко прикованное к Риму, благодушно принимающему в лоно своей церковной иерархии обездоленных младших сыновей и братьев майоратами наделённых магнатов. Силою и богатством римской церкви обеспечивалось существование значительного числа непервородных потомков лучших семейств. Как же при таком порядке вещей австрийской аристократии было не сочувствовать всякому расширению духовной власти и безграничному умножению церковного богатства?

Торжествовали Рим и высшее австрийское духовенство; зато деревенские, приходские священники, эти на вечную бедность обречённые парии католической церкви, ниже прежнего понурились головы: их материальный быт остался в прежнем положении, и только, лишённые последней тени гражданской защиты, конкордатом они отдавались на безотчётный произвол своих епископов.

Главными деятелями конкордата были венский архиепископ Раумер, за такой подвиг возведённый в звание кардинала; министр граф Лео Тун, отъявленный клерикал, слепой исполнитель властолюбивых замыслов патера Бекса, генерала ордена иезуитов, и ловкий делец – министр Бах, одинаково ревностно готовый служить церкви и её противникам, лишь бы удержать в руках свой министерский портфель. Граф Буль, заступивший во главе министерства иностранных дел князя Шварценберха, умершего в 1852 году, не размышляя, шёл по дороге, проложенной своим предшественником.

Молодой император, не успевший ещё приобрести потребного опыта в государственном управлении, покоряясь влиянию своей иезуитами совершенно опутанной родительницы, эрцгерцогини Софии, настоянию министров, да и по собственному религиозному чувству, не задумываясь принял все папой предложенный условия. Успели уверить императора, будто помощью лишь усиленного могущества католической церкви может быть восстановлена твёрдым образом собственная, революцией ослабленная власть. Последствия доказали, что все сторонники конкордата, в том числе даже очень дальновидные отцы иезуиты, радикально ошиб-

лись в своих расчётах. Конкордат не только ничего не укрепил, а напротив расшатал штыком и пушкой только что скреплённые связи австрийского государственного здания, и самому правительству стал камнем преткновения на пути гражданских преобразований, повелительно требуемых духом времени.

Государственная власть наружно казалась прочно установленной во всех частях многоязычной империи: повсюду господствовала полная тишина. Революция, Виндишгрецом подавленная в Праге и в Вене, Радецким в Италии, Гейнау в Венгрии, благодаря русской помощи, чаялось, следа не оставила; самые тягостные, самые несообразные правительственные распоряжения проводились без помехи и без сопротивления. Конституция, дарованная Францом Иосифом всем австрийским подданным, 4-го марта 1849 года, уничтожена, наравне с конституцией, обнародованною императором Фердинандом, 25-го апреля, 1848 года; венгерское королевство было обращено в австрийскую провинцию с отменой и политических прав, до восстания принадлежавших венгерскому народу; итальянские области, увлечённые надеждой восстановить свою народную независимость, были усмирены силою оружия; южные славяне, в награду за кровь, пролитую ими против венгерцев в пользу империи, поставлены в обидно двусмысленное положение, которому они принуждены были покориться, как покорялись своей судьбе все остальные народности, подведённые один общий уровень самых тягостных полицейских мер, не давших, однако, в продолжение времени желанного результата. При этом австрийское правительство сделало ошибку, от которой продолжает страдать до настоящего времени. До 1848 года различные австрские народности, пользуясь полным равноправием, мирно прозябали одна возле другой; стараясь восстановить свою революцией потрясённую власть, правительство разбудило богородушно дремавший племенный антогонизм: славян вооружило против венгерцев; из чехов образовало полицейской надзор в немецких провинциях; славян, проявивших свою силу, повело путём скрытой германизации и пуще всего принялось косвенно теснить протестантов, составлявших в Венгрии религиозно-политический элемент, не допускавший открытого нарушения принадлежавших ему исторических прав. Венгрию, разделённую на пять административных округов, взамен прежде существ-

вовавших комитатов, наводнил чиновниками немецкого происхождения, слова не знавшими по-венгерски, нарядив их, для задачи им местного рига, в испещрённые золотыми шнурами мундиры венгерского покроя, за что и были прозваны в народе «баховскими гусарами».

Таким же образом пражская полиция была составлена из немцев, не владевших чешским языком. Языки смешались ровно при вавилонском столпотворении: правители и управляемые, блюстители общественного порядка и публика, не понимая друг друга, становились в тупик, злились, путались, и чем больше выходило путаницы, тем сильнее возрастала их обоюдная ненависть, правительственный авторитет утопал в омуте бюрократической неурядицы, дошедшей наконец до того безотрадного положения, из которого может вывести один крутой поворот на новую дорогу. Граф Тун своею иезуитскою аргументациею, Бах своею удивительно находчивостью, не брезгавшею даже прямым обманом, постоянно вводили в заблуждение молодого императора касательно истинного положения дел. Резким примером, как Бах ловко умел пользоваться обстоятельствами, служила первая, в 1852 году им устроенная, поездка Франца-Иосифа во вновь организованную, к империи присоединённую, венгерскую провинцию. Пред императорской поездкой сам Бах съездил в Пешт, переговорил с местными начальниками и под рукой распустил слух, будто император венгерцам везёт полную горсть негаданных милостей. Знал он, что венгерцам более всего желательно восстановление королевства на прежнем основании, без чего никакая милость, никакая льгота их не примирят с австрийским царствующим домом, и знал, что этого не будет. В надежде на такую высокую милость, венгерцы восторженно приветствовали императора – и горько ошиблись в своём ожидании. Императору же Бах объяснил народный восторг пламенным выражением преданности и благодарности за новую организацию и присоединение Венгрии к могущественной Австрийской империи. А какой переворот произошёл от этого в народном чувстве, как после того даже магнаты, дотоле преданные двору, стали переходить на сторону оппозиции, несколько не тревожило барона Баха: император остался доволен своей поездкой, сам он крепче прежнего уселся на своём месте, чего только и домогался, придумав с повязкой на глазах провезти по Венгрии своего доверчиваю повелителя.

Повинуясь силе обстоятельству австрийские народы, не нарушая послушания, покорялись административным и полицейским мерам, направленным против их политической свободы, но эта вынужденная покорность перешла в громкий ропот, когда духовенство, в силу прав, данных ему конкордатом, наложило руку на семейный быт и принялось подводить под церковную цензуру вседневные отправления частной жизни. Первым последствием конкордата явился строжайший запрет некатоликов хоронить на католических кладбищах; даже покойникам военного звания, не принадлежавшим к римской церкви, были отведены особо отгороженные уголки на католических погостах. После того школа и брак сделались предметом непримиримой распри между церковными властями и народом. Со всех концов империи посыпались жалобы и протесты, ропот умножался, негодование разрасталось в массах и дошло, наконец, до того предела, за которым ему остаётся только перейти в открытое сопротивление. От самого слабого толчка грозило рушиться на рыхлой почве административного произвола построенное, клерикальным властолюбием увенчанное, здание Туно-Баховской политики. Наступила неудачная итальянская война – Маджента и Сольферино громовым ударом разразились над Австрией, обнаружили несостоятельность вооружённой силы, на которую правительство полагало всю свою надежду, оппозиция громко заговорила, и обманутый в своих лучших ожиданиях император Франц-Иосиф увидел себя принуждённым радикально изменить принятую им систему правления, после чего и конкордат не устоял против напора общественного мнения.

Войска в сборе не привелось мне увидеть раньше ноября. Собираясь посетить итальянские провинции, император Франц-Иосиф, пред отъездом своим, на городском гласисе произвёл смотр войскам венского гарнизона, сколько помнится, в составе двух пехотных дивизии, бригады кавалерии и двух полков артиллерии. На другой день был назначен большой придворный обед, на котором долженствовал присутствовать весь дипломатический корпус, посреди значительного числа военных чинов Австрийской империи. Императорской военной свите и иностранным офицерам, – в Вене тогда находились только я да прусской службы майор Камеке, о котором мне часто ещё придётся говорить, – для сопровождения императора надлежало собраться у дворцового

подъезда на Белларии. Этот смотр едва не обошёлся мне очень дорого. Жилья в Ренгассе, против дома Ротшильда, на смотр принуждён был ехать на совершенно мне незнакомой лошади, взятой напрокат из какой-то частной берейторской школы, и не успел рысью выехать на Фрейунг, как мой конь, поскользнувшись на гладкой мостовой, вместе со мной повалился на землю копытами вверх и стал биться, домогаясь встать на ноги. Моя левая нога попала под лошадь, правой ногою мне удалось оттолкнуть её в противоположную сторону, иначе она бы мне помяла грудь и рёбра. Как водится в подобном случае, мигом окружила меня толпа любопытных.

– Давайте воды! Несите в ближайший дом! – закричали некоторые зрители.

На лицо случившийся г. Фраппар, первый венский балетный танцор, поднял и поставил меня на ноги, что и доставило мне удовольствие лично с ним познакомиться.

Первое мгновение я простоял, не помня себя, – венская гранитная мостовая не особенно мягка, – но скоро оправился и окружавших меня господ только попросил, несколько пообчистив, мне помочь снова сесть на лошадь, после чего поехал, куда следовало. Вышел император на Белларию, большим галопом отправился к войскам, обскакал три линии и потом два раза пропустил полки мимо себя церемониальным маршем. Скакал и я, сидя на балансе; нога, бывшая под лошадью, висела, как чурбан, а боль увеличивалась в ней с каждым мгновением. Вернувшись на Белларию тем же быстрым аллюром, император слез с лошади, чему последовала вся свита; я один остался на седле.

– А вы не располагаете спешиться? – взглянув на меня, спросил граф Грюнне несколько ироническим тоном.

– Желал бы, да не могу. Пред смотром вместе с лошадью лежал на мостовой. Одной ногою решительно не владею; боюсь при малейшем движении ничком улечься на землю.

– А! Я этого не знал; надо вам помочь.

Грюнне подозвал придворного жандарма; меня сняли с лошади, усадили в карету и отвезли на квартиру.

Явился доктор, осмотрел ногу, перевязал, уложил меня в постель и приказал прикладывать холодные компрессы. Выше колена оказалась глубокая рана, прижатая нога посинела от прилива

крови; полома не было. Похождение моё огласилось в газетах. Не хотелось мне, однако, миновать первый официальный обед да, пожалуй, ещё в глазах господ австрийцев показаться плохим солдатом, неспособным превозмочь малейшую боль. Просил я доктора во что бы ни стало доставить мне возможность обуть больную ногу, хотя бы на самое короткое время, чего он и достиг, приказав её натирать хлороформом с утра до самого обеда. К шести часам я оделся, поехал во дворец, высидел обед, выстоял весьма продолжительный «cercle», в течение которого ко мне подходили император и императрица, отвечал на речи их, не показывая вида, будто страдаю; когда же пришлось расходиться, боль меня одолела: пошёл я, упираясь в стену, как бывает с человеком, неосторожно выпившим за обедом лишний стакан.

Эрцгерцог Альбрехт заметил моё странное шествие, подошёл разведать причину и узнав, в чём дело заключалось, подозвал придворного лакея, который меня под руку провёл к экипажу.

Три недели после того пришлось мне с перевязанной ногой пролежать на кровати.

Войска, бывшие на смотре, произвели на меня хорошее впечатление. Построения делались правильно, не особенно скоро, зато без лишней суеты. Белые мундиры придавали пехотному строю очень красивый вид; кавалерия отличалась ездой, но не щеголяла лошадьми, как у нас, подобранными под рост и под одну масть. Артиллерия, на мой взгляд, ни орудиями, ни запряжкой, ни поворотливостью не могла состязаться с нашей артиллерией; зато, сказывали, превосходила её в цельной стрельбе, чему я должен был поверить на слово, не имея возможности на смотре познакомиться с её боевыми качествами. Не вхожу в дальнейшие подробности касательно обучения, обмундировки и вооружения австрийских войск, что и в своё время могло интересовать одно наше военное министерство, а теперь потеряло всякое значение для позднего читателя этих записок, так много с этой поры над головой австрийского, да и всякого другого европейского солдата, прошло реорганизаций, новых обмундировок и перевооружений. Скажу только, что императорская свита не одной добротой лошадей и блеском мундиров, но и числом военных знаменитостей времени ещё наполеоновских войн способна была обратить на себя общее внимание. Кроме человек шести старых и молодых

эрцгерцогов, императора сопровождали три фельдмаршала – Виндишгрец, Ньюжан, Вратислав, генералы Вимпфен, Шлик, Гесс, Бенедек, занимавшие весьма почётное место в преданиях австрийской армии. Белые генеральские мундиры, при красных панталонах, эффектно красовались посреди раззолоченного конвоя дворцовой трабантен и арцирен лейб-гвардии. С непривычки мне показалось несколько странным отсутствие эполет, – мимоходом сказать, в сущности очень практичная выдумка. На взгляд же военного человека, привыкшего по эполетам различать чины, без них чего-то недостаёт в обмундировке. Офицер без эполет представляется глазу его ровно петух без гребешка. Но к этому скоро привыкаешь. Одни чересчур укороченные полы у офицерских кафтанов очень мне не понравились – на молодом человеке стройного склада ещё ничего; на старом толстяке больно некрасиво.

Император смотром остался весьма доволен, да, признаться, самый строгий взгляд не отыскал бы повода к порицанию. В те же годы император, Франц-Иосиф, всецело преданный военному делу, в армии своей, прошедшей чрез революцию, не изменив долгу своему, увенчанной двумя блестящими победами над сардинскими войсками, видел несокрушимый залог своего могущества и своей будущей славы. Всё в ней его занимало и радовало. Поэтому, собрав около себя на Беллாரии начальников частей, бывших на смотре, он милостиво стал им оказывать свою признательность именно в ту минуту, когда я не в силах оказался, спешившись, подойти и выслушать его слова.

Понятно было, если графу Грюнне показалось несколько странным и даже неуместным, что я остаюсь на лошади, когда спешился император, и вся свита, покинув лошадей, его окружила.

Извинила меня положительная невозможность исполнить то, что сделали все другие.

Венское общество из своих поместий переселяется в город очень поздно, не раньше декабря, когда кончается охота. С этой поры начались мои первые знакомства в кругу австрийских фамилий; первенствующим лицам дипломатического корпуса, проводящим летнее время в ближайших городских окрестностях, я был представлен ещё раньше Балабиным и новоприбывшим посланником нашим, бароном Будбергом. В среде дипломатов, датский министр, граф Билле-Браге, человек весьма почтенных лет,

счастливый обладатель милоликой, далеко не пожилой супруги, и испанский посланник, Дальон, у которого подрастали две дочери, обещавшие стать на ряду красивейших венских «comtessen» (как в Австрии величают каждую девицу, будь её отец князь, граф или барон), сверх официального приёма, имели обыкновение соби- рать ещё более тесный кружок хороших знакомых в своих прият- ных салонах. После театра, кончающегося в Вене не позже деся- того часа, всегда можно было зайти к Билле-Браге или к Дальону с уверенностью не скучая провести зимний вечер. Принимали и другие в Вене пребывавшие послы и посланники, ограничиваясь, однако, зваными вечерами и обедами, которыми тщеславно ста- рались друг друга перещеголять. И Гекерн, чрез Петербург про- шедший нидерландский министр, оставивши у нас не весьма добрую память по поводу несчастной кончины Александра Пуш- кина, несмотря на свою известную бережливость умел себя пока- зать, когда требовалось сладко накормить нужного человека. В одном следовало ему отдать справедливость: он был хороший знаток в картинах и древностях, много тратил на покупку их, ме- нял, перепродавал и всегда добивался овладеть какою-нибудь редкостью, которою потом любил дразнить других, знакомых ему собирателей старинных вещей. Квартира его была наполнена об- разцами старинного изделия, и между ними действительно не имелось ни одной посредственной вещи. Был Гекерн умён; пола- гаю, о правде имел свои собственные, довольно широкие, поня- тия, чужим же прегрешениям спуска не давал. В дипломатиче- ском кругу сильно боялись его языка, и хотя недолгобливали, но кланялись ему, опасаясь от него злого словца.

Случилось мне однажды сидеть возле него на придворном бале. Мимо нас, гордо вперив глаза в потолок, прошёл новонаимено- ванный, далеко не синекровный, министр финансов, не успевший ещё научиться при дворе выступать с подобающим смирением.

– Вы полагаете, – заметил Гекерн довольно громко, – этот господин так высоко держит голову в чувстве своего нового дос- тоинства; нисколько – считает он свечи на люстрах, соображая, нельзя ли в бюджет сделать сокращение по пункту бального ос- вещения.

На больших придворных балах, перед их заключением, импе- ратрица проходить чрез всю танцевальную залу к чайному столу,

устроенному в особой комнате, приглашая следовать за собой послов с супругами и жён прочих начальников иностранных миссии. В то время в Вене находился в звании султанского посла, князя Калимахи, маленький, худенький господин супруга же его пред всеми венскими дамами отличалась пышными формами своей объёмистой особы. Отправилась процессия, которой предшествовал церемониймейстер, постукивая жезлом. Вслед за величавой императрицей, скользившей лёгкою поступью по гладкому паркету, пыхтя, плыла на всех парусах княгиня Калимахи, торопясь не дать другой даме себя опередить; возле худенький супруг, покачиваясь, быстро перебирал ногами.

Опять довелось мне недалеко от Гекерна следить за этим любовным шествием.

– *Regardez moi*, – обратился он ко мне, – *comme ce couple represente bien: lui, la Turquie defaillante, elle, le Divan dans toute sa splendeur*³.

Таких едких замечаний за Гекерном считалось очень много – всего не припомнишь.

Гордое австрийское общество спокон веку отличалось своею надменною исключительностью, и эта слава осталась за ним по настоящее время. Сказать нельзя, будто австрийская аристократия, не соблюдая должной вежливости, чуждается иностранцев обидным образом, но не менее того она постоянно уклоняется от всякого дружеского сближения с ними. Иностранцу, какого бы ни было высокого положения, в Вене можно прожить десятки лет, всех знать, у всех бывать, и всё-таки остаться чужим в глазах своих дорогих австрийских приятелей. Бывают случайный изытия, но чрезвычайно редко. Знакомство обыкновенно ограничивается приглашением на обед, балы, рауты, и – разменом визитных карточек, которые отдаются, не спрашивая даже, дома ли хозяйка, или хозяин. Так заведено.

Высшее австрийское общество не лучше и не хуже всякого другого европейского образованного общества, равного ему по достатку и по происхождению: своим чередом страсти и стра-

³ Принуждён приводить некоторые слова на том языке, на котором они были произнесены, ради сбережения того едва уловимого оттенка, который в переводе не всегда можно передать совершенно точно.

стишки всякого рода, благородные и неблагородные, туманят гладкую поверхность светским лоском прикрытой семейной жизни, происходят скандалы, но всё это творится келейно, по возможности, припрятано от чужого глаза. Как женское сердце ни своевольно в выборе своих привязанностей, но у австрийских светских дам, кажется, оно приучено покоряться строгой кастовой дисциплине, загорается лишь в пользу своего собрата по языку и по рождению. Тут всё происходит в своём тесном, замкнутом кругу, всё шито и крыто, разве уже дело завязалось такого рода, что никаким способом не может уйти от огласки. Случаи, в которых бы австрийская дама аристократического круга сердцем отдалась чужестранцу, столь редки, что не трудно их пересчитать по пальцам, и это австрийским светским красавицам может быть причтено в немалую заслугу, потому что они отнюдь не грешат чёрствым сердцем, ни ледяным темпераментом.

В первое время моего пребывания в Вене только один дом постоянно был открыт для иностранцев. Графиня Елена Эстергази, рождённая Безобразова, племянница бывшего русского посла, балы Татищева, в течение целой зимы каждый вечер принимала всех своих знакомых, истинно дружески относясь к своим соотечественникам. В её доме, как на нейтральной почве, приветливо сходились корифеи австрийского общества с заграничными представителями хорошего тона. Большая, изящно убранная гостиная, открытая до поздней ночи, каждый вечер вмещала человек двадцать привычных посетителей: вперемешку с молодыми и старыми дипломатами, громкими австрийскими именами, пережившими себя любезниками и молодёжью, только что выступившею на сцену света, тут можно было встретить цвет венских красавиц, имевших право гордиться собой, богатством, молодостью и своею вековою родословной. Кто в Вене не восхищался тогда княгиней Обренович (супругой князя Михаила, двенадцать лет спустя, павшего в Белграде под ударами убийц, сербских партизан Александра Карагеоргиевича), принцессой Мекленбургской, княгиней Гую Виндишгрец, кокетливой графиней Госс, белокурой графиней Эрдеди Оберндорф, обладавшей редким даром, подвигаясь в летах, неизменно сохранять вид цветущей молодости.

Чайным столом в гостиной распоряжалась дочь графини Елены, от первого брака с графом Апраксинам, живая, кокетливая

графиня Жюли Батьяни, около которой роилась молодёжь, на лету ловившая её слова и взгляды. Напрасно тогда тратили на неё перлы своей любезности записные фразы и мундирные сердцееды, напрасно рисовались пред ней, жеманно поигрывая часовой цепочкой или молодецки побрякивая шпорами. Жюли оставалась неприступною: вышла она замуж по любви за графа Тури (Артура), и любовь не успела ещё погаснуть в её, многолетним супружеством не утомлённому сердце. Помню, как однажды, вечером, графиня Елена не отказалась меня принять, когда простудой заболевший Батьяни осуждён был лежать в постели. В одном углу обширной спальни сидела графиня Елена за чайным столиком, на другом конце лежал Тури; возле него, не отводя страстных глаз от больного, ухаживая за ним, как за дитятей, красовалась его заботливая супруга. При виде этой трогательной семейной картины, не могло же мне в голову прийти, что подобное супружеское счастье так скоро разлетится в мелкие дребезги. Год спустя, графиня Елена, покинув город на лето и на зиму, поселилась в Ландшице, богатом поместье, оставленном ей покойным мужем, графом Эстергази, в пожизненное владение. Вместе с нею переехали в Ландшиц, лежащий в Венгрии, недалеко от Вены, граф Батьяни с женою и двумя малолетними дочерьми. Однообразная деревенская жизнь, кажется, не пришлась по сердцу ни Батьяни, ни его нервной супруге, привыкшим веселиться по-городскому. Соскучились они, и под напором пожирающей скуки, должно быть, стала потухать их горячая супружеская любовь. От нечего делать, тревожным воображением наделённая, Жюли принялась за перо, написала и напечатала на французском языке роман «Попа», потерпевший довольно громкое фиаско. Должно быть, самый язык не отличался должной чистотою, потому что по этому поводу в венском обществе повторялось словцо, пущенное бельгийским министром, величественным О'Суливаном. На вопрос какой-то дамы, познакомился ли он с творением талантливой графини, О'Суливан сразил её ответом.

– Pardon, madame, je ne lit pas du francaise.

Литературный труд Жюли Батьяни послужил для неё как бы вступлением на скользкий путь самых разнообразных романических походов, долгое время служивших пищею светским толкам. В один прекрасный день, покинув детей и мужа, она ис-

чезла из Ландшица, и вместе с нею исчез из Пинта некий очень молодой венгерский кавалер. Куда направили свой полёт оба голубя, осталось глубокой тайной. Матушка и супруг с одной стороны, с другой старший брат, попечитель юноши, кинулись отыскивать странствующую чету, и не без труда отыскивали её в какой-то малоизвестной венской гостинице. Молодого человека брат принудил возвратиться к своим пенатам, она же решительно отказалась вернуться под супружеский кров, в Венгрии поступила на сцену, имела неудачу и после того переехала в Париж. Воображая себя драматической артисткой, в Париже она сделала новую театральную попытку, с первого раза была ошикана, и, не видя другого спасения, с неблагодарных подмостков крутым поворотом перенеслась на почву религиозных убеждений – из православия перешла в лоно католической церкви, чем и поставила себя под покровительство богомольных дам Сен-Жерменского предместья, по имени признававших её равнокровною, а вследствие присоединения к римской церкви очищенною от всех прошедших прегрешений. Тут удалось ей очаровать какого-то испанского кавалера, принадлежавшего к свите в Париже проживавшей королевы Изабеллы. Наученная горьким опытом, сколько неудобств влечёт за собой пренебрежён светом установленных правил, она решила не принадлежать ему иначе, как под титулом законной сожительницы. Между тем развод в католической церкви дело трудное, почти невозможное, а первый муж, граф Батьяни, ещё жив. Как тут быть? – находчивая графиня не осталась на мели; не вдаваясь в дальние рассуждения, она приняла протестантскую веру, каковым актом её католический первый брак фактически расторгался, и обвенчалась со своим но испанцем-архикатоликом. Таким необыкновенным путём, на почве самых редких противоположностей, создала она себе новое легальное положение. Совершенно потеряв её из виду, не знаю, после своего испанского брака сподобилось ли ей окончательно пристать к бестревожному берегу обиходной домашней жизни – кажется, имела время перебеситься.

Кто из русских, побывавших в Вене хотя мимоездом, не успел познакомиться с графиней Еленой, не был принят и обласкан ею с истинно русским радушием. Не весьма удачно было её первое замужество; потом судьба ей улыбнулась, наступила для неё

полоса блеска и счастья, а старость заключилась горем и домашними заботами. Ежели в её вторичный брак с Эстергази закралась маленькая неправильность, то следовало прежде всего винить обстоятельства, и всякий укор невольно умолкал пред её сердечной добротой и пред нежной заботливостью, с какою она воспитывала своих внушек, дочерей повихнувшейся Жюли, тщательно приберегая для них остатки своего сильно расстроенного состояния.

Говоря о домах, служивших дружеским приютом для русских, неблагодарно было бы умолчать об Александре Александровиче Полянском, венском старожиле, помнившем ещё Татищева, при коем он поступил в посольство. Женившись на австрийской уроженке и похоронив служебную амбицию на камергерском ключе, он с той поры поселился в Вене, не переставая, однако, помнить Россию, любить всё русское и охотно сближаться с русскими, чьих судьба ему посылала. Независимый по состоянию и по характеру, вне большого света, мирно доживал он свой век в кругу близкой родни и коротких знакомых. Джентльмен в широком значении слова, Полянский не одною домашнею обстановкою, но и душевным благородством положительно напоминал доброго, благовоспитанного русского барина старого покроя. Познакомились мы скоро после моего приезда и прожили после того долее двадцати лет, до самой его кончины, в самых приятельских отношениях, составляющих одно из моих лучших венских воспоминаний.

III.

Поездка императора и императрицы в Ломбардию. – Придворные обычаи. – Австрийская аристократия. – Приезд жены в Вену. – Жизнь в Поцлейндорфе. – Прусский военный агент Камеке. – Случай в канцелярии генерал-квартирмейстера Гесс. – Натянутые отношения Австрии и Сардинии. – Собrania в гостинице «Штадт Франкфурт». – Мёринг.

Во второй половине ноября император с императрицею, сопровождаемые полным придворным штатом, отправились в Италию, где они продлили своё пребывание до начала марта следующего года. Целью этого путешествия было ласкою восстановить в ломбардо-венцианском населении, происшествиями 1848

года ослабленную, связь его с домом Габсбургов, коего владычество в Италии заметно продолжало колебаться, невзирая на победы Радецкого и на строгие меры, которыми он итальянцев удерживал в границах наружного повиновения. Статный император, особенно же красотою и молодостью блиставшая императрица успели лично произвести обаятельное впечатление на скоро увлекающихся итальянцев, но народной вражды им не удалось превратить в любовь и преданность. Слишком глубоко укоренилась злоба против ненавистных им тедеско-аустриakov в груди поборников итальянской независимости, беспрестанно раздражаемых бестактностью придирчивой австрийской администрации и высокомерным обращением австрийских солдат и офицеров, не знавших меры и предела оскорблениям, которые они ежедневно наносили итальянскому национальному самолюбию. Правду сказать, сами итальянцы в долгу не оставались: крепко-накрепко заперлись в своих домах и, встречаясь на улице, с властным пренебрежением отворачивались от своих немецких недругов. Император Франц-Иосиф, уже начавший прозревать, не смотря на Бахом подготовленный миланские шумные овации, понял, что в Италии готовятся новые смуты, и его только убаюкивают лживыми уверениями, будто порядок восстановлен на прочном основании, и никто не дерзнёт его нарушить. Своё внутреннее убеждение умел он скрыть от чужого глаза, но что тогда уже в нём возникла мысль о необходимости в скором времени из-за итальянских провинций взяться за оружие, мне открыл нечаянный случай, о чём припомню в своём месте.

Двор находился в отсутствии, а город продолжал веселиться обычным порядком: балы, рауты и обеды шли своим чередом; не доставало только двух или трёх придворных балов, в чём состояла вся разница. Австрийское высшее дворянство, надо сказать, по всем вопросам общественной жизни держит себя очень независимо: твёрдо предано монархическому принципу, благоговеет пред императорским авторитетом, но раболепно не подчиняется указаниям двора, опирая свою самостоятельность на богатую поземельную собственность и на принадлежащие ему вековые права. Помню слова, сказанные мне по этому случаю одним знатным австрийским генералом: «кровью и силами своими жертвую государству, безусловно повинуюсь моему государю, но живу, ду-

маю и чувствую, как велит одна моя собственная совесть». В Вене человек может быть при дворе «*persona gratissima*», не пользуясь в обществе особенным отличием, ни каким либо исключительным придворным преимуществом. Установленный этикет положительно противится всякому отступлению от традиционного порядка.

Кроме военных, имеющих право являться ко двору независимо от общих правил придворного этикета, в Австрии одним камергерам, «*Kämmerer*», – камер-юнкеры не существуют, – принадлежать право невозбранно вращаться в придворной сфере. Звание же камергера даётся не по особой монаршей милости и не по министерскому ходатайству за какие-либо заслуги, а по закону принадлежит каждому дворянину, считающему за предками по мужской и женской лиши шестнадцать поколений без примеси мещанской крови. Желаящий воспользоваться сказанным правом представляет свою родословную, обергофмаршальское управление рассматривает документы, составляешь доклад, а императору остаётся только просителя утвердить в его праве. Таким же образом правом бывать при дворе пользуются лица, пожалованные императором в тайные советники «*Geheimräthe*», коим в Австрии только и при надлежать титул превосходительства, не принадлежащей ни генерал-майору, ни фельдмаршал-лейтенанту. Превосходительными называют ещё послов и государственных министров, пока они состоять в должности. Военное звание отнюдь не мешает получить тайного советника, или воспользоваться наследственным правом на камергерский ключ, заменяемый на мундире двумя пуговками на том месте, где ему следует быть. Как строго держатся всех упомянутых правил, можно усмотреть из двух следующих случаев.

Фельдмаршал князь Виндишгрец, считая себя слишком большим барином, чтобы за спиною носить камергерский ключ, никогда не просил включить его в число камергеров, за что на больших придворных балах был лишён преимущества на ряду с камергерами и дипломатическим корпусом в танцевальной зале выжидать прихода императорской фамилии, а принуждён был оставаться в аванзале среди военных чинов до появления императора, после чего им дозволялось войти в главную залу.

Другой случай: барон Гондрикс, весьма достаточный моравский помещик, был три раза женат. За его первую женою недос-

тавало двух потребных колен дворянского звания, почему ни она, ни её дочь, в замужестве графиня Маршал, не имели приезда ко двору, дети же графини Маршал считались уже полноправными. По этой причине графиня Маршал сама не могла свою дочь представить императрице и тем открыть ей приезд ко двору, а принуждена была предоставить это дело своей мачехе, третьей супруге барона Гондрикса, имевшей счастье родиться полным числом предков наделённой графиней Митровской.

Не делая никаких выводов, предоставляю каждому дело рассудить по-своему. Думаю, однако, что эти средневековые чопорностью отзывавшиеся постановления также имели свою недурную сторону, заграждая бесплодному мелкому тщеславно с помощью интриги пролагать себе дорогу к придворным почестям. На моей памяти ещё жёны даже министров, не принадлежавших к старому дворянству, не бывали при дворе, открытом их мужьям по праву министерского звания. Только недавно Геймерли заставил сделать отступление от этого правила, положительно отказавшись принять портфель министра иностранных дел, ежели на жену его не будет распространено ему самому принадлежащее право бывать при дворе.

Не всегда, однако, дворец оставался совершенно неприступным для неполноправных дворян и даже для некоторых лиц не дворянского происхождения. В продолжение зимы при дворе давалось несколько балов, делившихся на три категории – «Hofball», «Ball bei Hofe» и «Kammerball». Для балов второй и третьей категории рассылались именные приглашения; «каммербал» отличался от бала «бей-гофе» только тем, что на нём не бывали иностранцы, приглашённые на бал «бей-гофе»; а на «гофбалл», по печатному объявлению, мог явиться без разбора чина и происхождения каждый, у кого на груди красовался любой австрийский орден.

Обеды и балы занимают в светской жизни, как известно такое важное место, что, говоря о венском обществе, значило бы провиниться пред ним, пропустив упомянуть, кто именно в Вене отличался умением вкусно кормить и веселить со вкусом.

В 1856 году, да и позже, самые блистательные балы, на которых редко двор не присутствовал, бывали у князя Ауерсберга, у маркиза Палавичини, у владетельного князя Лихтенштейна («der

Souveräne», как его прозывали для отличия от Шварценберга, носившего название «der Regierende») и у князя Шварценберга, мужа знаменитой княгини Лори (Елеоноры), до конца жизни своей первенствовавшей в венском обществе, не зная равной себе соперницы. Писанная красавица в дни молодости, ещё в моё время замечательно свежая дама, первая по имени и по состоянию, занимала она в Вене совершенно исключительное положение и пользовалась им, нимало не стесняясь общественным мнением, будучи уверена, что всё ей будет прощено за красоту, за знатное имя и за богатство, которым она ослепляла низкопоклонную толпу. Попасть к ней на вечер, особенно же похвалиться коротким знакомством с её светлостью, считалось верхом благополучия, и не было такой хитрой уловки, на которую бы не подались венские снобы обоего пола, чтобы только вид подать, будто действительно пользуются таким драгоценным преимуществом. Рассказывают, будто известный Кауниц, для удержания за собою славы не совершенно ещё отжившего любезника, по вечерам посылал свою пустую карету несколько часов простоять у подъезда которой-нибудь в чести бывшей певицы или балетистки. Не знаю, следует ли принять это за правду или считать одной пикантной выдумкой, но в мою бытность некоторый честолобивый венские дамы действительно отправляли по утрам свои экипажи на Мелмаркт постоять часок возле Шварценбергского дома. Пройдёт знакомый, узнает экипаж, подумает – счастливая, проводить утро у княгини Лори – расскажет в городе; соперницы станут глядеть на неё с завистью и даже с некоторым уважением; её светское положение установится на хорошем основании. Говорят, княгиня была очень умна – ничего не могу сказать об этом, не имея чести состоять с княгиней Лори на короткой ноге, однако должно быть справедливо, потому что она так верно понимала свет, и людские пересуды не ценила выше того, чего стоить всякая праздная болтовня. Велика беда, что за глаза будут хаять и бранить; в глаза те же людишки ни в каком разе не перестанут низко кланяться и сладко улыбаться; стоить ли после того бояться суда их?

Более приятное впечатление производила на меня её сестра, княгиня Леопольдина Лобкович, не блиставшая, подобно княгине Лори, ни красотой, ни богатой домашней обстановкой, но привлекавшая общее расположение своею нечванною, всегда ровною любезностью.

Вечера, балы и обеды у графа Буля и у обер-гофмейстера князя Карла Лихтенштейна имели для иностранных миссий чисто официальный характер. Любезнее и внимательнее князя Карла не было человека при дворе и в обществе; равнялся ему в этом ещё обергофмаршал граф Куфштейн, за что оба они слыли двумя самыми вежливыми грансиньорами в целой Австрии. Князь Лихтенштейн пользовался редкою популярностью во всех слоях венского населения: в Вене, полагаю, не было торговки, ни торгоша, которые бы его не знали, пред ним не приседали и не снимали шапки. Высокий, красивый, далеко за семьдесят лет переступивший князь Карл, в одном уланском мундирчике своём, какая бы ни была погода, ежедневно лёгкою походкой измерял дорогу из города в Пратер и пешком возвращался в Шенксиштрассе, на свою квартиру⁴. В известный час до того привыкли его видеть на пути в Пратер, что в 1865 году; когда в продолжение двух дней никому не удалось встретить его на Грабене и в Егерцейле, все в городе заговорили: вот уже второй день князя Карла не видать, значить плохо ему пришлось! И действительно 7 апреля отдал он Богу свою благородную, ни в каком дурном деле неповинную душу, и я потом имел прискорбие присутствовать на погребении его.

В то время ещё одна выдающаяся личность занимала в венском обществе очень видное место: то был фельдмаршал князь Виндишгрец. Участие, которое он в революционные годы принимал в усмирении Праги и Вены, и его неудачный венгерский поход пользуются гласностью, избавляющею меня от повторения фактов, слишком хорошо известных всей читающей публике. Постараюсь очертить его личность. Наружностью князь не отличался: меньше среднего роста, неподвижным взглядом, как бы застывшими чертами бледного лица и важною поступью напоминал он поразительным образом донжуановского командора, с которым, бывало, его сравнивали, когда он, с точностью часовой стрелки, ровно в полночь, тихо появлялся на пороге какой либо гостиной. Тогда присутствующее подымались, как по сигналу, почтительно встретить человека, которого вся австрийская аристократия признавала своим настоящим избавителем от революции и самым

⁴ Около 7 вёрст.

упорным защитником древних дворянских привилегий, за что в обществе и не переставали его честить всеми мерами, не смотря на потерянное им благоволение двора. Отличительный качества его – не всегда обдуманная решимость и непреодолимое упрямство, при чувствительном недостатке дальновидности, позволяли ему действовать с пользою только под руководством чужой, более осмотрительной воли. Политическим смыслом он не был ода-рён, и во время своей военной диктатуры 1848 года наделал немало ошибок, нравственно повредивших Австрии в глазах германского народа, чем и было положено первое основание к будущему возвышению Пруссии. Князь Шварценберг верно понял хорошие и дурные стороны его ума и характера, воспользовался им в час опасности, когда требовалось рубить с плеча, а когда наступил желанный порядок, тотчас отнял у него всякое влияние на государственный дела. В поговорку обратившаяся гордость князя Виндишгреца, резко высказанная ответом, который он во время венского конгресса дал нашему великому князю Константину Павловичу на его саркастическое замечание: *«il paraît, mon prince, que vous faites le grand seigneur?»* – *«je n’ai pas besoin de le faire, je le suis!»* – имела однако и свою недурную сторону. Ни на волос не отступая от истинно благородного правила – *«noblesse oblige»*, первую обязанностью чистокровного дворянина Виндишгрец признавал сбережение честного имени, перешедшего к нему от предков. Деньги в глазах Виндигпгреца имели меньшую цену: всей Вент было известно, какие сильные потери он понёс на бумагах австрийского кредитного банка только потому, что отказался их продать, когда банк стал колебаться, объявив, что, на его взгляд, дворянину неприлично вдаваться в биржевые спекуляции, которыми позволено обогащать себя одним жидам и лавочникам. К русским Виндишгрец питал непритворное расположение, вследствие чего я имел удовольствие пользоваться его ласковым вниманием и часто бывать у него по самую его кончину.

Наступила весна. Из России приехала жена с нашею воспитанницею, Александрою Тизенгаузен – собственных детей мы не имели. С той поры зажил я в Вене семейною жизнью, без которой принуждён был обходиться в продолжение зимы, не успев отыскать удобной квартиры. На лето поселились мы в Поцлейнсдорфе,

небольшом местечке у подножья Винервальда, полчаса езды от города, во флигеле замка, принадлежавшего некоему барону Левенталю. Вена богата красивыми окрестностями, и Поцлейнсдорф, бесспорно, принадлежит к числу самых заманчивых летних убежищ. Холмистая лесная местность, окружавшая замок, открывала по всем направлениям множество тенистых прогулок. Примиравший к нему обширный парк, расстилавшийся по западному скату невысокого гребня, отделявшего нас от Вены, в полной мере доставлял нам, чего лучше нельзя требовать для деревенской жизни – прохладу, тишину и уединение. Если подняться на высоту, которою заканчивался парк, под ногами открывался город, как на ладони – вид был ненаглядно живописен. Близость города в то же время давала возможность бывать в нём каждое утро, к обеду возвращаясь в Поцлейнсдорф. Тут я короче сошёлся с Камеке, моим прусским коллегой, который почти ежедневно к нам приезжал или приходил пешком – дорога из города, пролегая между двумя непрерывными рядами садов и загородных домиков по широкому шоссе, окаймлённому высокими каштановыми деревьями, служила очень приятной прогулкой. В летние дни, с утра до поздней ночи, пестрела по шоссе толпа гуляющих, и каждые полчаса трусили в оба конца громоздив жёлтые омнибусы; усталому было куда присесть и покойно доехать до места.

Знакомство с Камеке навсегда оставило во мне самое приятное воспоминание. Человек тонкого ума, отличный офицер, приятный товарищ, умел он делать всякое дело ровно шутя: наблюдать незаметно и писать коротко, отнюдь не больше, чем требовала действительная польза, никогда не придавая своей деятельности тот вид таинственной озабоченности, которою святая посредственность обыкновенно маскирует своё пустоделие. Всегда доставало у него довольно времени на дело и на развлечение. Исходили мы с ним все поцлейнсдорфские окрестности, излазили все горы и много о чём откровенно переговаривали. Приятно даже было иногда поспорить с ним, потому что при его уме и образовании никакой спор не мог перейти за пределы приятельского размена мыслей. Глубокий прусский патриот по чувству, ясно понимал он рассудком, что, принадлежа к разным народностям, мы могли служить противоположным интересам, диаметрально расходиться в политических мыслях, нисколько, однако, не рас-

ходясь в понятиях о чести и долги, чего больше не позволено требовать ни от противника, ни от приятеля. Наше положение в Австрии, сносное по наружности, в сущности же мало симпатичное военным властям, мало чем отличалось. На него и на меня глядели одинаково подозрительно; одинаково затрудняли нам пристально заглянуть в глубину военных реформ и военных приготовлений, дело понятное: России Австрия опасалась, Пруссии она прямо боялась, а Россия и Пруссия не доверяли Австрии и бдительно следили за всем, что в ней совершалось по военной части. Поэтому нам обоим приходилось вести себя очень осторожно; чтобы не возбудить подозрения в неуместном рвении узнавать так называемые военные секреты, которые, впрочем, как ни старайся, для знающего дело, да ещё при свободе печати, почти никогда не остаются неразгаданными тайнами.

По этому поводу припомню случай, совершенно негаданно открывши мне весьма любопытное дело.

В начале 1857 года, когда австрийский двор ещё находился в Милане, в Вену приехал молодой офицер, отправленный нашим министерством изучать военную администрацию в разных европейских государствах. Поехал я его представлять местным военным властям, в том числе генерал-квартирмейстеру, барону Гессу, имевшему в Бурге свою канцелярию. В большой комнате, примыкавшей к генеральскому кабинету, сидело за работой несколько офицеров генерального штаба; в стороне находился стол, на котором была разложена карта Австрийской империи, утыканная разноцветными булавками: сильная группа в Ломбардии, две группы, поменьше, в Галиции и в дунайской долине. Зная, как мне следовало себя держать в моём положении, сразу поняв дело, я отошёл в противоположную сторону, будто ничего не заметил. Молодой товарищ мой, прежде чем мне удалось его остановить, напротив того метнулся к столу, на котором лежала карта, с вопросом: что это? – дислокация? Тогда адъютант Гесса, ни слова не отвечая, смешал булавки, схватил карту и понёс её в генеральский кабинет.

Размещение булавок, а больше ещё досадливый приём, которым адъютант ответил на заданный ему, юношески невинный вопрос, привели меня к заключению, что в Италии готовятся компликации, обращающие на себя серьёзное внимание австрийского правительства.

При первом свидании сообщил я нашему посланнику, барону Будбергу, мои мысли касательно этого предмета, прибавив, что, по моему убеждению, в Италии готовится новая война, не берусь сказать – по почину Австрии или Сардинии, знаю только, что в таком случае не рассчитывают на безусловную нейтральность со стороны Франции – слишком густа показалась мне группа булавок против одной Сардинии, да и другая группа не даром же была помещена в дунайской долине.

Барон Будберг верить не хотел.

– Вы придаёте делу слишком важное значение, – заметил он: – что вы видели, могло быть одним офицерским научным упражнением.

– Офицеры упражняются в военной школе и в отделениях генерального штаба. В собственной канцелярии генерал-квартирмейстера теорией не занимаются, а применяют её на практике. На мой взгляд, дело стоит внимания; я предвижу войну.

Барон махнул рукой.

– Point d'éventualité! personne n'a de l'argent, personne ne desire la guerre.

Пред авторитетом такого опытного дипломата, каким признавался Будберг, мне только оставалось смолкнуть; от своего, мнения, однако, я не отрёкся, и тут же задумал на другой год побывать в Италии, оглядеться на месте.

В некоторое оправдание моего мнения скоро после того стали проявляться первые симптомы нового разлада венского с туринским двором. Оскорбительный выходки сардинской прессы против австрийского правительства и против самого императора, убежище, которым ломбардо-венецианские эмигранты пользовались в Пьемонте, исходившие оттуда подстрекательства к общему восстанию итальянского народа против чужестранного господства, служили поводом распри, дошедшей наконец до прекращения дипломатических сношений между двумя державами, издавна боровшимися одна – установить, другая сбросить своё преобладание на Апеннинском полуострове. В конце марта из Турина был отозван австрийский посланник, князь Паар, и вслед затем покинул Вену сардинский посланник, маркиз Кантон ди Чева. Около того же времени престарелый девяностолетний фельдмаршал, граф Радецкий, был уволен от своего поста; эрц-

герцог Фердинанд Максимилиан назначен генерал-губернатором ломбардо-венецианского королевства, а главное начальство над войсками в Италии поручено фельдцейхмейстеру графу Гиулау.

В конце 1868 года Камеке оставил Вену. В франко-германскую войну 1870 года показал он себя не только, хорошим теоретиком, но и дельным боевым генералом, и скоро после того занял место германского военного министра. После долгих лет встретились мы потом в Берлине, и я, к моему удовольствию, увидел пред собою, без всякой перемены, того же непритязательно-любезного Камеке, каким знавал его в дни молодости. Истинно порядочный человек не меняется, как высоко бы ни пошёл: военный министр глядел отнюдь не важнее бывшего инженерного майора Камеке.

Прошло лето, вернулись мы в город, где не без труда мне удалось отыскать квартиру на Фрейунг, в доме графа Гардека, на неизмеримой высоте третьего этажа. В то время недостаток наёмных квартир в Вене доходил до того, что позволялось рассчитывать на одни смертные случаи для захвата чуть сносного помещения. Вена, можно сказать, хронически страдает недугом нехватки наёмных квартир; даже в позднейшее время, когда город распространился, это затруднение мало уменьшилось. Население постоянно умножается в прогрессии, превышающей постройку новых домов; особенно велик прилив еврейского элемента со времени в 1861 году состоявшейся полной эмансипации евреев. Эти обстоятельства принудили наконец скрыть старые, город стеснявшие, бастионы и покрыть гласисы постройками, придавшими Вене её настоящий красивый вид.

Зима 1858 года протекла в непрерывных увеселениях; танцевали без устали. Большой ежегодный придворный бал ознаменовался нововведением: по инициативе нашего министра, барона Будберга, было отменено правило, не допускавшее ко двору посольских секретарей; в этом году в первый раз они и их жёны были представлены императору и императрице.

Число моих знакомых военного звания увеличивалось с каждым днём. Кроме встреч на вечерах и на званных обедах, да на маневрах, на которые меня приглашали в качестве военного агента, всего чаще сходил я с австрийскими офицерами и генералами в гостинице «Штадт Франкфурт», куда они преимущественно хо-

дили обедать и завтракать. Гостиница эта, существовавшая более ста пятидесяти лет, сперва под вывеской «Золотого быка», потом под её настоящим именем, отличалась хорошим столом, а более ещё избранным обществом, которое ежедневно в ней собиралось. Две, весьма небольшие, обеденными столами тесно уставленные, комнаты, в которых не запрещалось курить, несмотря на густой табачный дым, частёхонько видели в своих стенах посетительниц высшего круга, приходивших туда обедать, зная, что будут окружены одними людьми своего общества. Самая чопорная барыня, которая ни за что не пошла бы в другую гостиницу без провожающего, не задумываясь одна отправлялась в «Штадт Франкфурт». Так было принято, и никому в голову не приходило считать это неприличным.

В глубине первой комнаты стоял большой круглый стол, приборов на двенадцать, исключительно принадлежавший гостям высшего полёта. Туг, случалось, разом сиживали по три фельд-маршала – Гесс, Вратислав, Шварценберг, несколько министров и высших генералов. Некоторые из них по двадцати лет и более занимали одни и те же места, как бы обратившиеся в их законную собственность. Чьё либо место останется пустым в урочный час без известной причины, значить владелец его слёг в постель, или, пожалуй, уже успел переселиться в лучший мир. К числу таких особым постоянством отличавшихся завсегдатаев круглого стола принадлежали восьмидесятилетний граф Фукс, племянник графини Фукс, во время венского конгресса собиравшей в своих салонах высоких и высочайших его сочленов, и краснолицый, как лунь белый, толстяк, фельдцейхмейстер барон Рейтах, до старости лет не изменявший своему призванию верою и правдой служить прекрасному полу. Под конец жизни Рейтах до того отяжелел и расслаб, что принуждены были его под руки приводить в «Штадт Франкфурт», опускать на стул и таким же порядком уводить, но от круглого стола он и не думал отставать. В один день его не стало на своём месте – Рейтах лежал на столе в своём доме. К круглому столу никто посторонних не садился без приглашения со стороны его обычных застольников. Благодаря благоволению ко мне некоторых военных господ, мне удалось со временем завоевать право садиться за этот стол, когда оказывался лишний прибор. Занять же место одного из коренных гостей при-

чили бы мне и каждому другому непростительным нарушением самой обыкновенной вежливости.

Владелец гостиницы, некий Штипбергер, принадлежали к числу замечательных венских личностей. Честным трудом заработал он состояние, считавшееся сотнями тысяч, причём, лично наблюдая за добрым порядком, не гнушался собственноручно гостю подать порцию, переменить тарелку, и самые гордые посетители заведения, уважая старика, не отказывались пожать его честную руку. Штипбергер служил точным типом отжившего ныне поколения готельеров старого покроя.

Равным преимуществом пользовалась в глазах венского общества кондитерская Демеля, помещавшаяся против Бург-театра в неимоверно тесной продолговатой комнате, буфетом разделённой на две половины. За крошечными столиками, при самом входе с улицы, венские высокородные дамы благовоительно вкушали шоколад и мороженое, нисколько не стесняясь толкотнёю от взад и вперёд шнырявших лакеев, кухарок и комиссионеров. Заходить в другие кондитерские, не смотря на их богато убранные салоны, не соответствовало хорошему тону, и все они продолжали тесниться у Демеля только потому, что так было принято.

Говоря о моих приятелях, принадлежавших в австрийской армии, не могу не посвятить несколько строк памяти Мёринга, самого умного и талантливого австрийца, какого мне только случилось знать. Говорил и писал он равно свободно, не исключая славянских наречий, на всех главных европейских языках; при осаде Венеции, в 1849 году, на деле доказал свои военные способности, а свою политическую прозорливость в 1847 году написанною брошюрою – «Sibyllinische Büsher», в которой предсказал скоро после того всю Германию возмущившую революцию. Не дальше, как за два дня до падения Меттерниха, он выпросил у него аудиенцию, на которой напрасно старался обратить его внимание на близкую опасность.

– Без причины тревожитесь, господин капитан, – отвечал ему государственный муж на все его доводы, – никогда мы так крепко не держали власти в руках, как в настоящую минуту; поэтому спите спокойно, не опасаясь ни за себя, ни за нас.

Двое суток спустя дальновидный Меттерних ночью уходил из Вены, чтобы, потеряв силу и власть, не потерять ещё чего другого.

Потом, по выбору венских бюргеров, капитан Мёринг заседал во франкфуртском парламенте, чего военное начальство долгое время не хотело ему простить; двери дворца затворились пред ним, и его стали обходить в производстве. В начале нашего знакомства состоял он в чине подполковника и всё ещё находился в полной немилости. С первого раза мы с ним сошлись и после того, несмотря ни на какие обстоятельства, более двенадцати лёг прожили на самой приятельской ноге.

В начале 1866 года, пред прусской войной, Мёринг понадобился: сперва послали его составить проект обороны берегов Далмации; потом дали ему бригаду в итальянской армии, где он под Кустоцой удачною атакой прорвал сардинскую боевую линию, за что и получил орден Марии-Терезии. После того Мёринг быстро пошёл в гору, был произведён в фельдмаршал-лейтенанты, одно время командовал войсками в Галиции, потом управлял триестским генерал-губернаторством, и наконец по причине болезни был принуждён отказаться от активной службы.

За неделю до его кончины, весной 1869 года, я долго ещё просидел у его постели. Заговорили мы между прочим о Франции, где генерал Лебеф был тогда назначен военным министром. Едва переводя дыхание, – Мёринг страдал грудною болезнью, – предсказал он, чего Франции следовало ожидать от такого назначения.

– Lebeuf ministre de la guerre! C'est le malheur de la France. Je le connais, deux mois je l'ai vu tous les jours, chargé de remettre entre ses mains le matériel de l'arsenal de Venise; c'est une buse c'est une buse, il fera le malheur de la France, – повторить он раза два.

Мёринг был происхождения не дворянского; старший брат его владел шёлковой фабрикой в одном из венских предместий. По статусу ордена Марии-Терезии, он имел право на баронский титул, следовало только подать просьбу, чего, однако, сделать не хотел, отозвавшись, что бюргер Мёринг пользуется некоторой известностью в армии и даже в аристократической сфере, а новоиспечённый барон Мёринг новичком поступить в круг старородных дворян, почему и предпочитает умереть тем, чем родился.

Со смертью его австрийская армия лишилась одного из своих способнейших генералов.

IV.

Поездка моя в Италию. – Венеция. – Живописец Нерли и его жена. – Граф Гиулай. – Эрцгерцог Максимилиан. – Рождение наследного принца Рудольфа. – Перед войной. – Война Австрии с Сардинией и Францией. – Неудачи австрийцев. – Дисциплина в австрийских войсках. – Приезд мой в действующую армию. – Эрцгерцог Райнер. – Свидание с генералами Шликом и Бенедиком. – Представление императору. – Сражение при Сольферино. – Жизнь в Вероне. – Перемирие. – Приезд в главную квартиру принца Наполеона. – Заключение мира.

В конце апреля 1868 года поехал я в северную Италию до Триеста по железной дороге, а из Триеста в Венецию на пароходе. Тут представился мне случай увидеть две вещи, которыми действительно стоит полюбоваться: живописный, изумительно смело чрез Земеринг перекинутый рельсовый путь и вид Венеции со стороны моря. Хорош Петербург, как бы вырастающий из воды по мере приближения к нему от устья Невы; широко раскинувшись, поражает он величиною громадских зданий; Венеция же приковывает взгляд ей одной свойственным видом плотного ряда на подбор щеголевато-отделанных, морем отовсюду окружённых, построек. Благодаря этому, в Венеции не знают пыли, и не слышно стука колёс по звонкой мостовой; одни гондолы, быстро скользя по каналам, лёгким всплеском одиночного весла нарушают общую тишину. Вода подходит к самому подножию домов, и с подъезда вступают прямо в гондолу. Кроме водяного пути, существуют, впрочем, и другие сообщения. Пробираясь узенькими кале чрез разные кампо и сушь, можно пройти из конца в конец города, и нередко отправлялся я этим путём отыскивать образчики старинной архитектуры, прячущиеся по разным, малоизвестным закоулкам. Кроме всему свету известных, сто раз описанных, церквей, палаццо, картинных галерей и исторических памятников, в Венеции нет такого заброшенного уголка, в котором бы не красовался какой-нибудь любопытный остаток старины – портик, статуя, барельеф, кованная решётка, могущие занять не последнее место в любом музее.

Богатая жатва для фланёра, одарённого хоть малою долею любви к искусству.

Два месяца прожили мы в Венеции (путешествовал я с семейством) на наёмной квартире в палаццо Дарио, близ церкви Мария-дель-Салутто, имея ещё удовольствие пользоваться к дому принадлежавшим садиком – в Венеции большая редкость – душистым, тенистым, зелёным уголком, среди безмерного избытка камня и воды. С балкона, висевшего над водой, виден был канал Гранде на большое протяжение, весь день мелькали по его мутным струям гондолы, усаженные нарядными дамами и венецианскими щёголями; по вечерам редкая гондола проходила мимо нас без музыки. Венецианская жизнь в летние жары, надо сказать, разыгрывается, как по нотам. Каждый день та же тема, без всякой вариации: поутру морское купанье, завтрак, для туриста обязательное странствование по церквам и музеям, потом продолжительная сиита при затворённых ставнях, поздний обед, прогулка по каналу Гранде до Риальто, или на взморье, в Лидо и в Мурано, и конец дня на Пиаце, когда не было оперы. На Пиаце ежедневно собиралась по вечерам вся венецианская публика слушать австрийскую военную музыку, пить кофе и есть мороженое. Тут, на открытом воздухе, от столика к столику, принимались и оплачивались визиты. На дому в Венеции редко кто принимает гостей; домашний приём заменяется приглашением за одним столом послушать на Пиаце музыку и принять обычное летнее угощение лимонадом и мороженым.

Благодаря моему приятелю, Мёрингу, снабдившему меня рекомендательным письмом, мне удалось познакомиться в Венеции с немецким живописцем Нерли, известным своими прекрасными венецианскими видами. Жена его, рождённая маркиза Маруци, родная сестра нашей графини Сумароковой, слыла одною из красивейших и любезнейших венецианок, и, сколько могу судить, совершенно оправдывала эту лестную репутацию. Сам Нерли, умный и образованный человек, в любезности мало уступал своей привлекательной супруге, что и побудило нас короче сойтись с этими приятными людьми. Других знакомств мы в Венеции не заводили; оберегая свою независимость, избегал я даже без особой нужды сталкиваться с австрийскими властями, но по своему официальному положению не мог избежать явиться к графу Гиулаю, когда он приехал в Венецию инспектировать подчинённый ему войска. Я даже рад был случаю увидеть генерала, на

которого Австрия возлагала свои надежды, если придётся вспыхнуть войне, о которой уже все стали поговаривать. Граф Гиулай сделал мне честь побеседовать со мной довольно долго о разных военных предметах, и не весьма высокое понятие о его военном таланте вынес я из этой беседы. Узнал я в нём, говоря без обиняков, не генерала, а мелочного фельдфебеля, человека ума посредственного, гордого и крутого, и тут же позволил себе сделать заключение, что он решительно не в силах заменить Радецкого, и австрийцев в Италии ожидают верные неудачи, если, на случай войны, начальство над войсками не перейдёт в другие, более способные руки. А что этого не будет, в том ручалась его тесная дружба с графом Грюйне, пользовавшимся в то время неограниченным доверием императора Франца-Иосифа – значит, судьба войны заранее была решена.

Ив Венеции переехали мы на Комское озеро, где пробыли два месяца, поселившись в вилле д'Эсте, возле Чернобии. Тут представилась мне совершенно другая картина. Вместо вспыльчивого, крикливого, но довольно мягкого венецианского населения, пассивно переносившего австрийское господство, увидел я пред собой твёрдохарактерных ломбардцев, дышавших ненавистью против всего немецкого. Хозяин виллы, восьмидесятилетний барон Чиани, когда-то носивший звание шталмейстера при дворе Наполеона I, не смотря на свои лета и на параличом разбитые ноги, при одном имени австрийском вспыхивал, как молодой человек. В первое время он видимо чуждался меня, но потом, разведав, что, кроме моего официального положения, у меня нет ничего общего с австрийцами, стал часто сходить к мне и откровенно мне высказывать всё, что у него лежало на душе. От него я узнал положительным образом, что Пиемонт, заручившись поддержкою со стороны Луи-Наполеона, совершенно готов на другой же год начать войну. Старик только и мечтал прежде смерти увидеть Италию освобождённую от немецкого господства, и действительно имел радость пережить присоединение Ломбардам к Сардинскому королевству, послужившее первым этапом к объединению всей Италии.

На обратном пути в Вену остановился я в Венеции на несколько дней и попал туда в весьма удачную минуту. Эрцгерцог Фердинанд-Максимилиан находился в городе с супругой, эрцгер-

погинеи Шарлоттой, и гостившим у них братом её, графом Фландрским. Явившись к эрцгерцогу, на другой день я получил приглашение к обеду, на котором, кроме меня, ещё присутствовали эрцгерцогский гофмейстер и фрейлина эрцгерцогини, детски-миловидная графиня Кривелли. Оживлённый разговор не прекращался в продолжение всего обеда. Поэтически-настроенный эрцгерцог остроумно переводил его от одного предмета к другому; эрцгерцогиня поддерживала разговор, любезно обращаясь ко всем присутствующим. Умом светились её блестящие чёрные глаза, приветливая улыбка играла на устах, и в ту пору кому из сидевших за столом даже мог пригрезиться несчастный конец, который злая судьба готовила им обоим?

Вечером того же дня мне привелось быть свидетелем зрелища какое не каждому туристу удавалось видеть в Венеции. Эрцгерцог в честь своего зятя устроил вечернюю прогулку (Fresca) по каналу Гранде при блистательном освещении. Впереди плыла большая парадная гондола, построенная по образцу Буцентавра, на которой помещались певцы из Фениче и хор австрийских военных музыкантов. За ней тянулись бесконечной нитью гондолы, увешенные цветными фонарями, в которых помещалась разряженная публика. По всему протяжению канала, с обеих сторон процессия освещалась бенгальскими огнями; множество ракет бороздило воздух, лопаясь и рассыпаясь яркоцветными звёздами над головами плавателей. Под сводом Риалято музыка остановилась, проиграла несколько пьес, на которые отвечало эхо, свойственное этому мосту, после чего блистательное шествие тем же порядком вернулось ко дворцу, против Доганы.

Не успел я вернуться в Вену, как совершился факт, которого, что ни говори, вся Австрия желала не менее самого императора. Двадцать первого августа родился наследник престола, эрцгерцог Рудольф. Во время беременности императрицы сильно всех занимал вопрос, разрешится ли она принцем, или принцессой, как было уже два раза. В газетах было напечатано, что рождение принца объявится публике сто одним, рождение принцессы — тридцатью тремя пушечными выстрелами. На рассвете раздались первые выстрелы; дальше тридцати четвёртого считать не стоило — вопрос был решён.

По поводу этих пушечных выстрелов скоро после того разнёсся по городу анекдот, на этот раз клеймивший лишь бюргерское

простодушие. Венский простонародный юмор, не пропускающей без остроты ни одного интересного случая, надо заметить, обыкновенно высказывается в табачной атмосфере кофейных и пивных, за кружкой пива. В те дни общего неудовольствия чаще всего острили насчёт правительства, нимало не стесняясь, при удобном случае, поглумиться над самим императором. Некоторые выдумки были до того тупоумны, что не стоить вспоминать о них, но случалось, посреди пошлых острот и глупых выдумок, появлялось иногда очень меткое словцо. Напрасно полиция ловила остряков, напрасно предавали их суду за оскорбление величия, – венские бюргеры продолжали остричь и придумывать смешные анекдоты насчёт императора и других членов императорской фамилии, нередко просиживая за таким удовольствием долгие месяцы под замком, на хлебе и на воде.

Рассказывали, будто в ту минуту, когда началась пальба, весёлая компания выходила из какого-то биргауза. Пивными парами отуманенные собеседники ревностно принялись считать выстрелы, мешая один другому, теряли счёт, спутавшись, начинали снова считать – и не досчитали дальше тридцати выстрелов. В недоумении переглянулись они: как дело понять? – трёх выстрелов не доставало до принцессы.

В ужасе вскрикнул один из них: *Joseph und Maria, nicht a mahl an Madel!*

Гораздо позже, когда в 1860 году последовало открытие памятника эрцгерцогу Карлу, было пущено в обращение очень меткое замечание. В Вене имелось до того два видных памятника: Иосиф II на шагающем коне, Франц I, стоя, протянутою рукой посылающий благословение прохожим. Памятник Карла представлял эрцгерцога на коне, порывающемся дать прыжок. Заметили, что эти три памятника как нельзя точнее выражают положение, в котором Австрия обреталась в знаменуемые ими эпохи. *Gleich den drei Monumenten*, – сказывали, – *war zu Zeiten Josephs die Monarchie im Vorschritten; zu Zeiten Franzens stand sie still, und jetzt ist sie auf dem Sprunge.*

В 1860 году монархия действительно готовилась от абсолютизма перескочить на почву конституционной формы правления.

Слова, которыми Луи-Наполеон в день нового года поздравил австрийского посла, барона Гюбнера, ясно выразили, чего в Ав-

стрии следовало от него ожидать по поводу итальянских дел. Не легко понять, с какой стати ему вздумалось разразиться таким ранним намёком: разве только с целью дать ей время одуматься, прежде чем дело дойдёт до войны. Австрия ответила умножением войск в Италии в доказательство, что она не располагает идти на уступки. Труднее ещё было понять, на какие шансы рассчитывала Австрия, вызывая на бой соединённые силы Сардинии и Франции. Итальянцев австрийские войска привыкли бить при каждой встрече, но с французами, со времени наполеоновских войн, не имели случая померить свои силы, следственно оставалось неизвестным, на чьей стороне находится боевое превосходство. В вооружении французская армия опередила австрийскую: ружья Минье были лучше австрийских, французская артиллерия пользовалась нарезными орудиями системы Лагита, стрелявшими вдвое дальше гладкоствольных австрийских пушек; кроме того, в Австрии должны были знать, что французы в рассыпном строю, которому так много способствовала перерезанная итальянская местность, превосходить её собственную пехоту, обученную действовать преимущественно густыми колоннами. Союзниками Австрия никого не имела; Англия находилась в союзе с Францией и сильно сочувствовала освобождению Италии. Пруссия, помня Ольмюц, нисколько не располагала содействовать умножению австрийского могущества. Россия, со времени восточной войны, имела полное право чуждаться Австрии; один германский союз рванулся было поддержать её вооружённою рукою, но Россия и Англия не замедлили укротить его патриотический пыл, напомнив союзу, что он имеет одно чисто оборонительное значение, и они, в случае его вмешательства, сами принуждены будут выйти из своего нейтрального положения.

До половины апреля 1859 года перекидывались нотами, и делались военные приготовления в Австрии, Сардинии и Франции; для оправдания себя перед Европой каждая старалась вынудить противную сторону сделать первый шаг к нарушению мира. Под конец Австрия не выдержала, 23-го апреля послала Сардинии ультиматум, который туринским двором, разумеется, был отвергнут, после чего австрийские войска в числе 180.000 перешли пиемонтскую границу. Четвёртого мая Франция объявила Австрии войну и стала в Италии отправлять войска с двух сторон – морем через Геную и сухим путём через Монт-Сенис.

Граф Гиулай (не ошибся я в нём), вместо того, чтобы идти на Турин, не теряя времени, разбить слабую Сардинскую армию и стать между французами, шедшими с двух противных сторон, погряз в Ломелине и дал соединиться разрозненным неприятельским силам, после чего, потеряв сражение под Маджентой, принуждён был не останавливаясь отступить за Минчио.

Император Франц-Иосиф, решившийся, в виду такого неудачного хода кампании, лично принять главное начальство над армией, тем временем отправился в Италию и 17-го июня вступил в командование, которое, однако, в конце месяца передал фельдцейхмейстеру барону Гессу, сам испытав под Сольферино решительную неудачу.

Английский и прусский военные агенты уже с самого начала кампании находились в главной квартире графа Гиулая; обо мне длилась ещё дипломатическая переписка. 18-го июня, наш посланник, Виктор Петрович Балабин, заменивший в Вене барона Будберга, наконец сообщил мне, что император Франц-Иосиф изъявил согласие на мой приезд в главную квартиру действующей армии. Походные приготовления задержали меня в городе около восьми дней; 26-го был я готов отправиться. Откланиваясь эрцгерцогу Альбрехту, за отсутствием императора занимавшему в Вене должность правителя и начальника войск, остававшихся внутри империи, я имел случай услышать из уст его совершенно беспристрастную оценку военных операций на итальянском театре войны. Говорил эрцгерцог о делах со свойственной ему прямо-той, не скрывая ошибок, давших кампании столь дурной оборот, и, рассчитывая на мою скромность, коснулся даже будущих военных действий. В Вене уже несколько дней поговаривали о намерении императора, переправившись через Минчио, атаковать неприятельскую армию; откуда об этом узнали, сказать не могу. На моё замечание, что я вследствие этого слуха, буде он справедлив, боюсь опоздать к делу, и мне после того трудно будет догнать главную квартиру, эрцгерцог возразил, что подобного рода предположение действительно существует, но что, по его мнению, император не сделает неосторожности двинуться из Вероны до прибытия корпуса графа Туна, через Тироль идущего на подкрепление действующей армии, что поэтому столкновение не может произойти раньше первых чисел июля, и я нимало не рис-

кую опоздать. Рассуждал эрцгерцог весьма основательно; численностью в ту минуту австрийцы почти равнялись франко-сардам, корпус Туна сулил сорока тысячами увеличить силу австрийской армии; но расчёты эрцгерцога Альбрехта не сбылись: император, не дождавшись Туна, перешёл через Минчио, 24-го июня столкнулся с неприятелем и под Сольферино потерпел решительное поражение. На другой же день разнеслось по городу известие об этом несчастном деле; венские жители сильно приуныли; военные же, как я мог заметить, духом не упали, зато злобно налегли на императорских советников, которым приписывали всю вину неудачи. После Гиулая всех хуже доставалось императорскому любимцу, графу Грюнне, ездоку, знатоку в лошадах, но только не в военном деле.

Путь мой до Набрезины лежал по триестской железной дороге; оттуда до Казарзы, по недостроенному промежутку, приходилось мне ехать на обывательской подводе: за Казарзой вплоть до Вероны снова тянулась рельсовая дорога. Переезд от Вены до Набрезины прошёл для меня весьма занимательно. Вагоны были переполнены военными всякого чина и звания; посреди их князь Ричард Метерних с супругой и ещё две дамы, одна постарше, другая помоложе – маменькой сопровождаемая второстепенная пианистка Констанция Гейер – особа не весьма привлекательной наружности, что ей впрочем ничуть не помешало, несколько лёг спустя, сделаться законной супругой принца Леопольда Кобургского, с титулом баронессы Рутгенштейн. Княгиня Меттерних, хотя также далеко не красавица, но тогда была ещё молода и блистала умом, который, к сожалению, с годами принял слишком жёлчное направление. При тогдашних обстоятельствах присутствие этих дам имело уже ту выгоду, что отвлекало разговор от политики и от военных дел, которые наконец всем приелись до тошноты.

Окрестности казарзской железнодорожной станции нашёл я загромождёнными провиантом, порохом, орудиями и снарядами, которых не успевали грузить и отправлять по назначению, хотя ежедневно от Казарзы до Вероны перевозилось более 14.000 центнеров военных тяжестей. С самого начала кампании австрийское военное ведомство сделало важную ошибку: вместо того, чтобы провиант и прочие громоздкие тяжести морем везти из

Триеста в Венецию и оттуда по готовой железной дороге отправлять в Верону, водяным путём принялись преимущественно перевозить войска. С появлением французского флота в Адриатическом море сообщение Триеста с Венецией было прервано, и всё движение по нужде перешло на одну недоконченную железную дорогу. Перерыв рельсов между Набрeziной и Казарзой не мешал войскам следовать безостановочно, но сильно замедлил перевозку военных припасов, что не могло не повлиять невыгодным образом на ход военных операций. Тут же должен заметить, какой замечательный порядок существовал по всей дороге, благодаря австрийской военной дисциплине. Несмотря на огромное скопление военных лиц всякого звания, здоровых и раненых, и чиновников всевозможных ведомств, ни в Казарзе, ни на пути не встретил я ни одного пьяного солдата, ни одного офицера в излишне восторженном расположении духа. Во всех гостиницах и кофейнях царил редкая тишина. Офицеры входили и уходили, раскладываясь между собой, закусывали, пили вино, но всё это обходилось без шума, без брани и скандала. Даже присутствие в гостиницах молодых прислужниц не вызывало со стороны офицеров нескромной шутовщины. Прежде всего требуется от австрийского офицера безусловное соблюдение законов чести и приличное поведёте. Это не служить ещё доказательством, будто все австрийские офицеры ведут себя безукоризненно, встречаются и между ними очень дурные субъекты, готовые на всякую безобразную выходку, но за каждым проступком следует неизбежное наказание. Офицер, провинившийся против чести или нарушивший какое-либо, офицерскому званию присвоенное правило приличия, немедленно исключается из службы.

От Казарзы до Вероны случилось мне проехать в одно время с тогдашним председателем государственного совета, эрцгерцогом Райнером, имевшим любезность пригласить меня в своё вагонное отделение. Эрцгерцог, о котором уже до того я слышал много хорошего, совершенно покори́л меня своим добродушным обращением. Разумно рассуждал он о делах, крепко занимавших в то время каждого австрийца, без всякого нетерпения выслушивал рассуждения, противоречившие его мыслям, и никому не давал чувствовать своего высокого значения. Наше путешествие обошлось не без задержек; поезд принуждён был беспрестанно оста-

навливаться на станциях для пропуска встреченных цугов. В виду самой Вероны мы были остановлены на два часа в ожидании поезда с ранеными, долженствовавшего двинуться из крепости. Раненых и больных отвозили из Италии во внутренние провинции для размещения по обывательским домам, как можно ближе к месту родины. Жара довела нас до изнеможения; не доставало тени, не доставало хорошей воды. Обер-кондуктор предложил эрцгерцогу телеграфировать в Верону о том, что он едет с нашим поездом для простановки веронского цуга, отчего тот решительно отказался, объявив, что он готов прождать сколько угодно, раненых же не следует задерживать без особенно важной причины. В Вероне не оказалось ни одного фиакра у станции железной дороги, отстоявшей от города на добрый пушечный выстрел; эрцгерцог со своим адъютантом пешком побрели в город; егерь понёс дорожные мешки; сундуки повезли на ручной тележке. Следом за ними потянулись прочие путешественники.

На другое утро поехал я, начав с графа Грюнне, являться всем наличным военным властям. Многим мой приезд приходился не по сердцу: патриотическое самолюбие их противилось видеть русского офицера близким свидетелем горьких неудач, которыми разразился поход, начатый с самыми блестящими надеждами. Чувство это было весьма натурально: поэтому на мне лежала строгая обязанность, по возможности, ему потворствовать, не роняя при том собственного достоинства. В этом случае я нашёл полезную мне поддержку в эрцгерцогах и в старых генералах, которые, помня ещё наполеоновские войны, открыто продолжали сочувствовать русским. От них видел я одни любезности во всё время моего пребывания в императорской главной квартире. Храбрый граф Шлик, под Лейпцигом потерявший один глаз от пики русского казака, принявшего его за французского офицера, зла не помня, принял меня с открытыми объятиями и долго со мной разговаривал о делах, нисколько не скрывая их дурного положения. И я отвечал так же откровенно, пока он не коснулся положения, принятого Россией относительно итальянского вопроса. Тут мои обдуманно уклончивые ответы вызвали его сделать замечание:

– *Pourtant, camarade, vous etes bien boutonne.*

– *D’apr’ès le reglement, mon general,* – ответил я.

Шлик улыбнулся, пожаль мне руку и просил чаще у него бывать.

С Бенедекком разыгралась у меня сцена другого рода. Ещё в Вене были мы знакомы, довольно часто встречаясь у князя Виндишгреца. Там уже я имел случай заметить, что он далеко не добряк, каким прикидывается, востёр на язык, и с ним надо было держать ухо востро. Не успел я перешагнуть через порог, как Бенедек кинулся меня обнимать.

– Cammarad, herzlich erfreut sie unter uns zu sehen; sind sie endlich zu uns gekommen, wohl um zu hören was die jungen Leute so auf der piazza Bra sprechen!

На пиаце Бра находилась кофейня, возле которой преимущественно собиралась военная молодёжь, не стеснявшаяся громко осуждать всё, что деялось и творилось на театре войны.

Я отступил шаг назад.

– Zu hören was die jungen Leute auf der piazza Bra sprechen? Gar nicht nöthig; man braucht nur Augen zu haben um zu sehen!

– Cammarad! Cammarad! gleich böse!

– Nicht im geringsten. Excellenz haben nur vergessen: wie man in den Wald ruft, schallt es zurück!

С того времени Бенедек стал меня остерегаться.

В первый же день раз навсегда я был приглашён к императорскому столу, за которым ежедневно сживало человек около шестидесяти, составлявших персонал главной квартиры. Обед был не затейлив, состоял из четырёх блюд и десерта, но был также хорошо приготовлен и сервирован, как бы в Венском дворце. Император обедал вместе со всеми, за большим, покоем устроенным, столом. По окончании обеда он уходил в боковую комнату, куда за ним следовали имевшие представиться. Был я принят после моего первого обеда. Ни в наружности его, ни в разговоре я не заметил ни малейшей перемены против венского приёма, хотя, как мне сказывали, сольферинская неудача сильно его потрясла, и он душевно продолжал скорбеть о прошедшем и не без опасения взирать на будущее. Умел он владеть собой. Приветствуя меня одинаково любезно, как в моё первое венское представление, после немногих посторонних вопросов, император заключил словами:

– Очень благодарен вашему государю за то, что вас прислал в мою армию; признаю это доказательством одинаково дружелюбных чувств, какие он питает ко мне и к моим противникам, у которых в лагере также находится русский офицер.

Почти в одно время с моим приездом в Верону граф Павел Шувалов прибыл в главную квартиру Луи-Наполеона.

Приехал я в Верону на пятые сутки после Сольферинского дела. Франко-сарды к тому времени переправились на правую сторону реки Минчио и около Валежио заняли сильную позицию; австрийцы заперлись в черте веронских передовых укреплений; военные действия приостановились; с обеих сторон отдыхали и готовились, пополняя потери и исправляя попорченный материал. Тут мне привелось вкусить все прелести бездейственной, утомительно однообразной военной стоянки: поутру, пока солнце не припекло, прогулка за город, не выходя за черту передовых верков, потом обед за императорским столом, вечером ленивое восседание пред кофейней ради утоления жажды бесчисленными порциями гранито и мороженого, причём приходилось выслушивать бесконечные толки обо всём, что было сделано, и чего бы делать не следовало. Эти пересуды ежедневно повторялись на всевозможные лады, смотря потому, как дело каждому представлялось, доставляя мне возможность не только факты узнавать, но и знакомиться с характером и умственными качествами рассуждавших. Главным предметом всех разговоров, понятным образом, служило последнее сражение под Сольферино, которое, согласно рассказу принимавших в нём деятельное участие, разыгралось следующим образом.

Сгорая желанием загладить Гиулаем наделанные ошибки, император Франц-Иосиф принял решение действовать наступательно, вопреки мнению Гесса и некоторых других опытных генералов, советовавших не покидать известного крепостного квадрилатера. Нашлись люди угодливые, не преминувшие помощью самых убедительных доказательств поддержать желание императора. На собранном по этому случаю совете было положено, переправившись чрез Минчио, атаковать неприятельскую армию, стоявшую близ Кастиглионе. Растянув линию на четыре мили, сто сорокатысячная австрийская армия двинулась к означенному пункту, имея в предмете, охватив правый неприятельский фланг, прижать противника к горам. Концентрически направленные австрийские колонны должны были сойтись пред самой неприятельской позицией. По теории совершенно правильно; на деле же расчёт австрийских тактиков не оправдался. Франко-сарды, помощью воз-

душных шаров разведавшие, чего домогались австрийцы, с вечера пошли им навстречу, вследствие чего вместо одного общего сражения под Кастиглионе произошло три, связи не имевших, столкновения: в Поцоленго, Сольферино и Медоли, которые совершенно с толку сбили австрийских генералов, не ожидавших так скоро встретиться с неприятелем. Бенедека, стоявшего на правом фланге со своим корпусом, в третьем часу утра разбудили французские ядра, полетевшие на Поцоленго; на левом фланге, которым командовал граф Вимпфен, один австрийский пехотный полк вошёл в Медоли, не зная, что другой конец деревни уже занят французами – значить, австрийцы шли, плохо разведывая местность впереди себя. Отсюда ошибка последовала за ошибкой. Центр австрийской армии оказался неимоверно слабым: Сольферино заняла только одна бригада; о пехотных резервах совершенно забыли; резервная артиллерия левого фланга потеряла дорогу и совсем не пришла на поле сражения. Блистательная атака гусарского полка под командой Эдельсгейма, прорвавшая французскую линию вплоть до перевязочного пункта, осталась без результата. Повторные атаки кавалерийской дивизии графа Менсдорфа на медольской равнине, отражаемые убийственным огнём французской артиллерии, также ни к чему не повели. Генерал Цедвиц Менсдорфа не поддержал, и поутру ещё без всякого повода отвёл к Минчио свою кавалерийскую дивизию, за что и был удалён от службы. Граф Вимпфен, имевший задачей теснить правый фланг французской армии, удерживаемый Мак-Могоном, Канробером и Ниелем, не мог выиграть пяди земли. На одном правом фланге австрийцы имели успех. Бенедеку удалось отбросить сорокатысячную Сардинскую армию, причём он сделал, однако, очень важную ошибку: увлекаясь отличавшею его солдатскою храбростью, безрасчётно зарвался он в преследовании, со всем корпусом своим погнался за сардинцами до Ривольтеллы, тем обнажил центр армии и у себя отнял возможность его поддержать, когда Луи-Наполеон превосходными силами атаковал Сольферинские высоты, служившие ключом австрийской позиции. Сам он едва успел уйти за реку, когда французы, захватив Сольферино, чрез Кавриану двинулись к Волге. Заняло французами Сольферинских высот решило судьбу сражения; дальше австрийцам не стоило драться, и, полагаю, они были очень рады,

когда в шестом часу по полудни сильная гроза обе стороны принудила прервать сражение. Затем австрийцы, не теряя порядка, отступили к Вероне, а франко-сарды вслед за ними перешли чрез Минчио и выдвинули свои аванпосты под самую крепость. Австрийские потери в этом деле простирались убитыми и ранеными до 18.000, пленными несколько свыше 9.000. Французы потеряли не меньше, в плен попали однако не больше 600 человек. У сардинцев убыло из строя около 6.500 человек.

Прусский и английский военные агенты, Редерн и Мельдмей, присутствовавшие во всех делах от самого начала кампании, отдавали полную справедливость храбрости австрийских войск. По мнению их, немецкие и богемские полки лучше других выдерживают в огне; стирийцы в деле покойны и хорошо стреляют; за ними следует галийская, потом венгерская пехота, которая, однако, стоит несравненно ниже своей кавалерии. Венгерец пеший и венгерец конный – два разных человека: в первом случае он солдат обыкновенной храбрости; во втором – удержу не знает. Французская кавалерия была не в силах ведаться с австрийскими гусарами и спасалась от них только тем, что уходила под защиту своей пехоты или артиллерии. Под Маджентой пять эскадронов гусарского полка имени короля Прусского, под командой Эдельсгейма, доказали, что способна сделать хорошая кавалерия, причём, однако, следует заметить, что тогда ещё не существовало с казённой части заряжаемых, скорострельных ружей. По сильно перерезанной местности, чрез рвы и высокие каменные стенки, гусары атаковали французскую пехоту и отбросили её к Понте-ди-Маджента. Всё бежало пред ними. Французские пленные мне сказывали, что им показалось, будто на них налетели не кавалеристы, а черти. Сольферинская бешеная атака принадлежала тому же полку.

Австрийских егерей Мельдмей ставил несравненно выше французских относительно стрельбы; французы превосходили их только быстротой движений и умением пользоваться местностью. Артиллерию он также хвалил: стреляла она метко и хладнокровно, но по свойству своего старого вооружению не могла с выгодой бороться против французских новоизобретённых нарезных орудий. Кроатские пограничные, ныне реорганизованные, полки хорошо дрались за прикрытием, плохо в чистом поле; очевидцы

рассказывали мне, что под огнём не легко было их удерживать в должном порядке.

Но к чему ведёт слепая солдатская храбрость, когда у командующих не достаёт умения пользоваться ею сообразно обстоятельствам? Очертя голову, кидаться в драку ведёт к одному бесплодному кровопролитию. Австрийская армия считала в своих рядах не мало храбрых генералов, а дело между тем не ладилось. Барон Гесс Действительно был даровитый и знающий генерал, но страдал избытком идей, подобно нашему князю М. Д. Горчакову; придумав какую-нибудь очень хорошую меру, он не умел остановиться на ней, начинать менять без конца, и от этого нередко упускал решительную минуту. Радецкий, у которого он прежде служил начальником штаба, умел пользоваться его дарованиями, хватался за его первую хорошую мысль и заставлял её привести в исполнение без всякой перемены. Кроме того, Гесс в армии и при дворе имел сильных противников, не дававших хода его мыслям. Сам император был молод, нетерпелив, не доверяя собственному опыту, крепко полагался на графа Грюнне, который в свою очередь по военным делам взял себе в советчики надутого, самоуверенного, только на интриги умелого, генерала Римминга. План наступательного движения, полагать должно, им был составлен; по крайней мере на него походило.

Вяло тянулись в Вероне невыносимо скучные дни. Солнце пекло, как в растопленном горниле: в первых числах июля жара стала доходить в тени до 27 и 29° Реом. Войска, стоявшие биваком на открытой, безлесной равнине, изнемогали от зноя; число больных возрастало с каждым днём; случаи солнечного удара быстро умножались. В городе днём не только люди, но и собаки прятались по домам; одни военные по необходимости не переставали, потом обливаясь, снова по раскалённой мостовой. Пред самым только закатом улицы начинали наполняться мундирною толпою, среди которой изредка проносились какие-то весьма подозрительные кринолины венского покроя; ни одного итальянца высшего круга, ни одной порядочной итальянки мы глазом не видели. Ночью, случалось, на высоких балконах кое-где появлялись белые женские фигуры и тотчас исчезали, заметив, что с улицы на них глядят. Все наши дни проходили одинаковым порядком: в 6 часов собирались к обеду в императорскую главную квартиру,

после чего стар и млад отправлялся на пиацу Бра и пиацу Сигнори, где от безделья просиживали до поздней ночи, поглощая несметное количество гранито и пецо *gu giaré* и глаза на громадную Трояновскую арену и на чудные памятники скалигеров. Другого удовольствия не существовало: театры были закрыты, военная музыка не играла на площадях, частные дома оставались затворёнными без всякого исключения.

В главной квартире, казалось, господствовало полное затишье; обычная военная деятельность будто примолкла; эта тишина была, однако, очень обманчива: под видом непоколебимого спокойствия скрывались глубокие опасения за ближайшую будущность. Победоносный неприятель стоял на носу, пока ещё не трогался, но в одном переходе мог появиться в виду крепости, которая, хотя и пользовалась славой непреодолимого оплота, на деле же во многом не соответствовала своей громкой репутации. Веронские отдельные форты были растянуты на слишком большое протяжение, и не были достаточно вооружены. Граф Гиулай сначала кампании увёз в Пиаченцу и Павию 170 орудий большого калибра, которые, ретируясь, там утопил в Тичино, а из Казарзы не успевали перевозить в Верону недостающее количество тяжёлых орудий и артиллерийских снарядов. Боялись, что неприятель, разведав об этом деле, всеми силами атакует какой-либо, более слабый пункт и, не будучи встречен достаточно сильным огнём, успеет прорвать линию передовых укреплений, на какой случай заблаговременно было решено, отдав Верону, ретироваться по тирольской дороге. В начале дня по главной квартире была разослана диспозиция на случай тревоги, в которой между прочим значилось: при первых выстрелах всем чинам главной квартиры собраться перед домом, в котором жил император, запасных же лошадей и повозки со всею кладью отправить за крепость на ревередскую дорогу и построить там в обозную колонну, дышлом к Ревередо.

Находились австрийцы в довольно неловком положении, но и французам приходилось не легче. Лучше других было сардинцам, расположенным в окрестностях Монцамбано, посреди совершенно им преданного населения, им выпала на долю не трудная задача осаждать Пескиеру. Французы, занявшие позицию на высотах

Сомампаньи, в ближайшем расстоянии от сильной ещё неприятельской армии, принуждены были находиться в постоянной готовности к бою, не пользовались особенным расположением жителей, прятавших жизненные припасы, не имели для питья здоровой воды и много теряли людей от лихорадки, тифа и госпитальной гангрены, поражавшей большую часть раненых. От жару они страдали не меньше австрийцев. Между солдатами распространилась у них кожная болезнь, известная в Италии под именем – *saligi*, которой подвергаются обыкновенно люди, не успевшие свыкнуться с жарким местным климатом. У заболевшего тело начинает гореть, чесаться, покрывается красноватыми пузырями; человек теряет сон и от бессонницы ослабевает до совершенной невозможности нести службу. Кроме того, германский союз снова поднял на время отложенный вопрос: по первому известию о несчастной Сольферинской битве, во Франкфурте было решено на верхнем Рейне немедленно выставить корпус из южногерманских контингентов, и Пруссии, чтобы не раздражить против себя немецких патриотов, согласилась с своей стороны выдвинуть обсервационный корпус на рейнскую границу. Этим Франция ставилась в необходимость разделить свои силы, а Австрии давалась возможность свою итальянскую армию умножить войсками, стоявшими в Дунайской долине.

В виду такого неблагоприятного стечения обстоятельств, грозивших из рук его вырвать плоды двух кровавых побед, Луи-Наполеон счёл полезным прекратить войну, не довершив своего обещания освободить Италию вплоть до Адрии, почему и решился сам сделать первый шаг к перемирию, на которое с радостью согласился австрийский император, имевший весьма основательный причины бояться неудовольствия, распространившегося внутри империи, и не слишком полагаться на содействие со стороны Пруссии. Поводом к первому сближению враждующих послужило желание австрийцев выручить от французов тело павшего под Сольферино полноватого командира, князя Виндишгреца. Австрийский парламентёр, посланный по этому случаю в неприятельский лагерь, был лично принят Луи-Наполеоном самым ласковым образом, причём тот ему заметил, что уже давно питает желание положить конец душе его противному кровопролитию, если только император Франц-Иосиф не откажется протянуть ему

руку примирения. Вслед за тем парламентёром приехал в Верону пиемонтский капитан граф Робилан, побочный брат Виктора-Эммануила, позже занявши место итальянского посла при венском дворе. В чём заключалось его поручение, осталось тайной для нас, иностранных военных агентов; знали мы только, что он лично был принят императором австрийским, продержавшим его более получаса в своём кабинете, и что в ту же ночь барон Гесс съездил к французам. Два дня спустя, 7 июля, прибыл в Верону новый парламентёру ординарец французского императора, Дюк-де-Кадор, и в ту же ночь генерал-адъютант Флери привёз собственноручное письмо от Луи-Наполеона к Францу-Иосифу. На другой день объяснилось, о чём переговаривали: между воюющими сторонами было заключено пятинедельное перемирие; значит, дело клонилось к миру.

Одиннадцатого июля, рано поутру, император Франц-Иосиф с небольшою свитою поехал в Вилла-Франку для свиданья с императором французов. Последствием этой встречи был мир, который оба императора заключили между собой на следующих предварительных условиях. Император австрийский Ломбардию уступает Франции, которая передаёт её Сардинии; Венецианское королевство с крепостями Мантуа и Пескиера остаётся за Австрией; мелкие итальянские владения образуют конфедерацию с папой во главе. На требование Франца-Иосифа снова восстановить герцога моденского и великого герцога тосканского Луи-Наполеон согласился под условием, если большинство жителей того пожелает. В заключение было постановлено австрийским и французским комиссарам в скорейшем времени съехаться в Цюрих для составления мирного договора на сказанных условиях.

По первому известию о мире, заключённом двумя императорами в Вилла-Франке, германский союз и Пруссия остановили задуманную мобилизацию обсервационных корпусов, долженствовавших стать на Рейне.

Собрались мы в тот день по заведённому порядку обедать в главной квартире. Слух об утренней поездке императора в Вилла-Франку нас не миновал, но к какому результату привело свидание обоих императоров, мы не знали ещё. Император Франц-Иосиф, вообще не разговорчивый, в тот день был молчалив свыше привычки; тень глубокой скорби лежала на лице его. Ближе

к нему сидевшие, старшие австрийские генералы также хранили глубокое молчание; молодёжь таинственно перешёптывалась и как-то недружелюбно поглядывала на нас троих – англичанина, пруссака и на меня, чем же мы были виноваты?

Под конец обеда произошла тревога. Вошёл дежурный по караулам, что-то шепнул графу Грюнне, тот передал императору, который тотчас встал и пошёл в свой кабинет. Все присутствовавшие поднялись; итальянские принцы опрометью кинулись в противоположную сторону, в комнаты, который занимал граф Грюнне. Через несколько минут по зале прошёл к императору принц Наполеон, совершенно неожиданно приехавший в Верону. Пока большая часть обедавших на дворе курили и пили кофе, обездоленные итальянские владетели, неприятным образом затронутые неожиданным посещением противного им принца, задним крыльцом спустились на улицу, забыв прицепить сабли, с коими под мышкой пустился их догонять придворный жандарм. Народ, имевший обыкновение толпиться пред дворцовыми воротами, громким хохотом приветствовал эту несколько смешную сцену.

Тринадцатого июля, пред самым обедом, комендант главной квартиры, фельдмаршал-лейтенант граф Феттер, нам сообщил, что император вечером уезжает из Вероны, и нам, иностранцам, поэтому, не остаётся времени откланяться его величеству. Драма разыгралась, занавес опустился, актёры стали расходиться по домам. Да и нам, пассивным зрителям чужой суеты, оставалось только уходить из палатцо Вероны. Англичанин поехал в Лондон, пруссак в Берлин передавать результаты своих наблюдений; а я, не имея приказания явиться в Петербург, через Гюцен и Инсбрук отправился в верхнюю Австрию на Гмундское озеро, где жена проводила лето в Траун-Кирхен, известном всей Австрии по своему живописному положению и по красивой вилле, принадлежащей двум русским девицам Панчулидзовым. Вид с высоты, на которой построена вилла, не только может равняться, но положительно превосходить лучшие виды, которыми так славятся озёра Гардское и Комское. Там растительность богаче, постройки изящнее, но очерки гор, окружающих Гмундское озеро, смелее, разнообразнее и шире даже в размерах.

V.

Влияние на Австрию неудачной кампании. – Реформы императора Франца-Иосифа. – Увольнение графа Буоля. – Барон Гюбнер. – Самоубийство барона Эйнатена и барона Брука. – Учреждение усиленного рейхсрата. – Архиепископ Раушер – Народное недовольство. – Большие маневры в Дарсаве. – Моя беседа с императором Александром Николаевичем. – Случай с батарейным командиром. – Наследник цесаревич. – Болезнь императрицы Александры Фёдоровны. – Отъезд императора из Варшавы.

Вернулся я в Вену пред началом зимы и нашёл город в сильном волнении. Бюргеры громогласно восставали против существующего порядка, осуждали министров, бранили императорских любимцев, острили над императором. Неудачная итальянская война, а более ещё невыгодный мир, лишивший империю цветущей провинции, и финансовое расстройство, вызванное военными издержками, чувствительно поколебали правительственный авторитета. Император Франц-Иосиф, разочарованный насчёт своей армии, обманутый в уповании на талантливую дальновидность своих ближайших советников, стал сознавать необходимость, для блага империи и для укрепления династии, перейти к новой системе управления, причём весьма благоразумно принялся постепенно вводить реформы, соответственные духу времени, не выпуская, однако, из своих рук инициативы в мерах, которые ему казались пригодными успокоить умы, упрочить народное благосостояние и тем восстановить потрясённую силу империи. Нельзя сказать, чтобы в этом случае, не взирая на его осмотрительность, обошлось без важных ошибок, необдуманных попыток и неожиданных разочарований. Племенной антагонизм, сословные притязания и закоснелая религиозная нетерпимость в Австрии донельзя усложняют каждый правительственный вопрос, но в общем итоге переворот, произведённый императором в форме правления, надо сознаться, всё-таки привёл к очевидному улучшению государственного быта.

Ультракатолик по воспитанию, глубоко преданный абсолютизму по вековым традициям дома своего, не по чувству и убеждению, а повинувшись силе обстоятельств, решился Франц-Иосиф вступить на дорогу либеральных учреждений, и, в похвалу ему

должно сказать, с той поры, победив самого себя, не сворачивая, твёрдым шагом, пошёл по избранному пути. Ни хитрые козни властолюбивой феодально-клерикальной австрийской знати, ни сопротивление, встречаемое им в кругу собственной семьи со стороны родительницы своей, эрцгерцогини Софии, когда дело касалось церковного интереса, не успевали ослабить его решимости. Да и пора была перейти к новому порядку вещей. Австрия видимо подвигалась к полному разложению: Баховская административная манипуляция породила несказанную путаницу; полицейские строгости, притупив чувство боязни, довели народ до глубокого озлобления; постановления конкордата сковывали свободу совести и мышления тесными узами клерикальной нетерпимости; финансовое расстройство угрожало государственным банкротством. Ценность бумажных денег, благодаря Бруку, пред войной стоявшая «*al pari*», упала на 60 %. По всем провинциям платёж податей прекратился на половину. Напрасно ставили экзекуцию к неплательщикам, напрасно продавали их имущество и самих сажали в тюрьму; под конец не стало места, куда сажать, не находилось, кому продавать под молоток попавшее добро; на казну ложилась только обязанность кормить лошадей и скотину, захваченных у неплательщиков. Венгрия находилась в сильном брожении: там без дальних околичностей жгли дома у покупателей за недоимку конфискованного имущества, чему всего чаще подвергались евреи, не имевшие силы устоять против соблазна дешёвой наживы.

При стечении таких неблагоприятных обстоятельств наступил 1860 год, открывший для Австрии новую эру. Постепенно увеличивая уступки, настоятельно требуемые общественным мнением, император Франц-Иосиф силою обстоятельств наконец был доведён до издания Февральского патента 1861 года, которым австрийским народам даровалась ныне существующая конституция. Для успешного водворения нового порядка, понятным образом, требовались и новые государственные деятели. Поэтому австрийский император прежде всего постарался заменить новыми людьми своих прежних, к преданиях старины застывших министров.

В мае ещё 1859 года, вслед за объявлением войны со стороны Франции, граф Буоль был уволен от должности министра иностранных дел. В императорском послании (*Hands schreiben*) значи-

лось – по собственной просьбе, но это была только позолочённая пилуля. Дело совершилось столько же неожиданно для него самого, как и для всей публики. Ещё за два дня до появления этой новости у графа Буоля был блистательный раут, на котором я присутствовал, и самый наблюдательный глаз не в состоянии был подметить ни малейшей перемены в его горделивой осанке, ни в улыбках, с которыми его встречали собранные тут дипломаты. А носился бы между ними слух о падении его, как ни приучены они владеть своими физиономиями, у того или другого непременно проскользнул бы хоть минутный взгляд недоумения при виде спокойствия, хранимого министром, готовящимся потерять портфель.

По поводу его неожиданной отставки мне представился случай увидеть, как мало настоящего благородства следует искать даже в кругу людей, преимущественно претендующих на безусловную порядочность. Проходя по Грабену, недалеко узнал я графа Буоля, шедшего мне навстречу; шёл он, глубоко нахлобучив шляпу, в землю потупив бывало невозмутимо гордый взгляд. Впереди меня шло несколько человек, в дни силы его большою честью считавших получить от него приглашение к обеду и на вечер, ещё за два дня пред тем на лету ловивших его улыбку, низко изгибавших спину пред ним, когда он осанисто прогуливался по своим, гостями кишевшим залам. Теперь проходили они мимо него, шляпы не касаясь, будто его не узнавали.

Охало мне досадно на этих господ, так бесцеремонно выставивших на показ своё невнимание к человеку, которому недавно ещё льстили и поклонялись в виду всего общества.

Поравнявшись с Буолем, я снял шляпу и почтительно поклонился ему.

– J’ai L’honneur de saluer monsieur le comte!

Буоль приподнял голову и пытливо взглянул на меня – не сарказм ли? Кланяется русский, а русские, знал он, со времени восточной войны его любить не могли и внутренне должны были радоваться его падению; не заметив, однако, ничего подобного, Буоль приподнял шляпу, поклонился раза два и прошёл.

В десяти шагах от него встретил я некоего незначительного немецкого дипломата.

– Qui venez vous de saluer avec tant de déférence? – спросил он, – je n’ai vu que son dos.

– Le comte Buol.

– Mais vous savez qu'il n'est plus ministre, et je pense qu'en votre qualité de russe vous n'avez jamais été du nombre de ses admirateurs zélés.

– Vous avez raison. Mais comme je ne me sens pas courtisan du succès quand même, je trouve mieux placé de saluer une grandeur déchue, qu'un homme au pouvoir, et je lui fais grace du passé.

Несколько лет спустя, этот господин напомнил мне мои тогдашние слова. Шли мы вдвоём по какой-то маленькой венской улице. Вдруг он меня остановил.

– Fidèle a votre principe, veuillez tirer votre chapeau!

– Pardon? – devant qui?

– Regardez, une grandeur déchue, – и показал на противоположный тротуар.

По другую сторону улицы, экс-министр, экс-посол, когда-то многовластный Бах, одетый в старенькое пальто, быстро скользил, чтобы пройти незаметно; не то уличные мальчишки, узнав, не упустили бы случая закидать его грязью, такую славную популярность он себе заработал, будучи министром.

Стоит после того тратить ум и здоровье на добывку министерского портфеля! Должность ровно тиски: сверху жмут и долбят, снизу щетинятся и бранят.

Графа Буоля заменил по министерству иностранных дел граф Рехберх, прежде занимавший пост посланника при германском сейме. Не знаю, много ли Австрия выиграла от такой перемены. Если граф Буоль своей политикой подготовил неудачную войну с Пиемонтом и Францией, то про графа Рехберха положительно можно сказать, что он в свою очередь не пожалел труда подвести Австрию под удары 1866 года. Да и наружностью он не мог равняться с осанистым Буолем: мало встречал я в венском обществе людей, наделённых такою некрасивою физиономией, какою обладал малорослый, тщедушный, сухим сморчком глядевший Рехберх.

Ловкий, изворотливый Бах раньше того был заменён в министерстве внутренних дел графом Голуховским и отправлен в Рим послом при папском дворе; жестокий, всеми ненавидимый генерал Кемпен, управлявший делами полиции, замещён бароном Гюбнером, до войны занимавшим в Париже место посланника. Короткое

время, всего месяца четыре, заведовал он министерством полиции, после чего поступил в Рим на место Баха, потерявшего всякое значение. Карьера этого ретивого сторонника римской курии началась при канцлере, князе Меттернихе, у которого он служил канцелярским чиновником и своей услужливостью умел снискать благоволение князя и княгини, нося в то время не весьма благозвучную фамилию Гассенбределя. Встретив в сём последнем обстоятельстве препятствие сделаться супругом дочери гофрата Пилата, редактора газеты «*Österreichische Beobachter*», органа Меттерниха и Генца, выпросил он у императора Франца I позволение переделать свою фамилию в Гюбнера. Гофрат Пилат был Меттерниху близкий человек: женившись на его дочери, Гюбнер, обладавши, сверх того, хорошими канцелярскими способностями, быстро пошёл в гору. В посланники он попал, с производством в бароны, по милости князя Феликса Шварценберга, который, ненавидя Луи-Наполеона, удовольствием себе поставил наделить его таким не синекровным посланником. В парижском обществе положение Гюбнера было незavidно, и он пред войной ничего не знал, что происходило вокруг него, и поэтому не имел возможности делать своему правительству верные сообщения о настоящих намерениях французского кабинета. После Вилла-Франки заместил его в Париже князь Ричард Меттерних. В Риме Гюбнер остался до той поры, пока в Австрии не пошатнулся конкордат; после того вернулся в Вену, несколько времени носился с притязаниями на новый министерский портфель и кончил тем, что о нём и говорить перестали. Распространился я насчёт Гюбнера более потому, что нередко встречался с ним у одного знакомого прелата и, прислушиваясь к его суждениям, только мог удивляться односторонности его понятий, сложившихся в духе учения отцов иезуитов, что и доставляло ему покровительство их, но едва ли оправдывало назначения, которые ему давало правительство, кроме римского поста, на котором он находился в своём природном элементе.

В конце 1869 года, император Франц-Иосиф, покоряясь народному голосу, приписывавшему неудачи итальянской кампании главным образом графу Грюнне, из генерал-адъютантов переименовал его в обер-шталмейстеры, звание, в котором он терял всякое влияние на военные дела, а на его место назначил первым

генерал-адъютантом фельдмаршал-лейтенанта, графа Кренневиля, человека хорошего, разумного и умеренного в смысле религиозных и политических убеждений.

Весна 1860 года ознаменовалась двумя происшествиями, сильно возмутившими общественную совесть. В военно-административной сфере были открыты значительные злоупотребления по части снабжения армии провиантом и военными припасами во время последней войны. Во главе армейского штаба, заменявшего тогда военное министерство, находился эрцгерцог Вильгельм; должность помощника его (Aldatus) исправлял фельдмаршал-лейтенант, барон Эйнатен, у которого находилась в руках вся хозяйственная часть. Вследствие накопившихся против него улики он был арестован, предан суду и, не дождавшись приговора, повесился в стенах своего арестантского помещения. Около того же времени министр финансов Брук кончил жизнь самоубийством. По делу Эйнатена судебная комиссия потребовала его к допросу, основываясь на участии, которое министерство финансов принимало в некоторых военных подрядах, от чего он, находясь в звании министра, ответственного одному императору, себя почёл в праве уклониться, дело дошло до императора, который, вместе с увольнением от должности, ему предписал не отговариваясь исполнить требование комиссии. Брук, глубоко оскорблённый в своём самолюбии, в ту же ночь перерезал себе горло. Это никем неожиданное происшествие сильно помutilо умы. В придворном кругу, в котором он имел много противников, самоубийство его старались выставить явным доказательством виновности; большая же публика злобно накинулась на его противников, якобы ложными наветами погубивших умного министра, безукоризненно служившего своему правительству, требовала строгого исследования дела и восстановления фактов в их истинном виде. Бумаги Брука немедленно были опечатаны, требуемое следствие произведено, и самоубийца оказался чистым во всех своих действиях. Открылось, что после ликвидации своего триестского банкирского дома, в течение десяти лет занимая должности министра торговли и министра финансов, он свой собственный капитал умножил не более, как на сто тысяч гульденов, без малейшего ущерба для казны и для законного интереса какого бы то ни было частного лица. Публичное восстановление честного

имени погибшего Брука благоприятным образом повлияло на положение осиротевшего семейства; один из его сыновей впоследствии даже достиг звания посланника, между тем как сыновья Эйнатена с запятнанною памятью своего отца не могли оставаться в кругу австрийского общества, и от этого переселились в Америку.

Видный из себя, своим выразительным лицом возбуждал он любопытство, умною речью приковывал внимание вступавшего с ним в разговор. Высказывал он своё мнение ясно и положительно, но без всякой резкости. Удовольствие доставляло его послушать. По части финансовых оборотов пользовался Брук замечательно верным взглядом и умел твёрдо проводить свои мысли. Памятна мне его верная оценка торговых и промышленных потребностей не только австрийского, но и других государств, когда он однажды в своём кабинете на карте мне указывал железнодорожные линии, в коих Россия преимущественно нуждалась, определяя их политическое, торговое и военное значение с редким знанием местных обстоятельств и экономических условий, в коих тогда обретался русский крепостной народ.

Уступая давлению общественного мнения, настойчиво требовавшего отмены феодалам и клерикалам столь дорогого административного произвола, тормозившего народную деятельность, император Франц-Иосиф в начале марта учредил так называемый усиленный рейхсрат (государственный совет), долженствовавший собираться периодически для постановления бюджета, для контроля государственных расходов и для обсуждения законодательных проектов. Усиленный рейхсрат, кроме правительством назначенных лиц, должен был состоять из тридцати восьми членов, утверждённых императором по предложению провинциальных сеймов. Председателем совета был назначен эрцгерцог Райнер. Учреждение такого рода государственного совета, только отчасти основанного на избирательном начале, далеко не соответствовало народным ожиданиям. С этого начались уличные демонстрации, направленный против министров, а более ещё против венского архиепископа, кардинала Раушера, которого народ не без основания признавал самым упорным соратником конкордатом созданного духовного гнёта. По вечерам народ густыми толпами стал наполнять венские улицы и площади с не скрытым намерением потешиться над стёклами кардинальского дворца

и министерских жилищ, сопровождая это занятие музыкальным аккомпанементом, известным у немцев под именем «кошачьей музыки».

Меры для охранения окон и несколько чувствительного слуха гг. министров были приняты правительством, насколько позволяли обстоятельства, не разжигая народных страстей до открытого восстания, которое бы пришлось укрощать силою оружия. Доступ к архиепископскому дворцу, против церкви св. Стефана, каждую ночь заграждался двумя ротами, некоторые боковые улицы были заняты конницей, пехотные и конные патрули искрещивали город. Судя по количеству народа, густыми массами запрудившего улицы, эти меры могли казаться слишком слабыми, но дело в сущности было не таково: за наглухо затворёнными воротами домов на Грабене и на ближайших улицах, неведомо для публики, скрывались батальоны, по первому сигналу готовые высыпать на улицу для поддержки полиции и небольших пехотных патрулей. Народ, не решаясь вступить в открытую борьбу с вооружённой силой, ограничивался гуляньем по улицам, бранными криками и свистками. Изредка раздавался звон разбитого, зачастую ничем неповинного, стекла. Когда крики и свистки начинали переходить за предел положенной терпимости, тогда с какой-нибудь стороны неожиданно раздавался барабанный бой, и на улице появлялась пехотная колонна, наступавшая тихим шагом. Народ раздавался пред войском, а войско, очистив себе дорогу, не мешало народу наслаждаться вечернею прохладой. Такое гулянье войска по одну, народа по другую сторону улицы продолжалось иногда до поздней ночи – кто кого перегуляет. Войско, versteht sich, удерживало поле за собой; народ, соскучив гулять без цели и нужды, начинал расходиться, и город к утру принимал свой обычный спокойный вид. Во избежание прямого столкновения войска с народом, впереди колонны рассыпным строем шли тайные, в гражданское платье одетые, полицейские агенты, имея за собой мундирный полицейский резерв. Агенты, замешавшись в толпу, хватали крикунов, отдавали их полицейской команде, а та в свою очередь передавала их войску при малейшем поползновении народа освободить арестованных. Захваченных крикунов на другой день сортировали; подстрекателей и грубо провинившихся против полицейского порядка предавали суду, а менее винов-

ных отпускали на свободу. Такого рода ночные демонстрации под конец обратились в хронически недуг. Правительство со своей стороны, постепенно устраняя действительно тягостные для народа постановления, помощью прессы старалось унимать взволнованные умы, в чём не имело, однако, видимой удачи.

Всё, что рассказываю об этом времени, происходило на моих глазах. Не раз выходил я ночью на улицу поглядеть, в каком положении дела состоят, и каждый раз возвращался, глубоко уверенный, что нечего ещё бояться открытого восстания; но что правительство, во избежание действительно опасных смут, ради собственной выгоды, скоро принуждено будет хотя бы частью восстановить конституцию, дарованную в 1849 году и уничтоженную в 1861 году.

В таком смутном положении я покинул Вену, уезжая в Россию по собственным делам. На возвратном пути, в проезд через Петербург, военным министром Н.О. Сухозанетом мне было приказано явиться в Варшаву к маневрам, на которые император австрийский и прусский принц-регент должны были приехать для свидания с нашим государем. Маневры служили только предлогом для этого свидания, имевшего в виду установить между тремя державами полюбовное соглашение касательно итальянских дел, принявших в этом году оборот, опрокидывавший все консервативные традиции европейской политики, созданной Венским конгрессом после падения Наполеона I. Гарибальди в то лето, как известно, для Сардинии завоевал помощью своих волонтёров Сицилию и Неаполитанское королевство: некоторые части Папских владений, на основании всенародного голосования были присоединены к Пиемонту; объединение Италии, начатое Луи-Наполеоном в 1869 году, путём революции угрожало перейти далеко за пределы, в которых он было рассчитывал таковое удерживать. Да и собственная политика императора французов, стремившаяся к умножению французской территории, побуждала собравшихся государей короче сойтись между собой для согласного противодействия его честолюбивым замыслам.

За два дня до прибытия государя Александра Николаевича я находился в Варшаве, где мне была отведена квартира в Лазенках, во флигеле, в котором помещалась императорская свита. На первый раз мне приходилось присутствовать на варшавских ма-

неврах по приказанию государя, видеть там иностранных принцев, но никогда я не встречал более многочисленного собрания заграничных гостей. С государем прибыль в Варшаву покойный цесаревич Николай Александрович; император австрийский и прусский принц-регент, кроме придворных чинов, привезли с собой множество офицеров и генералов поглядеть на русское войско. Не только Ланзенковский дворец, все варшавские гостиницы были переполнены гостями, призванными пользоваться широким русским гостеприимством. Случалось мне бывать гостем австрийского императора на маневрах в Парендорфе и в Бруке на Лейте: всё было хорошо и прилично, но без роскошного излишка, каким сорил наш двор. Счёта не было экипажным и верховым лошадям, состоявшим в распоряжении иностранных офицеров и государевой свиты. Жившие в гостиницах могли требовать, что хотели; проживавшие в Лазенках пользовались гофмаршалским столом; кроме того, каждый имел право обедать у себя, не желая присутствовать за общим обедом. Обедавшим на дому ежедневно отпускатось по две бутылки столового вина, бутылка шампанского и полубутылка хересу, портеру же, пива, мёда, сельтерской йоды, чаю и кофе, сколько желалось. Это право вело к двойному, совершенно ненужному расходу. Кормился ли гость за общим столом, или нет, придворная прислуга не упускала требовать для него домашний завтрак, обед и ужин, обращая в свою пользу вино и еду. К довершению всего, принадлежавшим к императорской свите пред отъездом из придворной конторы приносили ещё деньги для раздачи лакеям на чай. Иностранцы, глядя на такую безрасчётную трату, втихомолку посмеивались, не брезгая, однако, пользоваться всеми ею доставляемыми удобствами.

В день прибытия государя приехал в Варшаву наш венский посланник, Балабин, сутками опередив австрийского императора. Государь принял его в тот же вечер, а мне было приказано на другое утро явиться его величеству.

Государь встретил меня словами:

— А что? плохо Австрии приходится — распадается она?

— Немного расшаталась, но, кажется, ещё держится.

— Как? — вчера вечером Балабин подробно мне рассказал всё, что творится у вас в Вене и по провинциям. Не даёт он ей просуществовать трёх месяцев.

– Долго ещё проживёт она.

– Повсюду царит неудовольствие, финансы расстроены, народ не повинуется, венские уличные демонстрации грозят обратиться в явное восстание!

– Именно в последнем позволяю себе сомневаться. Покричать, пошумят, кое-кому стёкла побьют; до баррикад, однако, дело не дойдёт – австрийским народностям ещё памятен сорок восьмой год. А ныне правительство сильнее прежнего; войско хорошо дисциплинировано.

– Но сам Франц-Иосиф не пользуется любовью народа и войска; про него отзываются самым дерзким образом; по мнению Балабина, династия находится в сильной опасности.

– В настоящую минуту императора Франца-Иосифа действительно бранят на все лады. Народная ненависть, однако, направлена не лично против него и не против монархического принципа, а против административного произвола, против конкордата и полицейских порядков. Отменит он существующую систему правления, и всё переменится, снова его станут хвалить и почитать. А что касается династии, так позвольте доложить вашему величеству: все народы главным образом живут привычкой, и австрийские народности, какого бы племени ни были, привыкли гнать над собой дом Габсбургов и не на шутку задумаются подчинить себя другой, незнакомой им власти – хуже может выйти.

Балабин, человек более остроумный, чем разумный, любил, прислушиваясь к собственной речи, играть фразой и метафорой, что и приводило его, рассуждая о политических делах, потоком своего красноречия не редко увлекаться за пределы здравого смысла. И в оценке австрийских дел он тут же, суток не прошло, кинулся из одной крайности в другую. Франц-Иосиф не прибыл ещё, как из венского посольства Балабину сообщили манифеста, которым австрийским подданным объявлялось, что дипломом от 20-го октября император вводит новую государственную организацию. На основании этого диплома верховная власть обязывалась все законодательные, административные и финансовые вопросы решать только при содействии государственного совета, усиленного определённым числом членов, избранных из среды провинциальных сеймов. Всем австрийским провинциям возвращались их прежние статусы и самостоятельное управление. В Венг-

рии восстанавливались комитаты, и с уничтожением центральных имперских министерств внутренних дел, юстиции и духовных дел вновь учреждалась до восстания при императоре существовавшая венгерская канцелярия (Ungarische Hof-Kanzlei). Бенедек, занимавший должность венгерского наместника, назначался командующим войсками в венецианской области.

С этим известием в руках Балабин принялся проповедовать, что Австрия совершенно переродилась, умы успокоены, и народные желания удовлетворены свыше, чем позволено было ожидать. *Par ce coup de théâtre L'empereur d'Autriche a complètement changé la face des choses; je ne m'attendais pas de sa part un tel acte d'abnégation*, – говорил он каждому посвящённому и непосвящённому в политические дела – не все только верили ему на слово.

Выходило не то: венгерцы оставались неудовлетворёнными; диплом не давал им полной автономии, которой они домогались; немецкие и славянские провинции считали себя обиженными, не получив тех прав, которые были даны Венгрии. Диплом 20-го октября отнюдь не следовало считать последним словом в деле преобразования Австрийской империи; он был только этапом на пути к позже данной, ныне существующей конституции.

Неудовольствие, царившее в Австрии, уменьшилось, но совершенно не было прекращено. Балабин ошибся в существенном значении диплома, как он ошибался, считая Австрию, до его публикации, осуждённою погибнуть без всякого спасения.

Начались маневры, смотры и учения, в перемежку с парадными обедами, театрами и празднествами всякого рода – не имелось времени дух перевести. Весь день проходил в явлениях и представлениях, в скачке из конца в конец Варшавы и в переодевании из одной формы в другую. Народ глазел, под давлением полиции восторгался, покрикивал «ура», но от наблюдательного глаза уже тогда не могло ускользнуть, что поляки готовятся к чему-то недоброму. Из всех дорогих затей, устроенных для забавы чужестранных гостей, обратила на себя особенное внимание чудная иллюминация в Лазенках, превосходившая разнообразием и блеском все известные европейские иллюминации.

Во время маневров случилось со мной два, в моей памяти сохранившееся, эпизода. Военный министр, Николай Онуфриевич Сухозанет, несколько раз мне поручал следить за тем или другим

делом и сообщать ему мои замечания. В то время, по примеру Франции, в большей части европейских армий стали заводить нарезные орудия системы Лагита, причём и у нас была сформирована подобного рода пробная батарея. Приказал он мне, между прочим, во время артиллерийской пальбы в мишени, наблюдать за огнём этой батареи для оценки его сравнительно с меткостью, принадлежащею австрийской артиллерии. Батарея не стреляла особенно метко: снаряды не долетали до мишени или перелетали. Государь Александр Николаевич, до крайности рассерженный плохим действием батареи, подскочил к батарейному командиру и в присутствии иностранцев осыпал его самыми нелестными упреками. Артиллерийский полковник что-то хотел сказать, но государь, не слушая, крикнул – молчать! – и ускорил.

Глубоко оскорблённый полковник обратился ко мне:

– Слышали вы? скажите, что остаётся мне делать? – пустить себе пулю в лоб.

– По моему, погодите, нечего ещё стреляться вам. И другим приходилось страдать от царского гнева, а продолжают жить и процветать. Впрочем, признайтесь, полковник, что вам хоть и больно досталось, но не без всякой причины. Ваша батарея действительно не отличалась меткостью, которую позволено требовать от нарезных орудий.

– Совершенно справедливо, да не моя вина. Опыты над нарезными орудиями производили мы прусским порохом, к нему применились, а вчера вечером для сегодняшней пальбы мне отпустили русский порох; разница велика в силе того и другого пороха, нельзя сразу примениться. Хотел я государю сказать, но вы сами видели, как государь мне не дал слова выговорить. – Полковник махнул рукой – покончу, да и только!

Тем временем к нам подъехал красивый молодой человек, со звездой на уланском мундире, в котором я не замедлил узнать цесаревича-наследника, покойного Николая Александровича.

– А что? – обратился он ко мне, – плохо стреляет наша нарезная батарея!

– Точно так, ваше высочество; государь по этому поводу высказал батарейному командиру своё неудовольствие в таких прискорбных словах, что он только и думает застрелиться; а полковник между тем нимало не виноват.

— Как не виноват? Вина очевидна!

Я объяснил великому князю дело о порохе.

Выслушав меня, цесаревич подъехал к батарейному командиру, стал его утешать и обещал немедленно доложить государю императору, отчего батарея давала промахи. Цесаревич действительно исполнил своё обещание, и государь на другой же день, призвав несчастного полковника, загладил ошибочно ему нанесённую обиду.

Другой эпизод может служить примером, как некоторые господа понимают, и как далеко, совсем не к благу его, они распространяют свою преданность к царствующему лицу.

На другой день после артиллерийского учения было мне поручено наблюдать за общим ходом маневра и военному министру сообщать о замеченных мною тактических ошибках. Увидав, что несколько батальонов сомкнутыми колоннами атакуют лес, занятый противником, и, кроме того, останавливаются для пальбы в открытом поле, я указал на это обстоятельство генералу Сухозанету, заметив, что, по моему мнению, лес следует атаковать бегом, густою цепью, поддержанною сильными резервами, не теряя времени на бесполезную перестрелку, колоннам же идти лишь в третьей линии, почему и считаю маневр ошибочным.

В это мгновение за моими плечами раздался картавый голос незаметно подъехавшего флигель-адъютанта А.

— Как вы только можете это говорить, когда сам император так приказал!

Генерал Сухозанет поморщился, а мне оставалось только умолкнуть.

Неведомо было мне, что сам император так приказал; но если бы я даже знал, то не стал бы говорить против своего убеждения. И цари могут ошибаться, а лестью прикрывать каждую их ошибку есть дело не преданности, а противного раболепства, наводящего их только на новые, государству и им самим одинаково вредные ошибки.

По установленной программе следовало государю и его гостям ещё три дня оставаться в Варшаве, как весть из Петербурга о смертельной болезни престарелой государыни Александры Фёдоровны положила конец их пребыванию. Октября 30 (нового стиля) мы собрались в Лазенковском дворце проводить государя,

спешившего в Петербург, куда он поспел перед самой кончиной своей родительницы. Сам он накануне заболел простудой; в шубу закутанный, спустился с лестницы, собираясь сесть в карету, а тут, будто назло ему, от излишнего рвения, разбили стёкла в карете. Задержанный император сердился, князь М. Д. Горчаков суетился, придворный люд метался во все стороны, стекла же и стекольщика не знали, где отыскать. Наконец, после долгой задержки, дело было исправлено, государь уселся, и карета тронулась. Несколько часов спустя, уехали из Варшавы император австрийский и принц-регент прусский, впоследствии император германский. Я же, не знаю с чего, из этого съезда высочайших особ вынес два ордена. Пред своим отъездом император Франц-Иосиф мне прислал Железную Корону 2-й степени; месяц спустя, в Вену мне был прислан прусский орден Красного Орла той же степени.

Надел я новопожалованный орден и отправился к прусскому посланнику в Вене, барону Вертеру, просить его повергнуть к стопам его высочества принца-регента выражение моей глубочайшей благодарности за пожалованное мне отличие.

Выходя от него, повстречался я с каким-то австрийским генералом. Взглянув на меня, увидел он белый крест и спросил:

– Вы получили Красного Орла – за что?

– За то, что не упускал при встрече кланяться прусскому королю; другой заслуги не знаю за собой.

Приводится по: Исторический вестник: Историко-литературный журнал. 1897. Том. LXVII. № 1. С. 50–82; № 2. С. 419–447.

Издания АИРО-XXI в 2013 г.

- Две родины Стивена Коэна. Сост. Г.А. Бордюгов, Л.Н. Доброхотов. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 224 с. + ил.
- “...Ведь не безнадежность перед нами”. Переписка Николая Бухарина и Надежды Лукиной. 1911–1914, 1922 годы. Предисл. – Стивен Коэн; вступит. статья – Ж. Артамонова; составление и комментарии – Ж. Артамонова, Е. Суббота. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 320 с. + 4 с. ил. – (Серия «АИРО – первая публикация» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- Между каникунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет / Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 1520 с.
- Фридрих Фирсов*. 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. – (Серия «АИРО – первая публикация») – М.: АИРО-XXI, 2013. – 480 с. + 32 с. илл.
- Л.Н. Суворова*. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком / Л.Н. Суворова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 304 с. – (Серия «АИРО – Первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- А.Ю. Каратеев*. Авиационные инженеры в России и СССР. Подготовка кадров в 1909–1945 гг. / под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 368 с. – (Серия «АИРО – Первая монография»).
- С.Н. Чекин*. Старый Буян, Самара, Печорлаг. Повествование врача Трудникова. Составитель и автор предисловия Л.С. Чекин. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 296 с. + 8 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- М.И. Мельтюхов*. Красная армия и несостоявшаяся революция в Германии (1923 г.). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 216 с. – (Серия «АИРО – Монография»).
- Валерий Брюсов*. В эту минуту истории. Политические комментарии. 1902–1924 / Составление, вступительная статья В.Э. Молодякова. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 312 с. + 4 с. илл. (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Л.А. Посадская*. Советская повседневность в художественных текстах (1920-е – 1990-е годы). (Серия «АИРО – монография»). – М.: АИРО-XXI, 2013. – 184 с.
- Евреи. История по Брокгаузу и Бухарину. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 384 с.
- Д.В. Стрельцов*. Япония: политическая модернизация эпохи Хэйсэй. – М.: АИРО-XXI, 2013. – 280 с.

- В.Я. Гросул.* Общественное мнение в России XIX века. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 560 с.
- Идущий вперед. К 90-летию Гейдара Алиева. – М.: Вестник Кавказа; АИРО-XXI, 2013. – 368 с.
- Современное медиапространство Азербайджана. Под ред. Г. Бордюгова. Предисл. А. Рагимова. – М.: АИРО–XXI, 2013. – 416 с. + 36 с. илл.
- Мещёра-край: Альм. по истории и культуре Мещерского края / Гл. ред. С.С. Михайлов. М.: Рус. деревня; АИРО-XXI (Б. тип.), 2013. Вып. 3. 320 с. – (АИРО – Рос. провинция).

Научное издание

Екатерина Владимировна СУРОВЦЕВА
БАДЕН ПОД ВЕНОЙ И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ.

Историко-культурологический путеводитель
с приложением воспоминаний
барона Ф. Ф. Торнау

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

ISBN 591022254-6

9 785910 222544

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 30.12.2013
Формат 60×84/16. Усл. изд. л. 15,5
Тираж 700 экз. Зак.